

Министерство образования Российской Федерации

Алтайский государственный университет

На правах рукописи

Губернаторова Элина Викторовна

**МЕТАФОРА КАК КОМПРЕССИРОВАННЫЙ КОМПОНЕНТ
ПЕРЕВОДА: ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
В.А. Пищальникова

Барнаул 2003

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Исследование метафоры как когнитивного феномена в современном языковедении	23
1.1. Обзор эволюции взглядов на феномен метафоры как познавательной структуры в теории языка	23
1.2. Состояние изученности метафоры как смысловой компрессии в современном языковедении	31
Выводы	44
Глава 2. Нейрофизиологические и психолингвистические основания исследования метафоризации как познавательного процесса	48
2.1. Метафорическая структура как модель универсального ментального механизма компрессирования смысла	57
2.2. Динамизм когнитивной метафорической структуры	66
2.3. Концепт, конвенциональный стереотип, когнитивная модель как средства анализа метафорического компонента концептуальной системы индивида	68
2.4. Деятельностный подход к исследованию метафоры как когнитивной структуры	71
Выводы	77
Глава 3. Экспериментальное исследование метафоры как способа компрессии смыслов в исходном тексте и тексте перевода	81
3.1. Цель, задачи, материал исследования, характеристика испытуемых первого этапа эксперимента	81
3.2. Алгоритм анализа метафорического контекста	83
3.3. Обоснование адекватности исследовательской версии перевода и интерпретация результатов первого этапа эксперимента	87

3.4.	Выделение наиболее частотных способов (моделей) перевода метафорических фрагментов респондентами	124
3.5.	Переводческие стратегии понимания метафорического текстового комплекса оригинала	136
3.6.	Цель, задачи, материал исследования, характеристика испытуемых второго этапа эксперимента	142
3.7.	Выявление доминирующих стратегий восприятия переводного метафорического текстового комплекса и сопоставление стратегий понимания и восприятия по результатам первого и второго этапов эксперимента	143
	Выводы	147
	Заключение	149
	Библиографический список	156
	Приложение 1	173
	Приложение 2	177

Введение

Принцип дополнительности, возникший в квантовой механике, закономерно распространяется и на методологию языковедения. Новое тысячелетие выдвигает в языкознании на первый план интеграцию трех парадигм – психолингвистической, когнитивной и синергетической, что позволяет обнаруживать общие свойства у систем, обладающих *«генетической и функциональной самостоятельностью, но в норме функционирующих в единстве»* [Герман, Пищальникова, 1999, с. 15]. Обнаружение коррелирующих элементов нейрофизиологических, ментальных и речевых процессов, как оказалось, может способствовать разрешению многих дискуссионных вопросов, связанных с проблемой понимания речевого произведения. Психолингвистика, когнитивная лингвистика в ее «зарубежном» варианте, программы когнитивных исследований отечественных ученых и лингвосинергетика в течение нескольких последних лет развивались параллельно. Однако вполне закономерно возникло стремление к объединению этих разных подходов, поскольку обозначилось их внутреннее единство (см. [Пищальникова, 2000, 2001] и др.). В рамках нашего исследования мы предпринимаем попытку совмещения этих парадигм, поскольку такой их синтез, на наш взгляд, способствует более продуктивному поиску *новых способов исследования объекта лингвистики*, а также существенному сдвигу в проблеме понимания речевого сообщения – одной из центральных в языковедческих исследованиях XXI в. – и роли отдельных его компонентов в едином процессе понимания. Неиссякаемый научный интерес к метафоре как компоненту речевого произведения в связи с этим связывается с *новыми путями исследования функционирования метафоры как компонента концептуальной системы индивида*. Рассмотрение *перевода как особого речемыслительного процесса*, нацеленного на понимание и реконструкцию авторского смысла вообще и метафорического в частности, может выявить новые аспекты проблемы понимания смысла метафорического компонента текста. Несмотря на

многочисленные попытки обнаружить сущностные свойства когнитивной метафорической структуры, предпринятые как в отечественном (К.И. Алексеев, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Базылев, Н.Ф. Крюкова и др.), так и в зарубежном (G. Fauconnier, J. Grady, M. Jonson, G. Lakoff, M. Turner и др.) языковедении, в науке нет единого мнения о совокупности онтологических свойств этого объекта. В диссертации предлагается путь исследования *функциональной динамической синергетической метафорической структуры* в концептуальной системе индивида, идущий от переводческих моделей/стратегий понимания смысла метафоры, эксплицирующихся в переводных версиях информантов. Переводческие стратегии были выделены в результате организованной рефлексии исследователя над установленными в ходе анализа результатов эксперимента способами перевода метафоры. Существует и проторенный путь исследования метафоры – изучение конкретных проявлений метафорической когниции автора, метафор художественного текста как ее материализаций. Оба эти пути не исключают друг друга, однако в работе отдано предпочтение изучению *метафоры как компрессированного компонента переводческой деятельности*. Мы отдаем себе отчет в том, что полный отказ от традиционного пути исследования метафоры не только невозможен, но и нецелесообразен. Используя перспективные возможности принципа дополнительности, мы предпринимаем попытку интегрировать оба названные подхода и приоритетным считаем именно интегративный подход как наиболее продуктивный в рамках психолингвистической парадигмы.

Проблема понимания речевого произведения привлекала к себе еще внимание А.А. Потебни. Творческая активность этого выдающегося лингвиста, как известно, была стимулирована трудами великого философа языка В. фон Гумбольдта. В своих работах А.А. Потебня утверждал, что *реальная жизнь слова осуществляется только в речи* [Потебня, 1976, 1989, 1990, 1999]. Мы намеренно акцентируем ряд положений А.А. Потебни, чтобы показать, насколько они соответствуют новой психологической парадигме и не противоре-

чат новому аппарату лингвистического исследования. Слово, по мнению А.А. Потебни, является нерасторжимым единством внешней формы, содержания и внутренней формы. Такое единство представляет собой, пишет ученый, **пульсирующее образование**. *В сдвиге отношений* между этими тремя компонентами наглядно представлена *динамика языка*. Это положение может быть до конца понятым только сейчас, когда лингвистика начала обращать внимание на исследование динамики *собственно языковой*, а не просто на изменение отношений между словом-знаком и обозначаемыми им реалиями. Динамика языка понималась односторонне, и только в последнее время она стала рассматриваться как онтологическое свойство языка-феномена. Для нас представляет научный интерес и учение А.А. Потебни о внутренней форме слова, которая, по мысли ученого, **рождается вместе с пониманием**. Обратим внимание на то, что внутренняя форма не понимается при восприятии слова, а *рождается* в процессе понимания. Объективное содержание слова А.А. Потебня называет его «ближайшим этимологическим значением», которое «всегда включает в себе только один признак; другое – субъективное содержание, в котором признаков может быть множество. Первое есть знак, символ, заменяющий для нас второе» [Потебня, 1976, с. 114]. Именно первое содержание является, по мнению А.А. Потебни, внутренней формой. Таким образом, внутренняя форма – это конвенция, все остальное в слове – субъективно. Внутренняя форма слова, по его мнению, обладает несколькими функциями: 1) она есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, **как представляется человеку его собственная мысль**; 2) внутренняя форма слова «дает направление мысли слушающего, но она ... дает только **способ развития** в нем значений, **не назначая пределов его пониманию** слова. Слово одинаково принадлежит и говорящему, и слушающему, а потому *значение его состоит не в том, что оно имеет определенный смысл для говорящего*, а в том, что оно **способно иметь смысл вообще**. Только в силу того, что содержание слова способно расти, слово может быть средством понимать другого» [Там же, с.

180] (выделено мной. – Э.Г.). Следовательно, *слово лишь стимулирует деятельность реципиента, направленную на понимание речевого произведения, задает это направление. Динамический потенциал внутренней формы заключается в порождении гибкости образа, в возбуждении самого разного содержания, а не только того, которое представлялось автору.* Таким образом, внутренняя форма – это не этимологический признак, а *способ представления мысли.* В процессе восприятия текста у реципиента идет собственное, хотя и вторичное, порождение высказывания. Слово, актуализируя мыслительную активность реципиента, *не может быть тождественно авторскому пониманию.* Благодаря комбинации слов как совокупности конвенциональных знаков реципиент ориентируется в представленном авторском фрагменте реальности. Происходит соотношение концептуальных систем продуцента и реципиента. А.А. Потебня справедливо утверждает, что *«каждый мыслит своей собственной мыслью ... новый образ в каждой душе застаёт другое сочетание прежних восприятий, другие чувства и в каждой образует другие комбинации»* [Там же, с. 140] (курсив мой. – Э.Г.). Однако адекватное (но не тождественное!) понимание речевого произведения возможно. Таким образом, из процитированного вытекает несколько существенных для нашего исследования моментов: 1) исследовать реальное значение слова можно только в речевой деятельности; 2) внутренняя форма как способ представления мысли задает характер восприятия и понимания слова, но не задает границ его понимания. Эти положения чрезвычайно важны при изучении процесса *переводческой деятельности – вторичной смыслопорождающей деятельности и ее компонентов.*

Для понимания сущности метафоры как компрессированного компонента переводческой деятельности важно коррелирующее с внутренней формой понятие **«сгущение мысли»**, введенное исследователем. А.А. Потебня выделяет два свойства «сгущения мысли»: 1) особенность его воздействия *достаточно обычным словом*; 2) *синергетичное существование в художественном*

тексте определенности и бесконечности очертаний. Эти свойства приобретают особую актуальность и значимость при их проецировании на изучение метафорического текстового комплекса художественного произведения. Мыслитель также отмечает **установление внутренней связи восприятий, отличной от их механического сцепления**, что также приложимо к исследованию функционирования компонентов метафоры в деятельности по порождению авторского смысла. Синергетическим по сути представляется и следующее положение концепции А.А. Потебни: *«Преобразования чувственных впечатлений могут быть выведены из сил, которые не таятся в этих восприятиях до времени, а действительно возникают при известных условиях, подобно тому, как физические силы не пробуждаются в веществе, а рождаются в нем при его взаимодействиях с другими»* [Потебня, 1999, с. 49] (выделено мной. – Э.Г.). Для реципиента таким определенным условием является восприятие речевого произведения как смыслового образования. Деятельность реципиента в этом случае направлена *на понимание фрагмента реальности автора, фрагмента, представленного вербально.* Метафора как компонент речевого произведения возбуждает поток образов восприятия действительности реципиента и объединяет их на базе актуального для ее продуцента интегративного признака. Метафора стимулирует возможность открытия нового, ранее не осознаваемого смысла для реципиента, который поднимается на новый уровень понимания окружающей действительности. Смысл для реципиента рождается как взаимодействие смыслов речевого произведения и содержания его концептуальной системы. И еще одно положение А.А. Потебни: **«Представления восстают из глубины души, сцепляются и тянутся вереницами, слагаются в причудливые образы или в отвлеченные понятия, и все это совершается само собою**, как восхождение и захождение светил» [Там же, с. 50] (выделено мной. – Э.Г.). Наиболее очевидно эти процессы отражены в метафоризации. Рассматривая метафору с лингвосинергетических позиций, мы полагаем, что ее уникальность состоит в том, что она предполагает *сцепление, синтез, бессоз-*

натальное единение разрозненных, на первый взгляд, образов восприятия окружающей действительности на основе актуального для продуцента интегративного признака. *Процесс метафоризации – это, по сути, специфическая концептуализация действительности.* Если это так, то исследование такой концептуализации в переводческой деятельности не просто интересно, но и необходимо для определения сущности последней.

Метафора фиксирует неосознанный выбор продуцентом комбинации конвенциональных семиотических единиц, передающей смысл. Мы полагаем, что компоненты процесса метафоризации часто соединены неосознаваемым признаком, отношением, поэтому представленные в метафоре образы восприятия окружающей действительности комплексны, слитны, синкретичны. Однако продуцент по необходимости *представляет* их в речевом произведении с помощью отдельных *конвенциональных* единиц. Учитывая сказанное, можно считать, что метафора – это *средство доступа к смыслам продуцента текста*, а не «украшающее» текст явление («троп»). Это *знаки особых когнитивных структур – синкретичных, объединяющих эмоциональную энергию с познавательными структурами иного рода.*

Учение А.А. Потебни о внутренней форме слова приложимо и к изучению метафоры как компонента переводческой деятельности с лингвосинергетических позиций. По А.А. Потебне, внутренняя форма слова – *стабильный* компонент содержания. Однако это не отрицает возможности развития, динамики содержания слова, а, напротив, *предполагает ее.* Для реципиента-переводчика, имеющего дело с иноязычным метафорическим фрагментом текста, внутренняя форма слова/значение лексемы является *стабилизирующим началом поиска* и средством адекватного понимания метафорического смысла текста продуцента. Стабильный компонент – значение лексемы, входящей в метафорический комплекс, является условием понимания авторского смысла. *Стабильное и нестабильное* в значении начинают функционировать *в единой*

системе, назначение которой заключается в порождении встречного высказывания, адекватного исходному.

Компоненты метафоры как функциональной синергетической системы объединены актуальным для продуцента интегративным признаком, который реципиентом, как правило, понимается, хотя и не осознается. В случае обнаружения реципиентом интегративного признака возможно встречное порождение текста (перевода), который адекватно передает авторский смысл, заключенный в метафорическом фрагменте текста.

В свете современных когнитивной и лингвосинергетической парадигм также представляется необходимым осмысление некоторых положений Л.С. Выготского о связи мышления и речи. Процесс отношения мысли к слову является *динамичным*, развивающимся. Л.С. Выготский утверждал: «Мысль и слово не связаны между собой изначальной связью. Эта связь возникает, изменяется и разрастается в ходе самого развития мысли и слова» [Выготский, 1956, с. 320] (курсив мой. – Э.Г.). Такой подход разрушает «треугольный» подход к значению, ведущий, быть может, к установлению стабильного компонента значения слова, но лишаящий слово его психологического – единственно реального – содержания. Далее исследователь отмечает: «Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове» [Там же, с. 332]. Очевидна близость этого высказывания к цитированным ранее положениям А.А. Потебни. Для нас представляет научный интерес и следующее положение Л.С. Выготского: «**Всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, установить отношение между чем-то и чем-то. Всякая мысль имеет движение, течение, развертывание, одним словом, мысль выполняет какую-то функцию, какую-то работу, решает какую-то задачу**» [Там же, с. 330] (выделено мной. – Э.Г.). Восприняв метафору художественного текста, реципиент, пытаясь избавиться от энтропии смысла, стремится найти сходные концепты в своей концептуальной системе, *установить* между ними *связь, предопределен-*

ную текстом оригинала. Таким образом, понимание всегда активно, деятельно. Реципиент привносит фрагмент авторского познания реальности, вербализованного метафорой, в свою концептуальную систему, при этом неизбежен процесс ее переструктуризации. Происходит *активное* ассимилирование авторского понимания фрагмента окружающего мира/авторской модели действительности в концептуальной системе как среде обитания реципиента. Метафора указывает на *возможность* соотношения, сопоставления, гибкой корреляции разрозненных образов восприятия реальности, которые в метафорическом текстовом комплексе функционируют в единой системе речесмыслопорождения.

Таким образом, *мысль – деятельность*, мышление – деятельностный процесс, более того, процесс мышления не только деятельностен, но и метафоричен. В его основе лежит базовый когнитивный механизм аналогии. Субъект познает новые явления окружающей действительности, соотнося их с уже известными, путем установления связей, отношений. Новая информация перемежается со знакомой, в противном случае процесс познания становится невозможным. Таким образом, метафоризация – *авербальное, дорассудочное понимание мира*, метафора – *вербальная передача авторского понимания фрагмента мира, авторского личностного смысла*. Метафора представляет синтетическое нерасторжимое единство авербального и вербального (см. [Герман, Пищальникова, 1999]). Континуальность мышления и дискретность языка уравниваются в метафоре как специфической форме вербальной фиксации способа осознания реальности. Поэтому для реципиента *метафора в художественном тексте представляет собой смысловой сгусток, авторский компрессированный смысл*. «Синкретичность метафоры делает возможным передачу нерасчлененного, сложного смысла, в котором, тем не менее, легко обнаруживается доминанта» [Староселец, 1997, с. 33]. *Именно доминанта в метафоре способствует адекватному пониманию авторского личностного смысла*. Доминанта *направляет* креативную деятельность реципиента, наце-

ленную на достижение понимания авторского смысла, заключенного в метафорическом текстовом пространстве. Доминанта «запускает» процессы самоорганизации в концептуальной системе реципиента, снижая энтропию смысла, привнесенного метафорой.

Некоторые положения концепции Л.С. Выготского приложимы к разработке теории перевода «на основе *концептуального анализа*, когда содержание текста представляется как *функциональное поле смысла*, а не речевая актуализация семантического поля какой-либо лексемы» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 80]. Базируясь именно на концептуальном анализе как приоритетном, необходимо изучать *взаимодействие компонентов метафорического комплекса*, поскольку лексемы, составляющие метафорический фрагмент, не реализуют некие разрозненные абстрактные, только стабильные значения, а вступают в деятельность по порождению авторского, сугубо личностного смысла. Это подтверждается, например, следующим положением Л.С. Выготского: «Смысл слова ... представляет собой *совокупность всех психологических фактов, возникающих* в нашем сознании благодаря слову» [Выготский, 1956, с. 369] (курсив мой. – Э.Г.). Смысл слова является всегда **динамичным**, текучим, структурно сложным образованием, имеющим *несколько зон различной устойчивости*. **Значение** – одна из зон смысла, «и притом зона, **наиболее устойчивая, унифицированная и точная**» [Там же, с. 369] (выделено мной. – Э.Г.). Л.С. Выготский развивает свою мысль далее: «... значение есть не более как **потенция, реализующаяся в живой речи**, в которой это значение является **только камнем в здании смысла**» [Там же, с. 369–370] (выделено мной. – Э.Г.). Это положение является развитием идеи А.А. Потебни о внутренней форме слова, которая, будучи конвенцией, способствует встречному порождению смысла на базе исходного слова, например, характеризующегося нестереотипностью. Общеизвестно, что в процессе перевода текста далеко не всегда достаточно переводить лексические единицы одним из словарных значений, а осмысление метафорического фрагмента текста не укладывается в рамки

системных значений конвенциональных лексических единиц. Смысл метафоры не может быть обнаружен из перевода лишь отдельных системных значений входящих в нее компонентов. Метафора в иноязычном тексте отражает *авторский способ познания окружающей действительности, и именно он должен быть зафиксирован в переводе*. Синергетическим, по сути, является и следующее положение Л.С. Выготского: «... смыслы слов, более **динамичные** и широкие, чем их значения, обнаруживают **иные законы объединения и слияния друг с другом**, чем те, которые могут наблюдаться при объединении и слиянии словесных значений. ... **Смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга**, так что предшествующие как бы содержатся в последующем» [Там же, с. 372] (выделено мной. – Э.Г.). Этот тезис станет для нас одним из основных при разработке алгоритма анализа/интерпретации метафоры.

Г.И. Богин, представитель филологической герменевтики, разработал схему, в которой иерархически расположены типы понимания:

1) семантизирующее понимание, т.е. декодирование единиц текста, выступающих в знаковой функции;

2) когнитивное понимание, т.е. освоение содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание;

3) смысловое «феноменологическое» понимание, построенное на распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных все же именно в средствах текста [Богин, 2002, с. 37–38].

Для нас значимым является вывод Г.И. Богина о том, что понимание вербального художественного произведения осуществляется как **распредмечивающее, смысловое**. В своем исследовании мы оперируем понятием рефлексии, поэтому обратимся к рассмотрению мнения Г.И. Богина о том, как реализуется рефлексивная основа понимания. Он отмечает, что «актуально наличный

текст со всей своей содержательностью рефлектируется во «втором тексте», а «второй текст» начинает рефлектироваться в процессе понимания, равно как и интерпретация первого. Рефлексия вообще заключается в том, что **возникают взаимные сопоставления и противопоставления, приводящие к выражению одного содержания в другом, причем именно в этих условиях реципиент и получает выход к смыслам ...**» [Богин, 1982, с. 73] (выделено мной. – Э.Г.). В процессе переводческой рефлексии устанавливаются отношения, связи между составляющими метафорический контекст компонентами. Рефлексивная основа понимания как раз и заключается в том, что осознаются взаимовлияющие, взаимодополняющие, мультидетерминированные связи между структурно-смысловыми компонентами текста. Доминантный авторский смысл, заключенный в определенном контексте, акцентируется одновременно *несколькими* составляющими. Именно при осознании взаимообуславливающих отношений между компонентами текста реципиент-переводчик получает доступ к смыслам. В этом случае он способен выйти на адекватное понимание смысла речевого произведения автора. Рефлексия – это взаимодействие между прошлым опытом реципиента и новой ситуацией, представленной в тексте в качестве предмета для освоения. Г.И. Богин пишет: «... во-первых, осваиваемый образ ситуации получает какие-то признаки уже освоенных ситуаций, во-вторых, **изменяется отношение к старому опыту, к образу уже освоенных ситуаций**» [Богин, 2002, с. 34] (выделено мной. – Э.Г.). Следует подчеркнуть, что концептуальная система реципиента при понимании речевого произведения находится в постоянном процессе структуризации. В процессе встречного порождения смысла прошлый опыт реципиента трансформируется. Происходит процесс установления новых ассоциативных связей между концептами. Исследователь продолжает: «Элементы нового опыта в акте понимания образуют организованность, т.е. некоторое целое, **содержательно превышающее сумму своих частей**, благодаря чему акт понимания текста и может приводить к новому знанию» [Там же, с. 34] (выделено мной. – Э.Г.). При осмыслении

метафорического содержания реципиент поднимается на *качественно* новый уровень осознания действительности, т.е. модифицируется концептуальная система реципиента. Таким образом, текст как самоорганизующаяся система эксплицирует экзогенную (внешнюю) активность. В этом и есть проявление одного из его сущностных свойств, а именно свойства *спонтанной активности*, которое выражается **в способности текста упорядочивать среду обитания реципиента**. Модельный мир автора не только «достраивается» до внутреннего мира интерпретатора, но и модифицирует его. В концепции Г.И. Богина процесс понимания рассматривается как *организованная рефлексия*, и это очень важно для осмысления стратегий перевода. Рефлексия – один из видов мыслительных операций, базирующийся на анализе языковых репрезентантов и их связей. Не менее важной при осуществлении переводческого процесса является и деятельность механизма активизации гибких когнитивных структур реципиента-переводчика, мотивированная порождением встречного смыслопостроения, адекватного исходному, на языке перевода.

При рассмотрении возможности построения вторичной смыслопорождающей метафорической модели переводчика, коррелирующей с исходной, мы опираемся на исследования О.Д. Кузьменко-Наумовой о существовании единого механизма эквивалентных смысловых замен, суть которого заключается в существовании *сходных механизмов восприятия и порождения речи*, основанных на единых для всего организма человека нейрофизиологических процессах. А если это так, то специфика метафорической когниции такова, что *раскрытие авторского смысла, представленного метафорой в иноязычном художественном тексте, под силу любому реципиенту*, если его уровень владения языком достаточно высок. Другое дело, что переводческие стратегии бывают разными, совершенно естественно, что допустим плюрализм интерпретаций, поскольку текст как смыслопорождающая система не только допускает, но и *предполагает возможность разных прочтений*. Это зависит от емкости и гибкости когнитивной базы реципиента, уровня языковой компетенции лично-

сти, фоновых знаний и т.д. Однако доминанту/инвариантный признак, предположительно, должно понимать большинство. При восприятии метафоры энтропия смысла ведет к усилению креативной деятельности реципиента, и это, как нам представляется, очень важно для вхождения в авторскую метафорическую модель концептуализации фрагмента мира. Понимание метафоры – это ее интерпретация в определенной концептуальной системе, возможность построения в ней *смысловой структуры, адекватной исходной*.

Известно, что в настоящее время существует необходимость в дальнейшей детальной разработке теории перевода. Представляется, что интегративный подход, в котором психолингвистическая, лингвосинергетическая и когнитивная парадигмы совмещаются по принципу дополнительности, является перспективным для изучения путей развертывания переводческой деятельности, этой вторичной речемыслительной деятельности переводчика. На сегодняшний день очевидна необходимость в разработке теории перевода, в которой бы предлагаемые **модели перевода соответствовали реальному функционированию языка перевода как репрезентанта мышления автора на языке оригинала**. Это вполне осуществимо в условиях *деятельностного подхода* к исследованию языковых явлений. Специфика деятельностного подхода такова, что он необходимо предполагает *учет связи языка как психического феномена с другими высшими функциями человека*. Моделирование переводческой деятельности на основе исследования структурированной версии перевода детерминируется *универсальностью процессов речемыслительной деятельности*. Считаем, что **исследование метафоры как компрессируемого компонента перевода в рамках деятельностного подхода выявляет специфику функционирования последнего**. Именно когнитивная/психологическая парадигма, как оказалось, является более продуктивной при изучении метафоры как компонента переводческой деятельности, поскольку она *объясняет, как функционирует метафорическая смысловая нагрузка, репрезентированная автором текста оригинала, в концептуальной системе реципиента*

та-переводчика, *какие* нейрофизиологические, психофизические, психолингвистические основания лежат в основе восприятия и встречного порождения высказывания. Функционирование метафоры как синергетической динамической системы в концептуальной системе переводчика, эксплицированного в переводных версиях, **позволяет представить реальную динамику метафорического смысла.** В переводческой деятельности *синергизируются* и языковые репрезентанты авторского метафорического смысла на языке оригинала, и концептуальная система переводчика, и возможности языка перевода. Таким образом, *процессы восприятия и встречного порождения высказывания синергетичны, а потому являются в своей основе самоорганизующимися, гибкими, вероятностными.*

В свете вышеизложенного **цель** нашего исследования – выявление специфики метафоры как средства компрессированного представления смысла. Универсальность метафорической компрессии аргументируется сопоставлением исходного и переводного текста.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение нескольких **задач**:

1. Определить основные тенденции исследования метафоры как когнитивного феномена, что позволит представить основные вопросы, связанные с изучением механизма компрессирования смысла в метафоре.

2. Соотнести нейрофизиологические и психолингвистические положения, способствующие изучению метафоры как компрессированного компонента переводческой деятельности в рамках деятельностного подхода.

3. Экспериментально проверить гипотезу о том, что доминанта метафорического текстового комплекса адекватно понимается большинством респондентов.

4. Экспериментально проверить существование сходных механизмов восприятия иноязычного текста и встречного порождения текста перевода. Это позволяет аргументировать универсальность метафорической компрессии.

Объектом диссертационного исследования является метафора иноязычного художественного текста.

Предмет исследования – способы представления рассматриваемого феномена в тексте перевода.

Актуальность работы определяется следующим:

1) необходимостью интеграции подходов при изучении проблемы соотношения вербальных и ментальных структур. Язык, как известно, принимает участие в переработке, хранении и передаче интериоризированной информации. Когнитивная отечественная лингвистика, на ряд постулатов которой мы опираемся в настоящем исследовании, декларирует своей первоочередной задачей изучение категорий и единиц языка как способов упорядочения знаний, хранения масштабных объемов сведений, воспроизводства присвоенной информации в оптимальных формах, а также режимов поиска по установлению связей в ходе творческой речемыслительности;

2) необходимостью изучения специфики когнитивного аспекта переводческой деятельности и отдельных ее составляющих, что позволяет найти новые основания теории перевода, находящейся на сегодняшний день на этапе становления.

Научная новизна исследования заключается в следующем: во-первых, в работе впервые теоретически и экспериментально доказано, что метафора – универсальное динамическое компрессированное смысловое образование, когнитивные составляющие которого можно смоделировать. В нашем диссертационном исследовании впервые экспериментально доказан факт функционирования метафоры иноязычного художественного текста как динамической когнитивной структуры в концептуальной системе реципиента-переводчика. Во-вторых, при анализе метафоры как средства компрессии смысла применялись верифицированные данные нейрофизиологических, психофизиологических, психолингвистических исследований. Они позволили доказать, что метафора является одной из форм реализации универсального ментального механизма компрессирования смысла, сущность которого заключается в способности «сворачивать» эмоциональную энергию языковых структур и структур ментальных в структуры метафорической когниции. Найдя соответствующую материальную форму воплощения, эти вербально-авербальные комплексы становятся относительно стабильными, а потому способными компрессироваться в относительно устойчивые образования. В-третьих, в работе осуществлена интеграция двух подходов к исследованию смысловой метафорической целостности: подход, изучающий отдельные элементы как составляющие структуры объекта исследования, и другой, акцентирующий взаимодействие, взаимоотношения, синтез входящих в состав целого компонентов. При первом подходе акцентируется изучение количественных и качественных характеристик отдельных составляющих, при втором – качественно новое смысловое образование, содержание которого невыводимо из характеристик/значений отдельных компонентов.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется аргументацией представления о метафоре как компрессированной вербальной познавательной структуре, на основе которой совершается не только понимание и фиксация познанного, но и процессы встречного, адекватного исходному, речесмыслопорождения, построения встречной смысловой структуры, инвариантной исходной. Это имеет существенное значение как в целом для метафорологии, так и для становления теории перевода, соответствующей современным воззрениям на речевую деятельность. Процесс перевода метафоры рассматривается как построение концептуальной модели, инвариантной исходной, детерминирующей способ интерпретации авторского фрагмента окружающей действительности при синхронной репрезентации стабильного компонента структуры и активизации латентных ментальных признаков, что предусматривает установление реципиентом-переводчиком соотношения гибких/нестабильных и жестких/стабильных компонентов метафорической модели. Проблема метафоры как структурного компонента концептуальной системы автора, его речемыслительного процесса и структурирующего компонента концептуальной системы реципиента-переводчика рассматривается

при этом как частное проявление общей проблемы понимания, взаимоотношения языка и сознания, мышления и речи.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования материала в разработке спецкурсов и пособий по проблемам психолингвистики, лингвосинергетики, когнитивной науки. Результаты работы могут продуктивно применяться на занятиях по анализу текста и практическому переводу.

Материалом исследования послужили метафорические контексты из рассказов Дж. Джойса и Р. Брэдли. Выбор материала обусловлен, во-первых, наличием опубликованных вариантов перевода метафорических отрывков текста оригинала, во-вторых, личными литературными пристрастиями исследователя.

Специфика поставленных цели и задач обусловила использование следующих методов и приемов исследования: компонентный, контекстуальный, концептуальный анализы. Компонентный анализ нацелен на выявление семного состава значения языковых единиц, а также на установление дефиниций лексем в русских и английских толковых словарях. Контекстуальный анализ устанавливает структурно-смысловые связи отрывка художественного произведения. Концептуальный анализ способен выявить динамику метафорических компонентов через актуализацию гибкости когнитивных структур.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Метафора является одной из форм реализации универсального ментального механизма компрессирования смысла, сущность которого заключается в способности «сворачивать» эмоциональную энергию языковых структур и структур ментальных в специфические структуры метафорической когниции.

2. Метафора – компрессированная вербальная структура, на основе которой совершаются не только понимание и фиксация познанного, но и процессы встречного, адекватного исходному, речесмыслопорождения.

3. Метафорические структуры – это гибкие структуры, актуализирующие латентные связи между компонентами.

4. Метафорический контекст выявляет гомоморфизм различных уровней текста в процессе структурирования доминантного личностного смысла автора при переводе.

5. Метафора обуславливает адекватность перевода вследствие способности регулировать протекание синергетических процессов в концептуальной системе реципиента, ограничивая множественность путей их развертывания.

Достоверность и объективность результатов исследования определяется, во-первых, объемом фактического языкового материала. В ходе работы над диссертацией методом сплошной выборки из аутентичных источников

отобрано свыше 100 метафорических контекстов и столько же их опубликованных переводных вариантов, во-вторых, количеством проанализированных теоретических источников, представляющих проблемы концептуализации и категоризации знания (211). В-третьих, надежность экспериментальных данных обеспечивает анализ выполненных заданий анкет 167 респондентов первого этапа и 183 – второго этапа эксперимента, а также 50 анкет носителей американского варианта английского языка.

Апробация работы. Основные положения исследования в виде докладов, выступлений, сообщений излагались на краевой научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.А. Воробьевой (Алтайский государственный университет, 1998 г.), на межвузовской научно-методической конференции «Гуманитарное образование в высшей школе: вызовы и ответы» (Алтайский государственный университет, 2000 г.), на II Всероссийской научно-технической конференции «Философия, методология и история знаний – 2002» (Алтайский государственный университет, 2002 г.). Апробация отдельных частей работы проходила на аспирантских объединениях в Алтайском государственном университете в 1999–2002 гг., а также на заседаниях кафедры «Язык массовых коммуникаций и редактирование» (Алтайский государственный университет).

По теме диссертации имеется 6 публикаций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы (211), источников фактического материала (5) и словарей (5), а также приложений (2), в которых представлены метафорические контексты оригинала и их опубликованные переводные варианты, предлагаемые для выполнения заданий анкет двух этапов эксперимента.

Глава 1. Исследование метафоры как когнитивного феномена в современном языковедении

1.1. Обзор эволюции взглядов на феномен метафоры как познавательной структуры в теории языка

Для более полного изучения феномена метафоры представляется целесообразным рассмотреть *эволюцию взглядов* на метафору как когнитивный феномен. Представим краткий экскурс в развитие взглядов на феномен метафоры в теории языка с целью выявления предпосылок возможности исследования метафоры как средства компрессированного представления смысла. При выделении основных тенденций исследования метафоры как когнитивного феномена мы прежде всего руководствовались тем, что именно эти концепции способствуют выявлению механизма смыслового компрессирования в метафоре. При изучении многочисленных трудов, посвященных исследованиям метафоры, мы выделили концепции Аристотеля, Ф. Ницше, Э. Кассирера, А. Ричардса, М. Блэка, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, поскольку в них мы обнаружили предпосылки становления *когнитивного подхода*, выделившегося в особое направление в языковедении в XX в. и становящегося одним из приоритетных в языкознании XXI в. [Аристотель, 1984; Ницше, 1994; Кассирер, 1990; Ричардс, 1990; Блэк, 1990; Lakoff, Johnson, 1980]. Мы намеренно не представляем в исследовании концепции авторов, которых можно отнести к лингвоцентрическому языковедению, поскольку исследуем, в отличие от языковедов данного направления, не язык – систему, а *речевую деятельность как нестабильную, пульсирующую структуру*. В нашем исследовании мы не акцентируемся только на установлении языкового значения слова-метафоры, а исследуем по преимуществу комбинацию конвенциональных семиотических единиц (метафору) как *деятельностную* систему, систему *создающуюся*, процессуальную, назначение которой заключается в репрезентации авторского содержания. Для нас принципиально положение, что смысловое целое метафорического комплекса *невыводимо* из отдельных стабильных компонентов значений

входящих в нее компонентов. Однако это не означает дистанцирование от достижений традиционного направления в языковедении. Мы не представляем обзора исследований, посвященных разноаспектному изучению метафоры, поскольку квалифицированный анализ существующих направлений дан в работах Г.С. Баранова, В.В. Петрова, Н.Ф. Крюковой, О.А. Староселец, Е.В. Шитиковой и др.

Тайна метафоры привлекала к себе выдающихся мыслителей начиная со времен античности, где ее исследование велось в рамках одного из разделов риторики и поэтики. В теории тропов исследовались типы переносных значений. Первое определение термина «метафора» принадлежит Аристотелю. «Переносное слово (*metaphora*) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по **анalogии**» [Аристотель, 1984, с. 669] (выделено мной. – Э.Г.). Акцентируем тот факт, что уже в те времена осознавалась значимость *базового когнитивного механизма – аналогии*. Итак, метафоризация – это способ аналогизирования. На сегодняшний день ведущим механизмом образования метафорической когнитивной структуры признается аналогия неконвенционального характера.

Аристотель полагал, что всякое имя есть или общеупотребительное, или редкое/переносное. Такая бинарная оппозиция значима для лингвоцентрического языковедения, где исследовались прямые и переносные значения слов. Мы понимаем значение иначе. Комбинация конвенциональных семиотических единиц (метафора) с нормированными значениями образует функциональную систему, динамическую, становящуюся, в которой присутствуют стабильные и нестабильные компоненты. Восприняв метафору иноязычного текста, реципиент, отталкиваясь от внешней формы как стабильного компонента значения, способен выйти на авторский личностный метафорический/нестабильный смысл, а потому не выводимый из нормированных/стабильных значений отдельных лексем, составляющих метафорический комплекс. Принципиально то, что доминанта метафорического фрагмента должна пониматься большинст-

вом реципиентов. Аристотель делит слова (имена) на общеупотребительные и «все остальные», которые он называет «необычными», противопоставляя их «общеупотребительным»: «... а необычными [словами] я называю редкие, переносные, удлинённые все прочие, кроме общеупотребительных» [Там же, с. 670]. Метафора, по Аристотелю, попадает в класс «необычных», «редких», противопоставляясь классу «общеупотребительных» слов. В сущности, разбирая примеры отдельных метафор, Аристотель подтверждает тот факт, что *комбинация общеупотребительных слов может стать «необычной», т.е. метафорической*. В нашей работе мы подчеркиваем, что метафора – это не одна лексема, а совокупность, по крайней мере, двух, смысл которых невыводим из значения каждой. Смысл метафоры – это не простая сумма значений входящих в нее компонентов, а некое их смысловое единство, выводимое интегративной функцией мышления из постижения связей, отношений между «общеупотребительными» лексемами. Реципиент способен обнаружить нетипичные, скрытые, нестабильные, но актуализированные в художественном произведении когнитивные признаки, объединяющие отдельные составляющие метафорического комплекса в единое пульсирующее стабильно-нестабильное образование.

Философия иррационализма стремилась доказать, что все познание окружающей действительности метафорично и в нем нет места истинности. Метафора, по мнению ряда философов, есть способ мышления. В нашей работе мы также исходим из положения о метафорической природе мышления. Ф. Ницше утверждает, что истина «недостижима... Мы думаем, что знаем кое-что о самих вещах... на самом же деле мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям» [Ницше, 1994, с. 257]. Эта идеалистическая позиция Ф. Ницше не раз была подвергнута критике. Нам же особо близко высказывание философа о том, что *побуждение человека к созданию метафор неискоренимо*. Таким образом, осознавалась значимость мотива познавательной деятельности (следует помнить, что

речевая деятельность изоморфна структуре той деятельности, в данном случае познавательной, в которую она включена). Поскольку выразителем мотива на уровне текста является эмоция, то они представляют собой единое целое. Мотив и эмоция определяют цель познания окружающей действительности, а следовательно, детерминируют процесс речесмыслопорождения. Процесс познания метафоричен, динамичен, континуален, а поскольку постигнутое необходимо фиксируется/овнешняется каким-то материальным феноменом, то становится очевидной правота философа. Нам же остается только добавить, что **метафора дискретизирует континуальность мышления, она не равна постигнутому, но является важной и наиболее оптимальной языковой формой, в полной мере отвечающей интенции продуцента.** Более того, отыскав оптимальную форму означивания метафорической когниции, *интегративный признак, актуальный для продуцента текста, принципиально доступен для восприятия и понимания реципиентом.* Интенция/метафорическая когниция автора, материализовавшись в языковую форму (метафору), нацелена на встречное понимание. Метафора становится доступом к пониманию фрагмента картины мира автора. Ф. Ницше отмечает, что человек «разбрасывает обломки, иронически собирает их вновь, **соединяя** по парам **наиболее чуждое** и разделяя наиболее родственное» [Там же, с. 265] (выделено мной. – Э.Г.). Интегративная функция мышления способна соединить в единое смысловое целое то, что раздроблено, чужеродно. Актуальный для продуцента интегративный признак синкретизирует компоненты метафоры в единое смысловое целое.

Для современных когнитивных исследований в области метафорологии значимо влияние идей Э. Кассирера, который разрабатывал теорию метафоры одновременно с Х. Ортега-и-Гассетом. Э. Кассирер полагал, что целостность человеческого сознания складывается из различных видов ментальной деятельности, акцентируя при этом необходимость изучения их генезиса. Э. Кассирер, включая в понятие метафоры метонимию и синекдоху, считает отголоском

мифологического представления о мире метафору. Э. Кассирер, в отличие от Ф. Ницше, выделял не только метафорическое (мифо-поэтическое), но и логическое мышление. Особая заслуга Э. Кассирера заключается в том, что он, не идеализируя роли метафоры в познавательном процессе, обратил внимание на *ее моделирующую роль*. В нашем исследовании мы акцентируем то, что *языковые выражения моделируют реалии окружающего мира*. Полагаем, что **метафора – это авторская/исходная модель фрагмента познания мира, которая в свою очередь инициирует порождение встречной/вторичной модели, инвариантной исходной**. Активный субъект/реципиент текста в процессе перевода метафорического компонента художественного текста включен в процесс познания фрагмента окружающей действительности, представленного автором речевого произведения метафорически. Реципиент способен интерпретировать метафору, а значит – способен установить связующие когнитивные интегративные признаки, отношения, связи между компонентами, входящими в состав метафорического комплекса, в конечном счете вторично сопрягая составляющие метафорический фрагмент компоненты, а потому порождая встречную компрессию смысла. Установление необходимых связей происходит благодаря заданной метафорой исходного текста неконвенциональной аналогией. Такого рода отношения носят ассоциативный характер. Н.Д. Арутюнова, исследуя работы Э. Кассирера, пишет: «... метафора не только формирует представления об объекте, она также **предопределяет способ и стиль мышления о нем**» [Арутюнова, 1990, с. 14] (выделено мной. – Э.Г.). В метафорической знаковой комбинации предопределен способ ее адекватного понимания, поскольку нестабильные компоненты, наличествующие и преобладающие в метафоре, воспринимаемы, а следовательно, поддаются интерпретации. *Для метафорической когниции важны не установление и фиксация стабильных связей, а, в большей мере, «высвечивание» гибких, нежестких, нестабильных отношений.*

Во второй половине XX в. изучение метафоры стало более систематическим. Метафора продолжает осмысливаться не только в философии, но и в лингвистике, психологии. В лингвистическо-философских работах того периода широко использовалось разграничение буквального и метафорического значений. Метафора рассматривается как способ существования лексического значения. Этим занималось лингвоцентрическое языковедение многие годы. Лингвоцентризм по преимуществу изучает язык как стабильную самодостаточную систему, автономную от речевой деятельности. Метафору трактуют как «выразительное средство» речи, исследуется ее «образность», экспрессивная роль в речевом произведении.

Радикально новый взгляд на метафору можно найти в интеракционистской теории английского философа, лингвиста, поэта и литературоведа А. Ричардса и американского логика и философа Макса Блэка. В своей работе «Философия риторики» А. Ричардс утверждал, что метафора – это не дополнительный механизм языка, а основная его форма [Ричардс, 1990]. По А. Ричардсу, человеческое мышление метафорично, что и определяет природу метафоры. Ученый пишет: «... когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли **взаимодействуют между собой** внутри одного-единственного слова или выражения, **чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия**» [Ричардс, 1990, с. 46] (выделено мной. – Э.Г.). Речь идет об интеракционистском принципе образования метафоры – принципе «взаимодействия мыслей». В своей концепции А. Ричардс вводит термины *tenor* и *vehicle*. Первый термин служит для обозначения основного содержания метафоры, второй – для обозначения внешней формы, «оболочки» данного содержания. А. Ричардсом, по сути, поставлен вопрос о том, что *содержание метафоры, ее смысл континуальны, а языковые выражения дискретизируют данное содержание.*

М. Блэк модифицирует идеи А. Ричардса. Ученый рассматривает метафорическое значение в структуре предложения. При взаимодействии лексем в

составе словосочетания или предложения возникает метафорическое значение. М. Блэка в первую очередь интересует познавательная функция метафоры. Он пишет: «... тайна метафоры – в связывании двух идей» (цит. по [Гусев, 1984, с. 106]). По М. Блэку, при взаимодействии *разнородных понятий* возникает *новое значение*. При столкновении двух идей рождается смысл, который невыводим из этих идей в отдельности. Такое положение теории зарубежного мыслителя нам особо близко, поскольку в нашей работе мы придерживаемся синергетического подхода к анализу языковых явлений, а именно – положения лингвосинергетики, согласно которому *целостность представляет собой качественно иное, новое образование, не равное простой сумме составляющих ее частей*. Качественно новое образование, а следовательно, и переход к нему, возможны *именно благодаря включению и изучению связей, отношений между входящими в состав целого компонентами, поскольку свойства порождаются в результате интеракции, взаимодействия частей целого*. Данное утверждение согласуется с принципиальным тезисом теории концептуальной интеграции, возникшей в американском когнитивном направлении, который гласит: «The blend is not constructed by union or intersaction of the inputs; it is not a skeletal or fixed mock-up of a few elements from the inputs, but it has a life of its own in the sense that it contains structure that is not calculable from the inputs and that it can be developed, once it is set up, on its own terms» [Turner, Fauconnier, 1995, p. 201]. Важно отметить идею *динамичности* качественно новой структуры, смыслового образования. Так, смысловая целостность невыводима из самостоятельных значений входящих в метафору компонентов. Автор книги «Модели и метафоры» затрагивает вопрос об ассоциациях, что также представляет для нас научный интерес. Исследователь пишет: «... для метафоры важна не истинность этих ассоциаций, а их быстрая активизируемость в сознании» [Блэк, 1990, с. 164]. В нашей работе мы опираемся на лингвосинергетический принцип саморегуляции ассоциативных уровней, уровней вербальных и невербальных

ассоциаций. В мышлении индивида имеет место субъектно-ассоциативный опыт. Эта когнитивная универсалия и лежит в основе понимания метафоры.

В настоящее время в западном языковедении существует целое направление в когнитивной лингвистике, ставящей своей приоритетной задачей семантическое описание языка. Зарубежными представителями когнитивной семантики являются Р. Джакендофф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Ч. Филлмор и др. [Jackendoff, 1983; Lakoff, Johnson, 1980; Langacker, 2001; Филлмор, 1988]. В отечественном языкознании данное направление представлено, в частности, работами Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, А.Н. Баранова, О.Д. Добровольского, Е.В. Рахилиной, Е.В. Лукашевич и др. [Кубрякова, 1999; Демьянков, 1992, 1994, 1995; Баранов, Добровольский, 1997; Рахилина, 2000; Лукашевич, 2002]. В рамках программы когнитивной семантики «зарубежного» варианта существует теория концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона, широко известная и в отечественной метафорологии. В когнитивной семантике метафора рассматривается как главное средство концептуальной системы индивида, с помощью которого он понимает и воспринимает один тип объектов в терминах объектов другого типа. Дж. Лакофф, М. Джонсон пишут: «... метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387]. Далее они отмечают: «... наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой» [Там же, с. 387]. Наиболее значимый для нас вывод, сделанный авторами монографии «Метафоры, которыми мы живем», следующий: «... метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. ... понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека»

[Там же, с. 389–390]. По сути, акцентируется разграничение метафоризации как познавательного процесса и метафоры как вербального репрезентанта, дискретизирующего континуальность мыслительной деятельности. Согласно теории метафоры Лакоффа-Джонсона, через индивидуальный опыт индивид приобретает определенные концепты, которые имеют свои названия. Эти концепты включают в себя определенные пространственные отношения, определенные физические онтологические концепты, переживания и действия. Концептуальная система индивида структурируется на базе этих основополагающих концептов. Все остальные концепты, по мнению мыслителей, метафоричны базовым. В рамках концептуальной теории метафоры авторы исследуют базовые метафоры (например, ARGUMENT IS WAR, MIND IS A CONTAINER и другие), а также теоретически обосновывают некоторые положения. В теории Лакоффа остаются принципиально открытыми вопросы, какие концепты считать базовыми и почему, каковы критерии их выделения.

1.2. Состояние изученности метафоры как смысловой компрессии в современном языковедении

Переосмысление трудов выдающихся мыслителей прошлых лет в преломлении к нашему ракурсу исследования метафоры как смысловой компрессии художественного текста является необходимой базой для прочтения работ современности, выделения положений различных концепций, наиболее близких исследовательским.

В нашей работе, как отмечалось, мы опираемся на когнитивный подход к изучению метафоры. Под термином «когнитивный» в нашем исследовании понимается «лингвоментальный». Сразу следует оговориться, что мы не применяем фундаментальную идею когнитивного подхода, акцентирующую манипулирование мышлением структурами знаний типа фреймов, сценариев и т.п., которые обеспечивают обработку типичных ситуаций. Художественная метафора, объект нашего исследования, не укладывается в эти понятия. Н.Ф.

Крюкова справедливо отмечает: «... *вряд ли можно найти единую матричную основу* во всем сложном многообразии художественных метафор» [Крюкова, 2000, с. 6]. Фреймовая структура включает, главным образом, стереотипные, типизированные, а потому стабильные дискретные признаки. Структура фрейма, сценария репрезентирует процесс категоризации, который осуществляется по принципу иерархии, где выделяется «главное – второстепенное», «общее – частное» и т.д. *Метафоризация – это процесс не столько категоризации, сколько концептуализации окружающей действительности, а потому метафорическая структура включает всю совокупность стабильных/устоявшихся/жестких и нестабильных/неконвенциональных/гибких когнитивных признаков, а также возможных и вероятных, организованных по принципу «ядро – периферия».* Метафора художественного текста, интерпретируемая реципиентом-переводчиком, порождает новый интегрированный концепт, гибкое встречное/вторичное смыслопостроение, а не фрейм. Фрейм – устойчивый, крайне консервативный, ригидный, мало подверженный изменениям компонент, концепт, напротив, – динамичное смысловое образование. Принципиальная континуальность концепта – главная специфическая характеристика этого феномена.

В нашем исследовании принята в качестве рабочей гипотеза о том, что словарные значения иноязычных лексем, входящих в метафорический комплекс, а также их дефиниции в толковых словарях отражают по преимуществу результаты категоризации. В переводных же версиях метафорических комплексов фиксируются, главным образом, результаты концептуализации. Однако переводчик не сможет осуществить встречное порождение смысла, адекватное исходному, т.е. процесс концептуализации, без знания словарных значений иноязычных лексем, их дефиниций в аутентичных словарях, т.е. без результатов категоризации. **По сути, результаты категоризации корректируются в процессе концептуализации.** Концептуальные структуры базируются на структурах категоризации. Другое дело, что в процессе перевода метафоры

художественного текста *задействуются более глубинные структуры, нежели поверхностное знание значений иноязычных слов*. А.С. Маганов пишет: «... перевод начинается там, где заканчивается словарь» [Маганов, 2002, с. 110]. Метафора художественного произведения вынуждает отходить от стереотипных способов передачи ее смысла на язык перевода и осуществлять поиск нового, нестереотипного, наконец, творческого пути решения конфликтной ситуации, переводческой проблемы. В нашей работе мы не исследуем фреймовые структуры в связи с заданными параметрами исследования. В настоящей диссертации акцентируется внимание на исследовании метафоры как функциональной, синергетической, динамической системы, и ее изучение в таком ракурсе проводится на экспериментальном материале – эксплицированных переводных версиях метафорических контекстов респондентов. Поэтому нам важно другое положение когнитивной теории метафоры, согласно которому «... в сознании существуют **глубинные структурные отношения между группами понятий**, позволяющие структурировать одни понятия в терминах других» [Крюкова, 2000, с. 6] (выделено мной. – Э.Г.). Причем эти глубинные отношения флексибильны. Метафора рассматривается как «главное средство нашей **концептуальной системы**, с помощью которого мы понимаем и воспринимаем один тип объектов в терминах объектов другого типа» [Ченки, 1996, с. 70] (выделено мной. – Э.Г.).

При восприятии метафоры реципиент соотносит новую информацию со знакомой, хранящейся в памяти. Реципиент воспринимает новое на базе известного. Согласно голографической теории памяти, новая информация закрепляется в разных участках мозга не ради нее самой. Образую свой след в памяти, эта информация перемежается с прошлым опытом субъекта, **интерпретирует и проецируется** на всю информацию, содержащуюся в мозге, т.е. установленные связи между новой и сходной/знакомой информацией могут образовывать след в памяти, *в сущности, компрессироваться*. Понимание метафоры сводится к попытке обнаружения в концептуальной системе индиви-

да знакомой ситуации, сходной с неизвестной, точнее, концептов, коррелирующих исходным.

Итак, в механизмах мозга происходит деятельностное соотношение хранящихся в памяти следов прежних воздействий/сигналов и новых сигналов внешних раздражителей. *В результате такого взаимодействия порождается качественно новое мыслительное образование, содержащее случайное*, которое и является интеграционным звеном между знакомым и незнакомым. **Именно случайное детерминирует деятельность механизма компрессии.** Случайное становится доминирующим, а следовательно, переместившимся с маргинальных/периферийных на центральные/ядерные позиции. Это положение чрезвычайно важно для изучения метафоры как смысловой компрессии текста в когнитивном ракурсе, поскольку оно обладает достаточно высоким объяснительным потенциалом.

Процесс мышления, как мы отмечали, метафоричен по своей природе. В основе процесса метафоризации лежит аналогия как неосознаваемое обобщение. Логика рассматривает аналогию «как операцию, позволяющую переносить существенные свойства с одного предмета на другой – на основании определенного тождества этих предметов» [Суровцев, Сыров, 1999, с. 23]. «Аналогия – вид наложения или изоморфизма между целостностями и отношениями двух систем. Аналогия эксплицитно подчеркивает сходные общности между ее референтами» [Крюкова, 2001, с. 39]. Из процитированного следует, что аналогия выделяет существенные сходные черты между реалиями. Нам важно то, что, базируясь на аналогии как универсальной мыслительной стратегии, метафора может возникать при очевидном отсутствии подобия реалий. Мышление может приписывать свойства тому и другому. У метафоры всегда есть основание метафоризации, хотя оно может быть предельно абстрактным. В метафоре происходит соединение, «слияние», синтез реалий. При этом порождается устойчивый синкретизм образа восприятия окружающей действительности. «Вот почему метафоризация может осуществляться не на базе неких

объективно сходных признаков реалий, а на основе «приписывания» субъективно важного смыслового компонента, связанного с признаком, свойством, отношением и т.д., концепту, в структуру которого ранее этот компонент не входил, причем достаточно часто эти компоненты связаны с абстракциями высокого порядка» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 69]. Метафора не сравнивает реалии, выделяя только стабильное отношение, признак, соединяющий их, **а «сталкивает» динамичные концепты, компрессируя стабильно-нестабильные компоненты в метафорическом текстовом комплексе.** Именно доминирование нестабильных компонентов расширяет креативное поле интерпретации реципиента, принуждая концептуальную систему реципиента *актуализировать гибкость смысловых структур и осуществлять гибкую интеграцию.* Сравнение образуется на явном рациональном/реальном признаке-соединителе. В отличие от сравнения в процессе метафоризации активизируется вся совокупность (рациональных, чувственных и т.д.) ментальных признаков. Сравнение может быть верным и неверным, но это не относится к метафоре. Метафора не выделяет сходных черт разных концептов, а запускает в работу ментальный процесс установления аналогий, причем аналогий неконвенционального порядка. *Для адекватной интерпретации метафорического смысла требуется не только и не столько способность обнаружить явный рациональный интегративный признак, сколько готовность и способность/возможность реципиента-переводчика к созданию инновационно-гибкой конфигурации смысла на базе исходного.* Важно, что синкретичная совокупность ментальных признаков, лежащих в основе исходной метафорической компрессии, детерминирует встречный процесс речесмыслопорождения на базе первичного. В случае если адекватность перевода недостижима при использовании формально-знакового и/или аналитического подходов, то тогда *и необходимо активизируется гибкость когнитивных структур переводчика, способная производить/осуществлять гибкое моделирование смысловых*

конфигураций. По сути, в этом и заключается сущность творческой деятельности переводчика.

Итак, когнитивный механизм аналогии является базовым для смыслопорождающей метафорической модели. Механизм аналогии определяется как психофизиологический устойчивый компонент (константа). Смысл метафоры, на первый взгляд, чрезвычайно открыт, неопределенен. На самом деле никакой «неопределенности» нет. При «вчитывании» в метафору первоначальная неопределенность уменьшается, поскольку в метафоре предопределен путь ее собственного осмысления. Входящие в метафору компоненты объединены жестко заданной аналогией, которая предполагает всю совокупность возможных латентных признаков-коннекторов. Е.В. Рахилина пишет: «... метафора – это и есть принцип аналогии, только действующий в семантике» [Рахилина, 2000, с. 360]. Понимание метафоры, адекватное исходному, принципиально возможно любым реципиентом благодаря деятельности данного механизма, т.е., предположительно, доминанта метафорического текстового комплекса понимается преобладающим большинством информантов, следовательно, принципиально осуществима инвариантность встречного смыслопостроения исходному. Другое дело, что степень погруженности реципиента в авторскую метафорическую модель вариативна. *Инвариантное значительно меньше вариативной части*. Когнитивный механизм аналогии способен выявить не только доминантные, а потому стабильные/инвариантные признаки, но и нестабильные/вариативные, возможные, но существующие соединители. Подчеркнем, что адекватная интерпретация (и перевод) метафоры художественного текста как оязыковленного фрагмента картины мира автора возможна в том случае, когда у переводчика активизируется гибкость когнитивных структур, их готовность справиться с привнесенной извне новизной, другими словами, **совершить адаптивную деятельность**.

В метафорологии стало общепризнанным положение о смыслообразующей роли метафоры. «Создавая образ и апеллируя к воображению, метафора

порождает смысл, воспринимаемый разумом» [Арутюнова, 1990, с. 10]. Метафора суггестивно насыщает речевое произведение. В.А. Суровцев и В.Н. Сыров полагают, что метафору вызывает к жизни «необходимость поразить читателя постоянным повтором необычных комбинаций, заставить его задуматься в направлении, выгодном автору» [Суровцев, Сыров, 1999, с. 27]. Такая позиция нам представляется отчасти неправомерной потому, что метафора – это прежде всего оптимальный *способ фиксации метафорической когниции автора*. С помощью метафоры автор фиксирует свое понимание мира, которое значимо для него. Значимо, а потому переживаемо. Это его «значащее переживание» (термин Г.И. Богина). Автор, вербализуя свое понимание, не руководствуется тем, что нужно «поразить» читателя. Автор передает свой индивидуально-личностный смысл читателю. Хотим отметить, что значащее переживание автора может осознаваться, осознаваться частично, не осознаваться реципиентом. По справедливому замечанию А.А. Залевской, «в соответствии с общими закономерностями психической деятельности индивид видит в тексте в первую очередь то, что он ожидает или хочет видеть, на что его нацеливают мотивы, ситуация, акцентирование внимания, личностные ориентиры и многое другое» [Залевская, 1999а, с. 249]. Активный субъект, реципиент, преобразует поступающую информацию в собственной концептуальной системе, в своем смысловом континууме в соответствии с тем, что значимо для него. Активная интериоризация новой информации (а значит, и понимание/интерпретация текста) в концептуальной системе реципиента происходит в том случае, если его система *готова* принять эту информацию. Поступившая извне информация в концептуальную систему реципиента ассимилируется и преобразует ее. Реципиент переживает новую информацию, а значит, происходит процесс осмысления. В подтверждение вышеизложенного приведем изречение Г.И. Богина: «... все осмысленное есть переживаемое» [Богин, 2001, с. 20]. Таким образом, понимание текста (метафоры) происходит в том случае, если значащее переживание как часть авторского смысла замечено реципиентом в тексте и значимо для

него. Для реципиента метафора имеет смысл, если она переживаема им. В этом случае целесообразно учитывать высказывание Ж. Деррида о том, что «всякое переживание есть переживание смысла (Sinn). Все, что является сознанию, все, что существует для сознания, есть смысл» (цит. по [Богин, 2001, с. 19]). На наш взгляд, метафора наиболее соответствует выражению собственно переживания, именованию смысла, в результате порождается *новый компрессированный смысловой комплекс, новый интегрированный компрессированный концепт*, который не только мыслится, осознается, но и переживается. Более того, Г.И. Богиним убедительно показано, что такая фигура речи, как метафора, «легче и быстрее других фигур «пробуждает» и стимулирует рефлексивные процессы и потому представляет собой эффективнейшее средство понимания содержательности текста. Метафора сама является опредмеченной рефлексией, ее ипостасью» (цит. по [Крюкова, 2000, с. 3]). Оптимизация понимания как когнитивного креативного процесса достигается благодаря метафоре. Метафора, будучи вербальным репрезентантом мыслительного содержания (а любая вербальная формулировка по объему меньше мыслительного содержания), является *средством выхода к значащему авторскому переживанию* и, соответственно, к его смыслу. Метафора втягивает реципиента в рефлексивный процесс, направленный на понимание континуального смыслового потока автора. Метафора оказывает стимулирующее воздействие на реципиента.

Метафора представляет собой *триединство энергии, информации, вещества (звуковой оболочки), некую целостность, которая определяет эволюцию динамической системы*. Синкретизм/компрессия энергии, вещества, информации является, на наш взгляд, специфической, а потому уникальной характеристикой метафоры. От метафоры идет сильный энергийный заряд, которому трудно противостоять вовлеченному реципиенту. В лингвосинергетике, на положения которой мы опираемся в своем исследовании, понятие энергии является ключевым. Под *энергией* мы понимаем, вслед за П.А. Флоренским, синергию слова. П.А. Флоренский подчеркивает: «Чтобы язык жил полною

жизнью и осуществлял свои возможности, надо освободить индивидуальную языковую **энергию** ... Процесс речи есть ... **взаимопрорастание энергии** индивидуального духа и **энергии** общечеловеческого разума. И поэтому в слове, как **встрече** двух **энергий**, необходимо есть форма и той и другой. Внешняя форма служит общему разуму, а внутренняя – индивидуальному. ... Слово **синэргетично**» (цит. по [Кузьмина, 1999, с. 211]). *В метафоре как раз и происходит совмещение/компрессия таких двух энергий: устоявшаяся конвенциональная форма и неконвенциональность и эмоциональность содержания, наполняющего ее.* Конвенциональные формы (единицы языка) – это «некие «силовые» **информационные потоки, взаимодействие которых в некоторых ситуациях приводит к структурированию среды**» [Аршинов, Свирский, 1994, с. 46] (выделено мной – Э.Г.). Таким образом, метафора является структурным образованием, появившимся в результате *взаимодействия, самоорганизации* таких единиц, другими словами, конвенциональные единицы языка вступают в деятельность по речесмыслопорождению. Метафора как *квант информации* является разрушителем относительной стабильности концептуальной системы реципиента и, одновременно, толчком к порождению нового/вторичного образования в ней. Восприняв метафору, концептуальная система реципиента приходит в неравновесное состояние. «Хаос ... играет конструктивную роль не только в процессах выбора пути эволюции, но и в процессах построения сложного эволюционного целого. Фигурально выражаясь, хаос выступает в качестве «клея», который связывает части в единое целое» [Князева, Курдюмов, 1997, с. 69]. Метафора (флуктуация) «вызывает быстрый лавинообразный процесс, выход на аттрактор» [Там же, с. 63]. В результате осмысления и интерпретации метафоры восстанавливается стабильность концептуальной системы реципиента, наступает состояние относительной устойчивости, происходит ее структуризация, *именно на этой стадии возможно включение механизма смысловой компрессии.* Реципиент поднимается на качественно новый уровень понимания после интерпретации метафориче-

ского контекста. *В этом и проявляется динамический характер (встречной) концептуализации, обусловленный этапом перехода от интерпретирования авторской метафорической модели к порождению компрессированной структуры, коррелирующей с исходной, в собственной среде обитания.* Таким образом, метафора – смыслопорождающая, а потому динамичная компрессированная модель, *благодаря такой компрессии в ней значительно возрастает смысловая емкость.*

Особо отметим то, что реципиент формирует только те смыслы, которые создают оптимальное соотношение в его среде обитания/концептуальной системе. Только в такой системе смыслов ему комфортно. Континуальный смысловой поток значим для индивида, а следовательно, переживается им. «Все смыслы взаимодействуют и образуют сеть, генетически (но не логически!) восходящую (но не сводящуюся!) к ассоциативной сети» (цит. по [Богин, 2001, с. 7]). В силу ассоциативности мышления оно способно интегрировать разнородные элементы. Метафора – это интегральная когнитивно-концептуальная, языковая и ассоциативно-апперцепционная обработка представленной информации реципиентом. Интеграция происходит *непосредственно*. Метафора стабильна лишь как *вербальный указатель на личностный смысл автора*. В своей сущности метафора – *динамическое смысловое образование*, способное переструктурировать концептуальную систему реципиента. Метафору мы рассматриваем как *когнитивно-креативную, динамическую модель познания*. В структуру этой когнитивной модели (метафоры) включены *отношения* между входящими в нее компонентами, которые воспринимаемы, но не вполне осознаваемы. Для реципиента метафора является оязыковленной *формой репрезентации авторского видения мира*. Внешняя форма фиксации значения выступает в качестве стабилизирующего начала поиска по установлению специфики авторского метафорического смысла. Реципиент, рефлекслируя над значением как устойчивой структурой, постигает авторский смысл, вложенный в метафорический комплекс, т.е. *постигает внутренне динамичное значимое*

смысловое содержание, стоящее за внешней формой. Таким образом, реципиент, осмысливая метафору, выходит на значимое переживание автора, его личностный смысл, фрагмент его картины мира. Факт существования различных представлений об одном и том же фрагменте окружающей действительности у разных людей является правомерным в силу уникальности личности. Однако авторская модель познания, вербально репрезентированная метафорой, становится доступной для реципиента, для адекватного понимания другого. Между автором метафорического контекста и реципиентом возможно понимание именно благодаря метафоре и только «в ней». Метафора – доступ к выходу на авторское понимание фрагмента окружающей действительности. Итак, мы полагаем, что именно внешняя форма является средством «пробуждения рефлексии над чем-то значительно отстоящим» [Богин, 2001, с. 14]. Метафора обладает «потенцией стимуляции сильного рефлексивного скачка – построения рефлексивного мостика-соединителя над трудно соединимым» [Там же, с. 14]. Внешняя форма (вещественная оболочка) задает путь к выходу на смысл, на значащее авторское переживание. Если реципиент втянут в рефлексивный процесс, то он на основе внешней формы (вещества) начинает осознавать, переживать смысл, стоящий за ней. Г.И. Богин отмечает: «Формальное *описывает* переживаемое, переживается же формальное лишь в той мере, в какой оно оказывается «зараженным смыслом», то есть втянутым в рефлексивные процессы» [Там же, с. 20]. Так, **метафора – субъективно значимое авторское переживание познанного, осмысленного, заструктурированного/компрессированного в его концептуальной системе и вербализованного во внешней форме знака, нацеленное на встречное адекватное понимание реципиентом/встречную компрессию смысла.** На основе вербального репрезентанта (метафоры) реципиент выстраивает *интерпретационную схему*, которая принципиально открыта и динамична. Интерпретационная схема – это индивидуальный процесс вхождения реципиента в когнитивную модель (метафору) автора. Реципиент, постигая когнитивную модель, постигает,

главным образом, связи между ее компонентами. Эти связи носят ассоциативный характер. Осмысливая метафору, реципиент становится неотъемлемой частью когнитивной среды, в которой происходит постижение, самоорганизация нового смысла. Поскольку интерпретационные схемы у разных воспринимающих индивидуальны, разные, поэтому существуют разные стратегии понимания. Однако некое общее адекватное (но не тождественное!) понимание реально возможно в силу общности стратегий понимания, общности ассоциативно-апперцепционной базы как поля интерпретации метафоры.

Процесс чтения является активным фактором динамики смысла. Однако интерпретация метафоры не является бесконечным процессом, хотя языковое выражение может и получить более одного истолкования. Метафора задает определенный путь осмысления, возможные направления динамики смысловой устойчиво-неустойчивой структуры, инициируя собственный путь понимания. «Метафора, на первый взгляд, чрезвычайно расширяет, «расщепляет» пути мышления, но одновременно она *задает* креативное (интерпретативное) поле смыслов, сужает его до известных пределов, а точнее, до заданных структурой аналогий *возможных* аттракторов» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 61]. Метафора определенно задает содержание. Хотим особо акцентировать то, что понимание метафоры возможно в силу общности стратегий понимания индивидов, общности ассоциативно-апперцепционной базы как поля интерпретации информации.

Мышление способно связывать в единую систему разнородные результаты отражения окружающей действительности. Интегративная функция мышления соединяет то, что кажется несовместимым. Такой механизм деятельности мышления находит свое языковое выражение в метафоре, которая не столько фиксирует сходства или различия гетерогенных объектов, сколько отношения между ними, которые связаны ассоциативными полями (комплексами). **Метафора выделяет нестабильные, но существующие признаки-соединители.** Метафора представляет собой *динамичное единство смысловых*

характеристик соотносимых объектов. Реципиент, интерпретируя метафору, открывает для себя новый смысл, ранее не выводимый из отдельных характеристик сопологаемых объектов. С.С. Гусев пишет: «... столкновение нетождественных смысловых спектров порождает качественно новую информацию, раскрывает ранее неизвестные стороны содержания понятий, включенных в структуру метафоры» [Гусев, 1984, с. 49]. Метафора, таким образом, выполняет образовательную функцию. Метафора – «это образование, стимулирующее ... может быть, еще не проявленные, скрытые линии развития» [Князева, Курдюмов, 1997, с. 72]. Метафору можно определить как «способ открывания реальности» другому.

Мы полагаем, что «синергетическое движение в языке» (термин В.И. Аршинова, Я.И. Свирского) наиболее отчетливо проявляется в метафоре, поскольку она несет «в себе элемент становления» [Аршинов, Свирский, 1994, с. 36]. Метафора, на наш взгляд, ускользает «от четко артикулированных форм» [Там же, с. 36]. Конвенционально устоявшиеся формы (две и более конвенциональные единицы языка) вступают во взаимодействие, в результате которого смысловое целое не может быть выведено из отдельных готовых, застывших форм/понятий. Когнитивная метафорическая структура прежде всего **динамична.**

Выводы

Анализ изучения метафоры как средства компрессированного представления смысла, выявление доминирующих признаков этого вербального конструкта позволили очертить круг проблемных вопросов и определить направление изучения метафоры в аспекте актуальной для современной лингвистики проблемы изучения восприятия и порождения речи.

Обзор эволюции взглядов на метафору как когнитивный феномен позволил выявить возможность и важность изучения метафоры как смысловой компрессии текста. Краткий анализ концепций Аристотеля, Ф. Ницше, Э. Кассирера, А. Ричардса, М. Блэка, Дж. Лакоффа, М. Джонсона послужил теоретической базой для определения современной ситуации изученности метафоры как средства смысловой компрессии в современном языковедении. В связи с этим акцентируем наиболее важные положения указанных концепций.

1. Ведущим механизмом образования когнитивной метафорической структуры признается аналогия неконвенционального порядка. Метафоризация – способ аналогизирования. Это одно из немногих общепризнанных положений при изучении метафоры.

2. Интегративная функция мышления человека способна соединить в единое смысловое целое то, что раздроблено, чужеродно, благодаря актуальному для продуцента интегративному признаку, объединяющему в гомоморфное метафорическое смысловое целое гетерогенные конвенциональные единицы языка. Этот значимый для автора признак принципиально доступен для восприятия и понимания реципиентом благодаря наличию эмоционального компонента. Важным для нас является положение о единстве мотива и эмоции, детерминирующее процесс речесмыслопорождения.

3. Языковые выражения моделируют реалии окружающей действительности, а потому метафора – это авторская модель познания реальности, иницирующая встречное порождение модели, инвариантной исходной. В метафоре заложен, предопределен способ понимания ее смыслового содержания. А это

значит, что преобладающие стабильные/ нестабильные компоненты метафорического текстового комплекса поддаются переводческой рефлексии.

4. Метафора – оптимальная языковая форма, которая, означивая континуальность мыслительной деятельности, в компрессированном виде представляет смысл.

5. Смысловая целостность метафоры не выводима из отдельных системных значений входящих в нее компонентов. Введение стабильного в метафорический фрагмент провоцирует, предопределяет порождение нестабильного.

6. Процессы мышления в значительной степени метафоричны. А если это так, то принципиально возможно построение вторичной метафорической компрессированной когнитивной модели в концептуальной системе переводчика, базирующейся на первоначальной/авторской.

Изученные нами труды по метафоре можно условно разделить на две категории: семантические (лексическая и синтаксическая семантики) и когнитивные. Нам близка позиция сторонников психологического подхода к метафоре, рассматривающих ее как нерасторжимое единство вербального и образно-ассоциативного, вербального и авербального. Однако механизм взаимодействия языковых и ментальных структур остается непознанным. Наше исследование представляет собой очередную попытку приблизиться к пониманию сущности механизма такого взаимодействия. Нам близки утверждения психолингвистов о том, что сегодня следует понимать метафору как *лингвоментальный феномен, феномен когнитивный, а важнее, концептуальный*, поскольку *метафорическая когнитивная структура включает в компрессированном виде всю совокупность латентных и стабильных признаков, организованных по принципу «ядро – периферия»*. Исходная метафорическая модель тем самым стимулирует актуализацию гибкости когнитивных структур реципиента-переводчика, нацеленных на постижение авторского способа концептуализации фрагмента реальности.

При интерпретации метафорического смысла исходного фрагмента текста в концептуальной системе реципиента-переводчика необходимо активизируется гибкость когнитивных структур, способность к моделированию гибких конфигураций смысла, коррелирующих с исходными.

Полагаем, что доминанта метафорического текстового комплекса понимается большинством реципиентов в силу деятельности механизма аналогии, базового для встречной смыслопорождающей деятельности переводчика. Другое дело, что степень погружения в авторскую метафорическую модель вариативна. Переводческий успех метафорического фрагмента текста напрямую зависит от степени погружения/глубины/проникаемости в специфику авторской когниции через языковой репрезентант.

Метафора – это оязыковленное «значащее переживание» (термин Г.И. Богина) смысла, эмоционально-смысловой компрессированный комплекс. Метафора исходного текста стимулирует рефлексивные процессы, оптимизирует креативные процессы порождения встречного текста. Именно поэтому метафора является средством выхода на значащее авторское переживание, его смысл, а следовательно, специфику когниции художника слова.

Компрессия энергии (эмоциональной энергичности), информации (смысла), вещества (внешней формы знака) определяет эволюцию динамической системы. Именно это свойство присуще реально функционирующему феномену (метафоре). Исходная метафорическая компрессия детерминирует динамизм встречной концептуализации фрагмента мира на базе первичного. Этап перехода от интерпретации авторской модели к порождению встречной компрессии смысловых структур эксплицирует динамический характер встречной концептуализации.

Внешняя форма вербального знака выступает для переводчика стабилизирующим началом поиска установления смысла, настолько емкого, что необходимо оптимизируется интегративная функция мышления, активизируется весь ассоциативно-апперцепционный опыт реципиента, подключается

континуальная сеть основных и вспомогательных когнитивных механизмов для постижения глубины специфики авторского смысла.

Изучение научных трудов прошлых лет на очередном витке эволюции и прочтение работ современности в области метафорологии обнаруживает настоятельную необходимость междисциплинарных исследований процесса метафоризации. Использование верифицированных данных смежных наук при изучении процессов метафорической когниции, а также метафоры как необходимого «ознаковления» познанного способствует решению этой задачи.

Определив круг дискуссионных вопросов, касающихся проблемы метафоры как компрессированной вербальной структуры художественного текста, необходимо провести детальное ее изучение в когнитивном ракурсе. В основе когнитивного подхода к изучению структур обработки, хранения и представления знаний в сознании индивида лежит *примат поиска объяснения*, а не констатирования. А если это так, то тогда логична постановка вопроса о том, **как** извлекается, перерабатывается, интерпретируется информация, поступившая в концептуальную систему реципиента-переводчика извне в виде метафорического фрагмента художественного текста, **какие** нейрофизиологические, психофизиологические, психолингвистические процессы определяют переводческий успех в восприятии и порождении встречного смыслопостроения инвариантного/адекватного исходному. Следующая глава диссертационного исследования посвящена поиску ответов на поставленные и некоторые другие вопросы.

Глава 2. Некоторые нейрофизиологические и психолингвистические основания исследования метафоризации как познавательного процесса

С психофизиологических позиций метафора представляет собой гибкое динамичное смысловое образование. Очевидно, что такое предположение требует самой серьезной аргументации. Доказательством его отчасти может служить теория самоорганизующихся систем, рассматривающая различные, в том числе и смысловые системы, как соотношение устойчивых и неустойчивых элементов. И.А. Герман и В.А. Пищальникова теоретически и экспериментально доказали наличие коррелирующих элементов нейрофизиологических, ментальных и речевых систем, «обладающих *генетической и функциональной самостоятельностью, но в норме функционирующих в единстве*» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 15]. Это положение подтверждается и учением о доминанте, созданным выдающимся психофизиологом А.А. Ухтомским, который рассматривал доминанту как «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, чем бы он ни был вызван, причем вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению (подтверждению) возбуждения в очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлиты явления торможения» [Ухтомский, 1978, с. 9–10]. Метафорическая когниция, найдя нужную форму вербализации (метафору), приобретает стабильность в концептуальной системе продуцента. Метафора художественного текста относительно устойчива для продуцента, именно в ней в большей степени, чем в других компонентах текста, заключен доминантный авторский смысл. Если запуск процесса метафоризации происходит благодаря побуждающему мотиву познавательной деятельности, то метафора вызвана мотивом репрезентации/вербализации познанного. Более того, другие компоненты текста служат не только подтверждению, но и *усилению возбуждения, привнесенного в текст метафорой*. В результате **порождается динамизм смысловой структуры текста, рождается смысловая динамика**. А.А. Ухтомский доказал, что в процессе отражения мозгом окружающей действительности образует-

ся *резонансное взаимодействие между нервными центрами*. Такое взаимодействие и приводит к образованию *устойчивого физиологического состояния* (доминанты). В нейрофизиологии доказано положение о динамичном, функциональном взаимодействии левого и правого полушарий головного мозга по созданию целостного, комплексного, синкретичного образа окружающей действительности. А если познанное вербализуется языковыми знаками, то *за представленной комбинацией языковых единиц (метафорой) стоит специфически пережитый цельный, компрессированный образ фрагмента реальности*. Такая уникальная компрессия, сцепка, произошедшая и существующая в концептуальной системе автора, может быть адекватно репрезентирована вербально лишь метафорически. В этом и заключается одна из специфических характеристик метафорической когниции. Доминанта, по А.А. Ухтомскому, подчиняет себе любую деятельность индивида в определенный промежуток времени. В метафоре художественного текста, объекте нашего научного исследования, как уже отмечалось, заключен доминантный личностный смысл автора. Эта доминанта в метафорическом фрагменте текста *подчиняет* себе деятельность реципиента, направленную на постижение авторского смысла. Метафора речевого произведения *направляет* креативную деятельность реципиента. Будучи доминантным компонентом текста, метафора структурирует его. Связь между компонентами исходной метафоры *инертна*, трудно поддается распадению, поскольку специфика метафорической когниции такова, что *компрессированность смысла* как ее существенное свойство *не содержит в себе возможности для разложения, разворачивания в процессе переводческой деятельности*. В процессе переводческой рефлексии над метафорическим контекстом установленные связи между компонентами метафоры закрепляются в памяти и становятся элементами концептуальной системы реципиента, т.е. *встраиваются в нее*. Таким образом, происходит изменение континуального потока мышления реципиента. При отслеживании/осмыслении связей между компонентами метафоры постигается смысл, т.е. концептуальная система

реципиента вновь достигает состояния относительной стабильности, устраняя нестабильность, привнесенную метафорой исходного текста. Итак, образование доминанты ведет к переструктуризации мышления реципиента. Реципиент поднимается на **качественно** новый уровень осмысления окружающей действительности. В.А. Пищальникова, исследуя принцип доминанты А.А. Ухтомского, пишет: «... временно доминирующий рефлекс в определенный момент (момент зарождения диссипативных структур, момент неустойчивости нейронной системы) трансформирует и направляет другие рефлексы и работу рефлекторного аппарата в целом» [Пищальникова, 2001, с. 39]. При первой встрече с метафорой, с ее содержательной новизной, концептуальная система реципиента приходит в состояние неустойчивости. Именно момент неустойчивости, доминирующий первоначально, направляет/мотивирует поисковую деятельность реципиента, нацеленную на постижение специфики авторского смысла, заключенного в конвенциональных знаках. *Момент неустойчивости мобилизует концептуальную систему для достижения состояния относительной стабильности – к пониманию/интерпретации метафорического содержания.*

На основе концепции А.А. Ухтомского П.К. Анохин создал теорию саморегулирующихся систем [Анохин, 1975, 1978, 1980]. Ключевым моментом этой теории является утверждение и доказательство того, что элементы функциональных систем могут при необходимости *саморегулироваться (взаимозамениваться)*. Первоначально П.К. Анохин определяет функциональные системы как консервативные образования нервной системы, которые, раз сложившись, проявляют себя даже вопреки действию реальной действительности. Функциональные системы – *сложные формы психической деятельности индивида*. Всем самоорганизующимся системам присуще свойство **динамичности**. Так, метафорическая когниция – психическая деятельность, характеризующаяся динамичностью, – направлена на адекватную вербализацию познанного, точнее, *метафора лишь единственно возможное средство вербализации такой специ-*

фической познавательной структуры. Позднее, что для нашего исследования более значимо, П.К. Анохин определяет функциональную систему как такую, «все части которой вступают в **динамическое**, экстренно складывающееся **функциональное объединение** на основе непрерывной обратной информации о приспособительском результате» [Анохин, 1980, с. 154] (выделено мной. – Э.Г.). Таким образом, работа функциональных систем *направлена на достижение* полезного приспособительного результата. Метафоризация рассматривается нами как способ концептуализации мира, как познавательный процесс, метафора – «приспособительный результат» такого процесса, благодаря которому достигается определенная стабильность/завершенность. Метафорическая когниция как явление ментального порядка «приспосабливает» знаки языка, производит своего рода манипуляцию с языковыми репрезентантами, оптимально фиксируя с помощью них и благодаря им авторский смысл. С другой стороны, знаки языка, выполняя свое назначение в означивании, оязыковлении мыслительного содержания, *вступают в деятельность по порождению авторского смысла*, что акцентирует наличие в них *активного* начала.

Мы полагаем, что и принцип функционирования концептуальной системы индивида является аналогичным принципу работы функциональной системы. Концептуальная система – динамичное, функциональное образование, стремящееся находиться в состоянии относительного равновесия. В такой среде обитания индивиду комфортно. Но **метафора исходного текста вносит момент дестабилизации** в концептуальную систему реципиента, для избавления от которого части этой системы *вступают в динамическое объединение*. Целью такого объединения является постижение связей между компонентами метафоры, приводящее *к осмыслению метафорического содержания*. В конечном итоге при интерпретации метафорического смысла, при использовании переводческих стратегий понимания концептуальная система реципиента вновь приходит в состояние относительной стабильности.

П.К. Анохин подчеркивает: «Процесс саморегуляции ... осуществляется на основе «золотого правила» саморегуляции: всякое *отклонение от константного уровня* какого-либо жизненного фактора *служит толчком к немедленной мобилизации аппаратов, вновь восстанавливающих этот постоянный уровень*» [Там же, с. 119–120] (курсив мой. – Э.Г.). Метафора для реципиента – это отклонение, флуктуация от стереотипного знания, поэтому для понимания метафоры концептуальная система реципиента прибегает к принципу саморегуляции/самоорганизации ассоциативных уровней. Благодаря действию данного принципа возможна интерпретация нестереотипного знания, представленного в метафоре. Далее П.К. Анохин отмечает: «Функциональные особенности каждой саморегуляции зависят от того, насколько она является податливой на действие внешних или внутренних факторов, отклоняющих константный эффект. В то время как одни константы являются исключительно «жесткими», не допускающими даже малейшего отклонения, другие, наоборот, имеют **довольно широкий диапазон пластических изменений**» [Там же, с. 123] (выделено мной. – Э.Г.). Функциональные системы первого типа П.К. Анохин называет «жесткими», а второго – «пластичными». Концептуальная система является пластическим, гибким образованием. Следовательно, концептуальная система принадлежит к функциональной системе второго типа. В концептуальной системе индивида присутствует особый *гибкий* механизм метафоризации. *Метафоризация* как специфическое «видение» мира, как особый способ концептуализации реальности не только допускает, но и *предполагает отклонение от стереотипных путей ее познания*. *Метафора* как воплощение в знаках языка специфики метафорической когниции является *гибким, пластичным, динамичным образованием*. Синкретизм ее компонентов, ее смысловая компрессия наиболее оптимально вербализуют авторское нестереотипное осмысление фрагмента реальности. Постоянным приспособительным эффектом метафоры является ассимилирование ее содержания в среде обитания реципи-

ента. После осмысления метафоры происходит переструктуризация концептуальной системы реципиента.

Далее П.К. Анохин акцентирует: «Способность саморегулирующихся систем сопротивляться отклонениям с помощью высокопрогрессирующей мобилизации защитных приспособлений является в истинном смысле слова «золотым правилом» нормы» [Там же, с. 130]. Концептуальная система реципиента при осмыслении метафоры – отклонения от стереотипного знания – стремится к самосохранению, устойчивости, поэтому мобилизует процесс установления ассоциативных связей, аналогий. П.К. Анохин формулирует правило саморегуляции следующим образом: «... **само отклонение** от конечного приспособительного эффекта **служит стимулом возвращения системы к этому эффекту**» [Там же, с. 134] (выделено мной. – Э.Г.). Мы полагаем, что метафора, будучи отклонением от стереотипного знания, является стимулом к рефлексивному процессу. В результате рефлексии по выбранной стратегии понимания встречной метафоризации или адекватного выявления авторского смысла оптимальной для адекватной интерпретации метафоры текста оригинала реципиент-переводчик возвращается вновь к эффекту метафоризации, тем самым *компрессия смысла обнаруживается и в тексте оригинала, и в переводном варианте.*

П.К. Анохин продолжает: «... в состав функциональных систем входят по крайней мере две категории физиологических механизмов с весьма различными свойствами: 1) механизмы, обладающие **крайней консервативностью (рецепторы результата)** и **относительной консервативностью (сам конечный эффект)**; 2) узловые механизмы системы, а именно средства достижения приспособительного результата, обладающие **весьма широкой пластичностью** и способностью к взаимозамене» [Там же, с. 156] (выделено мной. – Э.Г.). Видимо, в метафоризации как авербальном способе мировидения и в метафоре как вербальной формулировке познанного наличествуют как те, так и другие механизмы. Поясним эту мысль. Для продуцента текста в результате метафори-

зации как рецепции и осознания фрагмента реальности выводится/рождается/создается смысл, однажды постигнутый, он закрепляется в концептуальной системе индивида и становится *крайне консервативным* образованием в ней. Метафора как необходимое *означивание* процесса метафоризации относительно ограниченным набором языковых средств становится уже *относительно консервативным* образованием, т.е. появляется момент нестабильности, отклонения, поскольку знаки языка *моделируют* не только реалии мира, но и мыслительное содержание, при этом *неизбежны модификации*. Узловым механизмом взаимопонимания/понимания реципиентом метафорического фрагмента текста продуцента является метафора художественного текста. Метафора становится средством доступа к авторскому смыслу. На этом этапе метафора принадлежит как продуценту, так и реципиенту текста. Метафора для реципиента обладает свойством *гибкости*. Языковая комбинация (метафора) является *пластичным образованием*. *Механизм установления аналогий, а также механизм установления ассоциативных связей*, необходимые для понимания метафоры, *обладают весьма широкой пластичностью*.

Итак, метафора художественного текста – «дрейфующее» стабильно-нестабильное единение, компрессия.

Положение о том, что мозг – сложная динамическая система, элементы которой подчиняются наиболее неустойчивому элементу (параметру порядка), является в современной нейрофизиологии доказанным и неопровержимым.

Н.П. Бехтерева обнаружила, что в нейрофизиологических системах обеспечения работы мозга существуют стабильные и нестабильные элементы. Основу таких систем составляют **жесткие и гибкие звенья**. Для нашего исследования принципиальными являются гибкие звенья системы, поскольку жесткие звенья обеспечивают выполнение стереотипизированной деятельности и являются стабильными элементами системы. Гибкие звенья, напротив, обеспечивают нестереотипные действия. Гибкость, метафоричность мышления «высвечиваются» в метафоре. Метафора – языковая расшифровка метафориче-

ского познания/осознания фрагмента мира. Метафора в компрессированном виде содержит, прежде всего, емкий авторский смысл, нестереотипную информацию. Таким образом, метафора – это гибкое звено. Метафора – гибкое динамичное смысловое образование/объединение.

Н.П. Бехтерева отмечает, что «в мозгу ... есть *механизм, обеспечивающий избыточные возможности при встрече с каждой новизной*. Те, кому удалось «подсмотреть», что происходит в мозгу в момент, когда обстановка оказывается новой, когда неожиданно совершается переход к старой обстановке, когда есть хоть какие-нибудь основания для того, чтобы «удивиться», могут сказать, что мозг в этих ситуациях как бы «проигрывает» массу готовностей к новой ситуации. В это время *активируется* огромное количество нервных элементов, *включается масса связей между различными участками и элементами мозга*» [Бехтерева, 1974, с. 17] (курсив мой. – Э.Г.). Если спроецировать данное утверждение на механизм восприятия метафоры, то можно отметить, что, во-первых, метафора – это новая информация для реципиента. Реципиент, сталкиваясь с новой обстановкой (метафорой) и пытаясь осмыслить ее, интерпретирует содержание метафоры на основе прошлого опыта, **в процессе индивидуальной рефлексии, которая фиксируется в виде смысла**. Во-вторых, содержание метафоры вызывает смысловые флуктуации в концептуальной системе реципиента, и, следовательно, происходит подключение континуума ассоциативных связей для ее осмысления (начинается процесс самоорганизации). Когнитивный механизм аналогии является ориентиром для реципиента. Гибкий механизм установления аналогий составляет основу процесса метафоризации для продуцента, этот механизм также важен и для реципиента при осмыслении метафорического содержания. Реципиент ориентируется в когнитивной авторской модели (метафоре) благодаря данному когнитивному механизму.

Главным принципом работы мозга, согласно Н.П. Бехтеревой, является динамичность, определяющая экономичность и гибкость мозга. Стереотипные пути познания, стереотипная информация об окружающей действительности

вызывают «монотонную» деятельность мозга, а динамизм мозгового обеспечения мыслительной деятельности, по мнению исследователя, проявляется в «форме *динамической реорганизации* системы на протяжении «монотонной» деятельности ... создается впечатление, что мозг как бы «борется» против монотонности» [Там же, с. 185] (курсив мой. – Э.Г.). Динамическую реорганизацию системы вызывает, в частности, метафора, содержащая нестереотипную информацию. Мозгу необходима встреча с новизной (метафорой), что является «чем-то вроде естественной тренировки мозга, вроде механизма, который, обеспечивая избыточную готовность к каждой конкретной, даже маленькой новизне данной минуты, на долгие века сохранил бесконечно большие возможности» [Там же, с. 17]. Мозг обеспечивает индивидууму возможность обучения на протяжении большей части жизни. Именно поэтому, нам думается, ментальные процессы и, в частности, **речемыслительная деятельность обладают наибольшим количеством гибких звеньев, ответственных за обработку нестереотипной информации.**

Мозговым системам свойствен, как уже отмечалось, *принцип экономичности, основанный на интегративной функции мозга.* **Лингвоментальным коррелятом** данного принципа, на наш взгляд, является когнитивная модель, представленная метафорой. А если это явление комплексное – лингвоментальное, то в нем должны присутствовать черты того и другого. Метафора – это компрессия, сжатие, конденсация смысла. Полагаем, что компрессия достигается благодаря эмоциональной энергии языка и познавательной/ментальной структуре особого рода – метафорической когниции. Сочетание, сцепление, единение, синкретизм такого порядка и составляет сущность этого бинарного явления. Безусловно, ментальный механизм компрессии имеет универсальный характер. В рамках нашей работы мы исследуем только одну форму реализации компрессии в речевой деятельности – метафору художественного текста. Метафора позволяет ускорить процесс передачи информации, что является потребностью продуцента. Для продуцента метафора является наиболее оптимальным способом представления мысли, к тому же он – экономичный. Метафора – конденсат, «сгусток» смысла. Реципиент переключается на иной способ обработки информации при восприятии метафоры, на способ, predeterminedный ею. Частичная реализация понимания метафоры иноязычного художественного текста достигается, вероятно, сразу, мгновенно, благодаря эмоциональной энергичности метафорической комбинации знаков. Метафора – «носитель эмоции», воспринимаемой, а следовательно, доступной для понимания реципиенту до стадии «запуска» рефлексивного процесса. Интерпретация же метафорического содержания, реконструкция авторского смысла, заключенного в конвенциональных знаках, без рефлексивной основы невозможна.

2.1. Метафорическая структура как модель универсального ментального механизма компрессирования смысла

Н.П. Бехтерева обнаружила, что жесткие звенья, являющиеся стабильными компонентами, обеспечивают работу системы в условиях стереотипной деятельности, в то время как гибкие звенья системы как нестабильные компоненты обеспечивают работу мозговых систем при нестереотипной деятельности, т.е. в условиях новизны, динамичности. Рассмотрим подробнее некоторые положения концепции Н.П. Бехтеревой, наиболее принципиальные для нашего исследования. Н.П. Бехтерева отмечает среди других два свойства мозга, обуславливающих развитие высших психических функций индивида: 1) свойство минимизации территорий мозга и 2) закрепление, фиксация локализации функций в долговременной памяти мозга. Процесс минимизации территорий мозга происходит «для обеспечения развившейся сформированной и не развивающейся существенно далее функции» [Бехтерева, 1988, с. 59] (выделено мной. – Э.Г.). Таким образом, первое свойство мозга проявляется при стереотипной деятельности, которая базируется «на устной, письменной или мыслительной формах речи и т.п., уже занявших свои основные позиции в структурно-функциональной организации мозга» [Там же, с. 60]. Второе свойство мозга проявляется в том, что деятельность стереотипного порядка закрепляется, фиксируется в долговременной памяти мозга. Н.П. Бехтерева акцентирует, что такая локализованная в памяти минимизация использования структурных возможностей мозга способствует оптимальному развитию высших функций мозга в условиях динамичности.

Подчеркнем, что как только между компонентами деятельности установились жесткие, стабильные связи, т.е. деятельность стала стереотипного порядка, количество жестких звеньев, ответственных за обеспечение такой деятельности/функции, сокращается. Высвобожденное количество нервных клеток начинает обеспечивать нестереотипную деятельность – деятельность высшего порядка в условиях новизны и динамичности, т.е. количество гибких звеньев увеличивается.

Компрессию, «операционализацию» стабилизированных связей между компонентами изучал А.А. Ухтомский. В своем учении о доминанте выдающийся психофизиолог отмечает, что когда происходит процесс стабилизации связей, отношений между доминантой и комплексом раздражителей, доминанта стереотипизируется. При наличии определенного возбудителя стабильные компоненты могут воспроизвести эту доминанту.

В своей теории функциональных систем П.К. Анохин также выявляет процесс свертывания стабильных связей. Как только между группой раздражителей и вызываемой ими реакцией установится стабильная связь в результате неоднократного повторения, в последующем роль раздражителя способен выполнять любой раздражитель из данной группы. В случае отсутствия раздражителя эта стабильная связь фиксируется в матрице долговременной памяти. Акцентируем, что в памяти закрепляется определенная комбинация устойчивых элементов.

Итак, в функционировании любой динамической системы существует стадия, на которой связи между элементами деятельности стабилизируются. Именно на этой стадии включается **механизм компрессии**. Метафоризация как континуальный ментальный процесс фиксируется, дискретизируется в метафоре как *проявлении компрессии*, а именно *компрессии мыслительной и языковой, обладающей эмоциональной энергичностью*. **В метафоре компрессируется нестереотипное познание фрагмента**

реальности и эмоциональная энергия языка. Метафора для продуцента текста *устойчива*, поскольку в его концептуальной системе **компрессируется уже осознанный и репрезентированный вербально фрагмент действительности.** Для реципиента метафора художественного текста в процессе понимания *неустойчива*. Именно момент неустойчивости, преобладающий первоначально, «запускает» креативную деятельность реципиента. Метафорическая эмоциональность понимается почти сразу, в момент восприятия метафорической комбинации, а вот метафорическое содержание требует умственных усилий, направленных на внедрение, вхождение в интеллектуальную задачу (метафору художественного текста) и, наконец, ее разрешение, т.е. распределение емкого метафорического смысла автора. Это возможно, *во-первых*, в силу сходных механизмов восприятия и порождения речи/речевого сообщения, основанных на единых для всего организма человека нейрофизиологических процессах. *Во-вторых*, благодаря переводу как *особому* речемыслительному процессу становится возможным совершение адекватного распределения метафорического смысла. В процессе переводческой рефлексии возможно приближение к специфике авторского смысла, а выбранная, наиболее оптимальная стратегия перевода позволяет *выйти на метафорическую когницию автора.* Это происходит главным образом потому, что переводческий процесс – не простая перекодировка смысла из одной знаковой системы в другую, а потому, что, погружаясь в иную систему знаков, *переводчик начинает мыслить по-иному* в иной системе знаков, более того, мотив деятельности переводчика **смыслонаделен изначально.** Воспринятая эмоциональность метафоры иноязычного текста принуждает искать языковые репрезентанты языка перевода, несущие сходную эмоцию. Отрефлексированный/распределенный метафорический смысл требует своей вербальной репрезентации на языке перевода, оптимально передающей специфику исходного. Так, *исходная компрессия инициирует вторичную, переводную.* Компрессия иноязычного текста не дает «растечься, размыться», точнее, не содержит в себе возможности для развора-

чивания, тем самым строго лимитируя переводчика, **вновь приводя к компрессии, только инвариантной**. Вторично/встречно порожденный смысл (перевод), структурируемый в концептуальной системе переводчика, образует структуру, *инвариантную исходной*. Инвариант – это уже модель феномена, в нашем случае – метафоры текста оригинала. На основе именно этого инварианта строится *перевод как означивание понятого*. Если переводчику удалось сохранить и воссоздать инвариантную когнитивную структуру текста оригинала, специфику авторского мировидения на языке перевода, то такой перевод по праву мы называем адекватным, эквивалентным в смысловом отношении. Но инвариант – это некая усредненная/срединная категория, максимально близкая к авторской позиции, но в крайне редких, а точнее и ни в каких, случаях полностью коррелирующая (не совпадающая! не тождественная!) с таковой. Поэтому мы и настаиваем на том, что процессуальность смысла, уникальность авторской компрессии весьма проблематично передать на языке перевода, но доминанта метафорического фрагмента художественного текста, доминантный авторский смысл, заключенный в метафорическом контексте, поддается рефлексии, а следовательно, фиксируется в переводных вариантах вполне. Как отмечают В.А. Пищальникова и И.А. Герман, «Сложная корреляция устойчивых и неустойчивых состояний порождаемого текста приводит к **возникновению поля интерпретации порожденного**, в котором «обитает» новая **система смыслов, инициированная исходной системой, но не равная совокупности ее смыслов**» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 54] (выделено мной. – Э.Г.). Таким образом, в результате переводческой рефлексии переведенная метафора исходного текста встраивается в концептуальную систему переводчика, становится его принадлежностью, а следовательно, стабилизируется в ней. *Метафора становится относительно устойчивым компонентом концептуальной системы переводчика*. При этом, как мы отмечали, метафора не утрачивает динамичности как одного из ее сущностных свойств. **Динамизм проявляется в том, что существуют плюрализм интерпретаций, разные стратегии**

перевода метафоры исходного текста, но доминантный/инвариантный признак понимается большинством.

Мы полагаем, что принцип действия механизмов речевой деятельности может быть соотнесен с принципом работы динамической функциональной системы, более того, знаки языка способны порождать *функциональное поле смысла*. **Метафора, будучи доминантой текста, обладает способностью образовывать функциональные системы открытого типа.**

Поскольку метафора работает по принципу функциональной системы, то в ней, как и в любой другой функциональной системе, должно присутствовать определенное соотношение жестких и гибких звеньев обработки информации. Предполагаем, что *внешняя форма фиксации значения слова как стабильный компонент* является жестким звеном данной системы, а *метафорический смысл – гибким звеном*. Звуковая форма как стабильный компонент значения, в силу симметричности языка, уравнивает нестабильность процесса речесмыслопорождения. *Метафорическая когниция репрезентируется, означивается в метафоре как оптимальной форме оязыковления*. Метафора дискретизирует континуальность метафорического смысла. Именно в силу этого факта мы и настаиваем на том, что **метафора – пульсирующий стабильно-нестабильный смысловой комплекс**. Лексические единицы языка, организуясь в метафорические комплексы, «впускают», вбирают в себя метафорическую «емкость» смысла, его компрессию.

Итак, метафоризация как *когнитивная/познавательная структура* – иной, отличный от конвенционального, способ интериоризации, обработки (кодирования), хранения информации, связанный с *ментальными* операциями получения знаний и *языковыми* механизмами их вербального представления в *оптимальном виде*. Другими словами, метафоризация – индивидуальный, а потому специфический, неконвенциональный способ концептуализации мира, метафора – его вербальная репрезентация в оптимальном виде. Метафора представляет собой нетрадиционный способ кодирования и хранения информации в конвен-

циональных знаках языка. Метафора задает реципиенту неконвенциональную структуру-аналог. И тогда, в процессе обработки и присвоения предъявленной переводчику когнитивной структуры, он ориентируется в авторской метафоре благодаря механизму установления аналогий неконвенционального порядка. Так, когнитивная модель, представленная метафорой, – *«речевое отражение структур сознания – индивидуальный способ присвоения и репрезентации когнитивных структур»* [Бутакова, 2001, с. 6]. Очевидна параллель с переводом, поскольку перевод строит также когнитивную модель, инвариантную исходной, в иной знаковой системе.

Компоненты метафоры как компрессированного компонента перевода нестабильно-равновесной организации текста оригинала соотносятся на основе принципа гомоморфизма (однофункциональности), т.е. они образуют **единое смысловое открытое пространство, точнее, метафорическое пространство открытого типа**. Компоненты метафоры вступают в однородную деятельностную систему по речесмыслопорождению. Компоненты связаны когнитивным признаком как элементом когнитивной структуры, который акцентируется *«с помощью отсылки к определенной части цельного понятийно-образного компонента отображаемой действительности (значений вербальных единиц текста)»* [Там же, с. 6]. Компоненты метафоры представляют функциональное смысловое поле. Актуальный личностный смысл объединяет, «гомоморфирует» их. Тогда стабильное в значениях слов, *создавая функциональные отношения*, приобретает иное, нестабильное содержание. И тогда компрессия, сцепление стабильного и нестабильного в метафоре, представляет *«динамический процесс их взаимодействия, который может быть остановлен в момент неустойчивого равновесия в новом слове, но не прекращен означиванием»* [Герман, Пищальникова, 1999, с. 81].

Реализация механизма компрессии в метафоре происходит следующим образом. Если между телом знака и понятием, его репрезентирующим, устанавливается однозначная корреляция (жесткая референтная соотнесенность), то

вступает в силу первое свойство мозга (свойство минимизации территорий), и одновременно эта жесткая соотнесенность закрепляется в долговременной памяти индивида, из которой при необходимости она может быть восстановлена в полную, развернутую форму. Таким образом, стабильное в значении слова, которое представляет стереотипную деятельность, «сворачивается» в мозгу до определенных *значимых* компонентов. Этот вывод подтверждается концепцией Н.П. Бехтеревой о паттернах как нейрофизиологических коррелятах слов. Как только оканчивается звучание слова и оно исчезает из импульсной активности, паттерн полной формы компрессируется, но сохраняет при этом «опорные элементы первого» [Бехтерева, 1977, с. 128]. В последующем этот компрессируемый паттерн может служить основой для появления развернутого кода. Далее Н.П. Бехтерева отмечает, что в то время как при предъявлении испытуемым известных, частотно употребительных слов полный паттерн заменяется компрессируемым, то при предъявлении слов иностранного языка, которые им неизвестны, полный паттерн не «сворачивается» и не исчезает из импульсной активности до произнесения реципиентом этого слова. Такой вид паттерна был назван в концепции Н.П. Бехтеревой «ультрастабильным». Данное положение применимо к переводческой деятельности. Мы полагаем, что неизвестное слово иностранного языка приводит концептуальную систему реципиента в состояние неустойчивости. Происходит «блуждание» слова в поиске связи, сцепки с соотносимым концептом, который реципиенту известен. Именно поэтому *слово не исчезает из импульсной активности, а следовательно, невозможно его компрессирование*. Полагаем, что данное положение можно спроецировать на объект нашего исследования – метафору художественного текста. Метафорическое слово/словосочетание не компрессируется в мозгу реципиента до тех пор, пока не понят смысл, пока не установлено отношение. При предъявлении текста в мозгу реципиента слова появляются в виде компрессируемых паттернов, содержащих *значимые* элементы, т.е. *стабильные компоненты*. При столкновении с метафорическим контекстом (метафориче-

ским смыслом) происходит не «простая выборка значимых элементов паттернов ... и их суммация, а ... **проявление нового качества**» [Бехтерева, 1988, с. 202] (выделено мной. – Э.Г.). Новое качество интеграции в том, что **нестабильные элементы, самоорганизуясь, интегрируются, компрессируются, образуя структуру, коррелирующую исходной**. Нестабильные компоненты выступают на первый план, «выбираются» из подсознания, соединяясь между собой так, что в итоге получается порождение встречной (переводной) компрессии «нового качества», компрессии нестабильного, точнее, стабильно-нестабильного. *Такого рода встречно-порожденная компрессия на базе исходной принципиально возможна.*

Представляется, что новое качество некомпрессированных языковых единиц (до стадии их компрессии) нестереотипного порядка (метафорический смысл) проявляется в том, что есть иной, нестереотипный способ получения, хранения и обработки информации, есть иная когнитивная структура, которая предопределяет/предполагает интериоризацию, обработку и хранение информации *аналогичными нестереотипными способами*. Метафора предполагает конденсацию, сжатие информации, компрессию смысла. В ней проявляется **новое качество знания, новое значение**. Нестабильное начинает преобладать/довлеть над стабильным. Стабильное для реципиента достигается при освоении и присвоении когнитивной метафорической структуры автора.

В процесс метафорического познания окружающей действительности, т.е. в процессе моделирования реальности, жесткая, конвенциональная соотнесенность тела знака/знаков и понятия/понятий трансформируется. В процессе осмысления, переживания фрагмента реальности, т.е. в процессе метафорической когниции, постигается индивидуальный смысл, который вербализуется метафорой. Основу метафоризации составляет аналогия как неосознанная компрессированная интеграция на базе определенного интегративного признака, значимого для продуцента. Суть метафорического познания заключается не в вербальной фиксации момента подобия, сходства, что акцентирует сравнение,

«высвечивая» определенный или один из нескольких *стабильных* компонентов. Для метафоры важно представить *аналогию восприятия* объектов окружающей действительности, *сохраняя нестабильное наряду со стабильным*. Между телом знака и понятием граница размывается и устанавливается другая флексибельная корреляция, тело знака приобретает возможность соотнесения с другим понятием. Устанавливается не сходство, подобие, как в сравнении, а корреляция. Определенное соотношение между стабильным и нестабильным в метафоре всегда сохраняется, в этом и заключается ее «двойственная» природа. Представляется, что **стабильное и нестабильное начинают функционировать в единой системе, назначение которой заключается в речесмыслопроизведении.**

Полагаем, что механизм компрессии, базирующийся на всеобщей интегративной функции мозга/мышления, составляет основу структуры когнитивной модели, представляющей процесс метафоризации. Суть данного механизма заключается, с одной стороны, в компрессии нестабильного, неосознаваемого, но существующего ментального содержания в процессе метафоризации (метафоре-феномене), которое образует устойчивый, цельный, синкретичный образ фрагмента окружающей действительности, а с другой – отрефлексируемый, осознанный метафорический смысл, дискретизируясь, вербализуется и структурируется в когнитивную структуру. Основу структуры когнитивной метафорической модели (метафоры-конструкта) составляет ментальное, ставшее стабильным. Наряду с этим продолжает существовать нестабильное/неосознаваемое ментальное. Когнитивная метафорическая структура фиксируется в паттернах как нейрофизиологических коррелятах слов. Именно таким образом происходит компрессированный осознанный/неосознанный процесс речесмыслопроизводства (метафоризация).

2.2. Динамизм когнитивной метафорической структуры

Исходя из признанного положения *нейрофизиологии о динамичности мозговых структур*, полагаем, что **когнитивная структура, представленная метафорой**, выступая в качестве функциональной системы, является **внутренне динамичной**. Метафора функционирует как *нестабильный* элемент концептуальной системы реципиента. Стереотипные смыслы, выраженные системными значениями единиц языка, воспринимаются, соответственно, как «привычные». Такие смыслы не нарушают относительной стабильности среды обитания реципиента. Метафора, напротив, содержит нестереотипную информацию, которая дестабилизирует концептуальную систему реципиента, приводя к неустойчивости, которая, в свою очередь, вызывает к жизни процессы самоорганизации. Метафора, непонятная реципиенту в силу недостаточного объема знаний либо по какой-то другой причине, становится «блуждающей» структурой, стремящейся найти в среде обитания сходные концепты, представляющие реалии соответствующей области действительности.

Внешняя форма (внешняя оболочка иностранного слова) как стабильный компонент значения является опорным элементом, стабилизатором поиска, основой которого является аналогия между известным и новым, незнакомым, метафорическим смыслом. На наш взгляд, устойчивое значение «обеспечивает преодоление состояния нестабильности, длительное существование в условиях которого сложно» [Бехтерева, 1988, с. 78]. Для метафоры ее «родственной» средой является художественный текст. При понимании иноязычной метафоры художественного текста реципиент-переводчик прежде всего отталкивается от стабильного компонента значения, а далее, в силу невозможности выведения смысла метафорического фрагмента текста из простого суммирования отдельных значений входящих в метафору компонентов, *концептуальная система реципиента ищет нетрадиционный путь интеграции речевого сообщения*. Именно на этой стадии **эксплицируется динамизм когнитивной метафорической структуры**, суть которого заключается в том, что *не существует строго лимитированного, однозначно заданного способа ее*

интерпретации в силу неравновесного, неустойчивого соотношения жесткого и гибкого, стабильного и нестабильного в метафоре. В этом и проявляется синергетическая компрессированная природа метафоры, метафорической когниции. Для одних респондентов «высвечиваются» одни стабильные компоненты, для других – другие и т.д. Читатели могут выделять *иные*, отличные от авторского, когнитивные интегративные признаки, лежащие в основе объединения метафорических компонентов, те, что значимы для их концептуальных систем. Такие выделенные интегративные признаки и фиксируются в переводных вариантах. Однако подобного рода переводы вряд ли можно считать оптимальными, эквивалентными, поскольку в них не сохранена специфика авторского способа мировидения, адекватно не воссоздан авторский метафорический смысл. Для профессионального же переводчика важно выявить и восстановить в тексте перевода важный для автора, для концептуальной системы продуцента первичного текста, инвариантный когнитивный признак, неоднократно акцентируемый и другими (не метафорическими) компонентами текста оригинала. Для переводчика-профессионала важно воссоздать языковыми средствами другого языка не только доминантный инвариантный признак метафорического фрагмента текста оригинала, который понимается большинством респондентов, но и, что важнее, необходимо сохранить в переводе специфику авторского способа познания, *метафоричность его видения и осознания мира.* Именно это и нужно реконструировать для читателя переводного текста.

2.3. Концепт, конвенциональный стереотип, когнитивная модель как средства анализа метафорического компонента концептуальной системы индивида

В концептуальной системе индивида наряду с когнитивной структурой, представленной метафорой, существуют другие элементы, а именно концепт и конвенциональный стереотип. Необходимость сопоставления указанных

элементов обусловлена выявлением специфики метафоры, ее места и роли в концептуальной системе индивида. Метафора – когнитивная модель, оптимально вербализующая авторский способ познания фрагмента реальности, – имеет много общего с концептом. Метафора как компрессированное взаимодействие смыслов **порождает новый концепт**. Одновременно метафора соотносится со стереотипом как стабильным элементом системы.

Гибкие звенья системы обеспечивают функционирование концепта. Исходя из положений нейрофизиологии, считаем, что *концепт – гибкое образование, подверженный изменениям элемент концептуальной системы*. Концепт представляет собой «внутренне динамическую содержательную структуру» [Пищальникова, 1999, с. 165]. *Конвенциональный стереотип*, напротив, – *относительно жесткий, устойчивый элемент системы*, который представляет собой «**деятельностно ориентированное** знание, структуру, содержащую если не программу действия, то некий императив» [Пищальникова, 1999, с. 165]. Стереотипы являются когнитивными структурами, которые устойчиво связаны с определенными языковыми выражениями. Стабильный компонент значения в метафорическом компоненте коррелирует с работой конвенционального стереотипа, необходимого для понимания метафоры автора. Стабильное значение слова, в привычной языковой форме, представляет стереотипное содержание, соответственно, ускоряет и не затрудняет процесс понимания. Для интерпретации метафорического компонента, его смысла, напротив, требуются умственные усилия, поскольку он содержит нестереотипное знание. Стандартные средства выражения автоматизировались. Н.Л. Дмитриева, исследуя психофизиологические основы стереотипа, полагает, что он формируется и функционирует по принципу работы функциональных систем, а именно – *между стимулом и доминантой устанавливается жесткая соотнесенность* [Дмитриева, 1996]. При актуализации этой связи следует *однозначно ожидаемая реакция*. Знаки языка как элементы второй сигнальной системы выступают в роли актуализаторов такой связи. Отсюда предполагаем, что языковая едини-

ца с устоявшимся значением способна воспроизвести в сознании индивида, в его среде обитания не только чувственно-наглядные образы, но и, что более значимо, *предсказуемые направления ассоциативных связей*. Стабильное в значении обладает способностью воспроизведения всего комплекса знаний, которым располагает индивид в своей когнитивной базе. Метафорический компонент, также являясь раздражителем, не только не воспроизводит связь между стимулом и доминантой, но и приносит момент дестабилизации в концептуальную систему реципиента, которая в целях самосохранения мобилизует концептуальный аппарат для установления связей между компонентами метафоры, возможных векторов ассоциаций. Так, при встрече с метафорическим комплексом в концептуальной системе реципиента отсутствует коррелирующий стереотип. Метафора становится «блуждающей» структурой, стремящейся найти сходные концепты, которые представляют собой динамичные образования.

Таким образом, *гибкими звеньями, нестабильными элементами концептуальной системы индивида являются концепт и когнитивная модель, представленная метафорой*. Отметим, что нестереотипная информация возникает и возможна лишь на базе стереотипной деятельности, которая «играет всего лишь роль рабочих блоков» [Бехтерева, 1988, с. 67]. Метафора как языковой компонент, передающий специфику авторского способа восприятия фрагмента окружающей действительности, *актуализирует несколько компонентов концепта* (эмоцию, ассоциацию, оценку, представление, предметное содержание, понятие) в зависимости от условий воздействия. Те элементы концепта, которые были актуализированы, интегрируют остальные элементы структуры и приводят к активизации, возбуждению концепта в целом. Компоненты метафоры как комбинации двух (и более) языковых знаков возбуждают, соответственно, два (и более) концепта через актуализацию нескольких элементов этих концептов, которые *интегрируются в единое, новое смысловое образование*. Мы предполагаем, что **эмоциональный компонент актуализируется всегда**.

Интеграция – гибкий процесс на основе интегративного признака. Более того, между концептом и языковыми репрезентантами нет однозначного соответствия. «То, что выражается одним словом, может быть соотнесено с определенной структурой концептов и наоборот» [Пищальникова, 1999, с. 51]. Концепт находится в постоянном состоянии структурирования в процессе познания. Связи между элементами *динамичны*. Концепт связан с процессом отражения реалий действительности. *Концепт, как и единицы языка, а соответственно, и метафора, моделирует окружающую действительность*. Итак, динамичный процесс познания структурируется в концептуальной системе индивида, в результате происходит его моделирование. Модельные связи – очень гибкие, подверженные модификациям, а потому могут объединяться вновь и вновь на основе актуального для продуцента интегративного признака. Нестабильные компоненты могут выходить с периферии и становиться ядерными.

Полагаем, что исследуемая нами когнитивная структура (метафора) формируется в онтогенезе индивида на основе врожденного механизма аналогии – установления различных, предельно абстрактных связей между элементами концептов. Связи носят компрессированный характер. Таким образом, метафора является приобретенной структурой, а потому **крайне нестабильным элементом** концептуальной системы индивида. Эта когнитивная структура **способна динамично развиваться**, поскольку не задает однозначной соотнесенности. Метафора связана с абстракциями высшего порядка. Мышление абстрактными категориями способствует адекватному пониманию.

Метафора представляет собой когнитивную «гибкость», т.е. знаковую комбинацию, вводящую когнитивные структуры свернутого/компрессированного типа. Реципиент, в свою очередь, понимает метафору благодаря когнитивному механизму аналогии, а также процессу установления ассоциативных связей между ее компонентами. Эти процессы служат для реципиента ориентирами в метафоре автора.

Обратимся к рассмотрению некоторых положений теории речевой деятельности, которые являются наиболее значимыми для нашего исследования.

2.4. Деятельностный подход к изучению метафоры как когнитивной структуры

Деятельностный подход к изучению метафоры как значимого компонента смысловой структуры текста вносит свой вклад в развитие метафорологии. Теория деятельности, контуры которой были заложены в исследованиях Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии и некоторых других, вступила в новую фазу своего развития. В настоящее время переосмысливаются некоторые положения этой теории применительно к изучению метафоры. Мы отталкиваемся от теории деятельности А.Н. Леонтьева, суть которой заключается в обязательной предметной направленности сознания человека. Деятельность – это промежуточное звено между субъектом и окружающей действительностью. Общеизвестно, что познающий субъект, активно взаимодействуя с окружающей действительностью, отражает ее в концептуальной системе в измененном виде, полученная при этом «языковая картина ... отличается от мира действительности» [Рахилина, 2000, с. 347].

А.Н. Леонтьев подчеркивал, что он понимает предмет не как сам по себе существующий объект природы, а как «то, на что направлен акт, ... т. е. как нечто, к чему относится живое существо, как предмет его деятельности – безразлично, деятельности внешней или внутренней» [Леонтьев, 1981, с. 49]. Позднее он продолжает: «... предмет выступает двояко: первично – в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично – как образ предмета, как продукт психического отражения его свойства, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» [Леонтьев, 1977, с. 84]. Нам важен как раз предмет как продукт психического отражения. Термин «образ предмета» вполне коррелирует с термином «образ восприятия», принятым в современ-

ной психологии. Образ восприятия реальности, идеальное образование в психике человека, полученное в результате отражения объективной действительности, включает логический и апперцепционный моменты. Образ действительности – комплексный, поскольку создается на основе комплексного восприятия окружающей действительности. Образ – это результат моделирования реалии (метафора – результат моделирования фрагмента познания). Образ восприятия, интегрируясь с другими идеальными образованиями в психике человека, образует с ними устойчивые ассоциативные связи. Подчеркнем, что существует континуум ассоциативных связей. При отражении объекта окружающей действительности отражаются некоторые его свойства, а также комплекс впечатлений от этого объекта. Таким образом, в процессе познания человеком окружающего мира создаются идеальные образования в психике, выступающие в роли посредников между человеком и объективной действительностью (метафора – связующее звено между автором и реципиентом). Психическое характеризуется динамичностью, непрерывностью. Следовательно, идеальные образования в психике человека континуальны и динамичны (соответственно, смысл – динамичен и процессуален).

Изучая синергетическое движение в языке, В.И. Аршинов, Я.И. Свирский, вслед за Дж. Николисом, предполагают «наличие в когнитивном аппарате множества сосуществующих (странных) аттракторов, притягивающих к себе целые подмножества начальных предпосылок и предсмыслов» [Аршинов, Свирский, 1994, с. 39]. Такие аттракторы когнитивного аппарата притягивают разрозненные представления о реальности, которые, совмещаясь и самоорганизуясь, вербализуются в метафоре как **компрессии** смысла, адекватно представляя авторское понимание фрагмента реальности. Авторы продолжают: «Тогда синергетическое движение в языке действительно предполагает наличие **информационного канала, обеспечивающего связь живого существа с внешней средой**» [Там же, с. 39] (выделено мной. – Э.Г.). Таким когнитивным каналом, как нам представляется, является метафоризация. Благодаря этой

связи между активным субъектом и окружающей действительностью осуществляется процесс смыслопорождения. Метафора как репрезентант мыслительного содержания рассматривается «как самостоятельный («натурально существующий») объект, обладающий внутренними собственными функциями и вбирающий в себя часть работы, связанной с пониманием того или иного фрагмента реальности» [Там же, с. 39]. Вслед за авторами мы опровергаем высказывание Нильса Бора о языке «как «прозрачной», строго упорядоченной (недвусмысленной) среде, в которой от источника к получателю распространяются готовые смыслы» [Там же, с. 39–40]. Метафора – это не готовая мысль, а **«открытие доступа к становящемуся бытию»** [Там же, с. 36] (выделено мной. – Э.Г.).

В когнитивной лингвистике установлено, что мышление, речь, память, восприятие и другие *виды психической деятельности функционируют в единстве*. Различные уровни психической деятельности **взаимосвязаны**. А.А. Залевская отмечает **«непрерывность осознанного и неосознанного»** [Залевская, 1999б, с. 33]. Компоненты метафоры связаны неким определенным когнитивным интегративным признаком, неосознаваемым, но всегда воспринимаемым. В связи с этим для нас принципиальным является следующий вывод А.А. Залевской: «... отображение реальности не только в сознании, но и в подсознании индивида при постоянном взаимодействии перцептивной, когнитивной и аффективной сфер психики человека. ... в процессах речемыслительной деятельности человек оказывается способным опираться на **многостороннее функционально достаточное отображение действительности** как базу для понимания и взаимопонимания в ходе познания и общения» [Там же, с. 35].

Языковые выражения являются репрезентантами психических образований. Мы должны осознавать, что вербальные знаки, так же как и образ, моделируют реалию окружающей действительности с ее определенными свойствами. Соответственно, метафора – это авторская модель познания мира. Комбинация конвенциональных семиотических единиц (метафора) превращается в

деятельностную систему, назначение которой заключается в порождении авторского смысла. И.А. Герман и В.А. Пищальникова утверждают, что «... сущность слова позволяет использовать накопленную им энергию и информативность ассоциативных связей для включения их в данный процесс смыслопорождения» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 81]. Перевод – это тоже модель, но только производная, вторичная от исходной, авторской, инвариантная от первоначальной.

В современных психологических исследованиях деятельность определяется как «относительно устойчивая сложная (иерархизованная) система, способная принимать информацию из внешней среды, под влиянием которой она переструктурируется так, что возникшие свойства системы невыводимы из первоначальных характеристик ее элементов» [Там же, с. 39]. В результате переводческой деятельности реципиент принимает информацию из внешней среды, и под влиянием деятельности переструктурируется его концептуальная система. Вновь возникшее свойство системы невыводимо из входящих в нее элементов. Метафора представляет собой внешнее воздействие на реципиента, вызывая в его концептуальной системе дестабилизацию, неустойчивость. Деятельность субъекта направлена «на устранение неустойчивости своего состояния – физиологического, психического, интеллектуального, поэтому его организм в целом (в том числе ментальные процессы) функционально устраняет нестабильные состояния, возникающие под воздействием внешней среды, – самоорганизуется» [Там же, с. 56]. В процессе рецепции речевого произведения переводчик является *активным* субъектом деятельности, связанной с интерпретацией текста оригинала и воссозданием понятого, осмысленного в иной знаковой системе. Процесс чтения, переводческий процесс являются диалогичными, т.е. в процессе деятельности, связанной с интерпретацией речевого произведения, происходит встречное порождение смысла, нового смысла для реципиента на базе исходного. Поэтому мы и утверждаем, что перевод как результат переводческой деятельности является встречно порожденным

высказыванием. Действия реципиента-переводчика с емким содержанием текста метафоры/метафорическим смыслом *направлены на понимание чужого, иного, инакового* с целью преобразования себя. Такой вид деятельности носит креативный характер. Реципиент-переводчик, вовлеченный в рефлексивный процесс, стимулируемый метафорой, активно взаимодействует с ней, пытаясь уменьшить энтропийность, поскольку желает достичь комфортного, равновесного, относительно стабильного для себя состояния. *Мотив деятельности переводчика по распредмечиванию авторского метафорического содержания смысла наделен изначально*, поскольку переводческая рефлексия необходимо опредмечивается, овеществляется в структурировании смысла.

Трактовка перевода как деятельностного процесса предполагает возникновение его из потребности мотивационного образа результата (текста перевода), который создается при восприятии метафорического контекста и рефлексии над ним в том числе и целенаправленно. Благодаря метафоре художественного текста и только «в ней» достигается намеченная в начале переводческой деятельности цель по реконструкции авторского смысла метафорического контекста. Метафора как динамический компонент переводческой деятельности направляет деятельностный процесс перевода метафорического текстового комплекса. Принципиально важным для нас является то, что выразителем мотива на уровне текста является эмоция, которая всегда воспринимается реципиентом-переводчиком. В мотиве переводческой деятельности наличествует эмоция, которая детерминирует переводческий процесс. Мотивационные процессы направляют переводческую деятельность, формируют эмоции, которые репрезентируются в тексте перевода.

Выводы

Во второй главе нашего исследования метафора изучается как одна из форм реализации деятельности универсального ментального механизма компрессирования смысла, сущность которого заключается в способности «сворачивать» эмоциональную энергию языковых структур и структур ментальных в структуры метафорической когниции. Метафорическая когниция как вербально/авербальный континуум является относительно устойчивым компрессированным образованием.

Динамичность как главный принцип работы мозговых структур определяет экономичность и гибкость мозга. Познавательная модель, представленная метафорой, является лингвоментальным коррелятом принципа экономичности, свойственного нейрофизиологическим системам.

Функционирование метафоры соотносимо с принципами работы функциональной системы открытого типа, а потому внешняя форма фиксации значения слова как стабильного компонента – жесткое звено данной системы, а метафорический смысл как нестабильный компонент – гибкое. Метафора – «дрейфующее» нестабильно-стабильное компрессированное смысловое образование. Синергетическая природа метафоры проявляется в неравновесном, неустойчивом соотношении жесткого и гибкого, стабильного и нестабильного. Именно это и предопределяет принципиальный динамизм когнитивной метафорической структуры.

Механизм компрессии составляет основу структуры когнитивной метафорической модели. Суть данного механизма заключается, с одной стороны, в компрессии неустойчивого, неосознаваемого ментального содержания в процессе метафоризации, в метафоре-феномене. Она образует устойчивый, цельный, синкретичный образ фрагмента окружающей действительности. Одновременно в метафоре репрезентируется отрефлексируемый смысл. Основу структуры когнитивной модели, представляющей процесс метафоризации (метафоры-конструкта), составляет ментальное содержание, ставшее

устойчивым. Когнитивная метафорическая структура фиксируется в паттернах как нейрофизиологических коррелятах слов. В соотношении нестабильного ментального содержания со стабильным дискретным языковым знаком и выявляется компрессированность смысла.

Рассмотрев психолингвистические основания исследования метафоры как компрессированного компонента переводческой деятельности, мы пришли к выводу, что образы действительности – идеальные психические образования, характеризующиеся процессуальностью и динамичностью, – способны, интегрируясь между собой, порождать относительно устойчивые объединения. Такие связи на базе определенного интегративного признака, вербализованные метафорически, воспринимаемы, но никогда вполне не осознаются реципиентом, а потому не всегда переданы в переводных версиях. За представленной метафорической комбинацией языковых знаков стоит специфически пережитый цельный, компрессированный образ окружающей действительности.

Образ восприятия как континуум и знаки языка как дискретные репрезентанты мыслительного содержания моделируют реальность. Таким образом, метафора как уникальное образование, совмещающее континуумы и дискреты, является авторской моделью познания окружающей действительности. Перевод метафоры текста оригинала – также модель, но только производная от исходной, а потому инвариантная ей.

Метафора как смысловая доминанта является структурообразующим компонентом текста. При этом связь между компонентами метафоры устойчива. Компоненты метафоры как компрессированного компонента переводческой деятельности соотносятся на основе принципа гомоморфизма, а потому образуют открытое функциональное метафорическое пространство смысла.

Комбинация конвенциональных семиотических единиц (метафора) становится деятельностной системой, цель которой – встречное порождение смысла. Тогда устоявшиеся значения лексем, входящих в метафорический фрагмент, интегрируются в новое нетрадиционное смысловое образование.

Новое качество интеграции заключается в том, что нестабильные элементы, самоорганизуясь, компрессируются, образуя структуру, коррелирующую с исходной. Стабильное и нестабильное метафорического текстового комплекса начинают функционировать в единой системе, назначение которой заключается в речесмыслопорождении.

В когнитивном аппарате существуют аттракторы, притягивающие разрозненные представления об окружающей действительности. Такие представления, совмещаясь и самоорганизуясь, вербализуются в метафоре. Метафоризация является когнитивным информационным каналом, который обеспечивает связь субъекта с окружающей средой. Благодаря такой связи осуществляется процесс смыслопорождения. Метафора – знак, обеспечивающий доступ к сознанию иного. Подчеркнем, что метафора не выражает готовую мысль, а открывает путь к постижению авторского смысла.

При восприятии метафоры как кванта информации из внешней среды и под влиянием деятельности концептуальная система реципиента переструктурируется, т.е. пытается устранить неустойчивое состояние путем самоорганизации. Только в состоянии относительной устойчивости реципиенту комфортно. Чтобы быть в состоянии относительной устойчивости, реципиенту нужно найти связь, признак, отношение между компонентами метафоры, смысловое целое которой невыводимо из системных значений ее компонентов. Мотив деятельности переводчика по распрямлению авторского метафорического содержания смыслонаделен изначально. Переводческая рефлексия необходимо опредмечивается в виде смысла.

Трактовка перевода как деятельностного процесса предполагает возникновение его из потребности мотивационного образа результата (текста перевода), который создается при восприятии и рефлексии над метафорическим контекстом, в том числе и целенаправленно. Благодаря метафоре и только «в ней» достигается намеченная в начале переводческой деятельности цель по реконструкции авторского смысла художественного метафорического контекста.

ста. Метафора как динамический компонент переводческой деятельности направляет деятельностный процесс перевода.

Между стабильным и нестабильным в исходной метафоре осуществляется компрессированный процесс смыслопорождения, процесс встречного порождения высказывания на базе исходного. Между ними устанавливается новая связь неконвенционального характера, предопределенная структурой текста оригинала. Таким образом осуществляется переводческая деятельность.

Верификация гипотезы о том, что доминанта метафорического текстового комплекса адекватно понимается большинством реципиентов-переводчиков, возможна при обращении к эксперименту. При этом важно акцентировать, что наряду с активизацией внешней формы знака (вещественной оболочки иностранного слова) как стабильного компонента значения происходит и активизация нестабильных, латентных когнитивных признаков, другими словами, *активизируется установление возможных, а точнее, вероятных структурно-смысловых связей и отношений между гетерогенными компонентами метафорического контекста*. Заданные параметры исследования, а именно – ограничение изучения функционирования метафоры художественного произведения в концептуальной системе реципиента-переводчика, эксплицированного в переводных версиях, были совершенно намеренными. Именно при переводе метафоры художественного текста как истинной среды бытования метафорических структур наиболее эксплицитно проявляется активизация *нестабильных, вероятностных* связей когнитивных признаков, интегрирующих метафорический контекст в единое, целостное смысловое метафорическое пространство открытого типа. Это принципиально не замкнутая в себе целостность, нацеленная не только на экспликацию доминантного личностного смысла автора, но и адекватное встречное понимание.

Все вышеизложенное с необходимостью предполагает проведение экспериментального исследования, которое позволит выявить специфику метафоры как компонента переводческой деятельности.

Глава 3. Экспериментальное исследование метафоры как способа компрессии смыслов в исходном тексте и тексте перевода

В предыдущей главе было теоретически обосновано положение о принципиальной возможности адекватного понимания реципиентом метафоры автора текста оригинала. Плодотворным путем исследования феномена метафоры как *функциональной синергетической системы* представляется изучение ее функционирования в эксплицированных переводных версиях респондентов. При этом выявляются: 1) роль метафоры в репрезентации смысловой доминанты текста; 2) компрессированность смыслов, репрезентированных метафорой; 3) динамизм метафорических структур; 4) определенные предпочтения в реализации тех или иных переводческих стратегий метафоры.

3.1. Цель, задачи, материал исследования, характеристика испытуемых первого этапа эксперимента

Цель первого этапа эксперимента – установить наличие/отсутствие специфических стратегий перевода метафоры в зависимости от степени понимания реципиентом смысловой доминанты текста. Исходя из поставленной цели мы предусматривали решение следующих задач:

1. Установить, существуют ли определенные *способы* перевода метафоры/метафорических конструкций и как часто они используются реципиентами.
2. Определить, *какие* способы перевода метафоры являются предпочтительными при переводе и *почему*.
3. Выявить *модели* перевода на основании выделенных способов перевода метафорических конструкций респондентами.

На первом этапе эксперимента испытуемым было предложено выполнение следующих заданий: 1) перевести предложенные фрагменты текста с английского языка на русский язык; 2) отметить подчеркиванием в предложенном фрагменте текста наиболее значимые, с точки зрения реципиента, содержательно «нагруженные» слова/словосочетания; 3) подчеркнуть двумя чертами во фрагменте

текста метафорические слова/словосочетания; 4) отметить знаком * наиболее эмоционально значимые слова/словосочетания из подчеркнутых ранее слов/словосочетаний.

Содержание заданий имеет следующие основания.

Во-первых, для исследования было важным установить наиболее предпочтительные способы перевода и обосновать почему.

Во-вторых, было важно выяснить, совпадут ли подчеркнутые одной чертой слова/словосочетания и метафорические слова/словосочетания, поскольку такое совпадение подтверждает ведущую роль метафоры в репрезентации смысловой доминанты метафорического контекста.

Решающим явилось задание 4, поскольку выделение метафорических слов/словосочетаний как содержательно нагруженных и как эмоционально значимых подтвердит заявленную в исследовании гипотезу о том, что в метафоре компрессируется эмоциональная энергичность и нестереотипное познание фрагмента окружающей действительности (смысл).

Описание материала исследования

В экспериментальное исследование первого этапа были включены метафорические контексты (30) из рассказов James Joyce «Eveline», «The Dead», «The Sisters», а также из рассказов Ray Bradbury «A Sound of Thunder», «The Golden Apples of the Sun», «The End of the Beginning», «A Scent of Sarsaparilla» (см. приложение 1). В отобранных нами фрагментах текста доминантная роль в передаче авторского смысла принадлежит метафоре. «Проективный» характер материала исследования (метафорические фрагменты художественных произведений) нацелен на выявление условий существования метафорических, а потому нестабильных, динамических смысловых образований.

Общая характеристика испытуемых

Количество респондентов – 167. По социальному и возрастному составу информанты характеризуются относительной однородностью: это студенты факультета иностранных языков БГПУ, факультета филологии и журналистики

(группы с углубленным изучением английского языка) АГУ, экономического и юридического факультетов (студенты с высоким уровнем владения английским языком) АГУ в возрасте от 18 до 22 лет, учителя и преподаватели английского языка школ и вузов города Барнаула. В выборе респондентов предпочтение закономерно отдавалось лицам с высоким уровнем владения английским языком.

3.2. Алгоритм анализа метафорического контекста

Предваряем описание результатов первого этапа эксперимента **алгоритмом анализа** метафорического контекста.

Как представляется, успешность исследования метафоры как компрессируемого компонента переводческой деятельности определяется интеграцией достижений традиционной лингвистики, лингвистики текста, психолингвистики, явившейся предтечей появлений исследований в когнитивном и лингвосинергетическом направлениях языковедения, которые, на наш взгляд, являются перспективными во многих отношениях. Мы совершенно намеренно не дистанцируемся от достижений традиционного направления в языкознании. Напротив, именно такой сознательный синтез традиционного и нового, становящегося приоритетным, предпринятый в работе, является *методологически значимым*. Мы надеемся, что объединение достижений системоцентрической лингвистики и психолингвистических методов исследования станет продуктивным в выявлении специфики функционирования метафоры как смыслоемкого компонента художественного текста. Попытка такого объединения предопределила выбор методов исследования метафорического компонента художественного текста, а именно метод компонентного, контекстуального и концептуального анализов. Благодаря методу **компонентного анализа** переводчик становится способным различить модификации значений лексических единиц, определить степень их несовмещения и/или пересечения в двух языках. В этом случае переводчик становится «как бы над» разницей в модификации значений двух языков при выборе *оптимальной* лексемы на языке перевода. Он должен быть

профессионально «гибким», *маневренным*. Кроме этого, переводчик при переводе метафоры нацелен не только на «расшифровку» емкого смыслового содержания, компрессированного в метафоре, но и на активный поиск порождения сходной когнитивной познавательной структуры, адекватной исходной. Компонентный анализ обладает прогностической функцией. В результате он способен *определить и детерминировать вектор переводческой рефлексии*. **Контекстуальный анализ** является следующим этапом анализа метафорического контекста. Он позволяет выявить мультидетерминированные структурно-смысловые отношения между компонентами текста, которые эксплицируют авторский смысл. Контекстуальный анализ способствует более глубокому внедрению в авторскую модель познания (метафору) благодаря рефлексии над более широким контекстом целого/законченного речевого произведения/рассказа. Анализ раздвинутого, широкого контекста речевого произведения очень важен, поскольку именно он позволяет расширить поле интерпретации отдельного метафорического фрагмента как его главного составляющего, что является необходимым условием повышения качества перевода. **Концептуальный анализ** является заключительным этапом работы над метафорическим контекстом. Именно от тщательно проведенного концептуального анализа зависит степень адекватности перевода.

Аргументируем важность и необходимость проведения контекстуального и концептуального анализов. При интерпретации метафорического контекста мы учитывали то, что *конвенциональные семиотические единицы* (метафорическая комбинация) *функционируют в единой деятельностной системе, назначение которой заключается в речесмыслопорождении*. Принципиально то, что эта система не замкнута, а открыта для вхождения *новых смыслов*. В метафорическом контексте налицо **синхронизация гетерогенных смыслов в переводческом синергетическом процессе**, при котором различные, разноуровневые компоненты целого метафорического контекста проявляют *смысловой изоморфизм*, будучи целенаправленно используемыми автором для представления доминантного личностного смысла и нацеленными на адекватное понимание со стороны

читателя. Лексические, грамматические, фоносемантические компоненты **синхронизируются** метафорой-аттрактором анализируемого контекста. Функциональность метафоры проявляется в том, что в одном метафорическом контексте ядерными становятся грамматические, в другом – фоносемантические, в третьем – лексические характеристики текста или несколько одновременно, при этом компоненты на периферии также значимы. В этом и проявляются **синергетичность и функциональность** метафорического контекста, мобильность и динамизм системы. Однако в любом случае первостепенная роль в представлении доминантного личностного смысла автора художественного метафорического контекста принадлежит метафоре. «*Функциональная система смысла порождается в результате поиска не семантического, а смыслового инварианта различных компонентов смысла – актуального личностного смысла речевого произведения (текста)*» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 80]. Поэтому при анализе и переводе метафорического контекста следует учитывать то, что деятельность реципиента-переводчика нацелена прежде всего на **реконструкцию авторского смысла**, представленного в метафорическом контексте. Переводчику, имеющему дело с функциональной/становящейся системой смысла, необходимо **сохранить смысловой инвариант** гетерогенных компонентов текста, участвующих в смыслопорождении. Составляющие целый метафорический комплекс компоненты образуют **единое смысловое открытое пространство/метафорическое пространство открытого типа**, более того, компоненты метафоры представляют функциональное смысловое поле. Синергетичность метафорического контекста проявляется в том, что все элементы (ядерные и периферийные) текста подчинены аттрактору, авторскому личностному смыслу, доминантная роль в передаче которого принадлежит метафоре.

Лексические, грамматические, фоносемантические характеристики метафорического контекста взаимообусловлены. Они образуют *совокупность гомоморфных подструктур*. Вышеперечисленные характеристики текста **порождают иерархически организованное динамическое целое**, поэтому

авторский личностный смысл всегда акцентируется как ядерными, так и периферийными компонентами. Каждый элемент текста предопределяет ход развертывания смысла. Переводчик-профессионал, занимающийся анализом текста, должен хорошо осознавать значимость положения когнитивной лингвистики о том, что **соединение фрагментов текста в единое смысловое целое совершается в вероятностном порядке**, т.е. смысл развивается по закону вероятностной детерминации. В переводе необходимо сохранить тот порядок введения и следования смыслов, который заложен в тексте оригинала, поскольку именно он определяет *вероятность акцентуации латентных признаков* метафорического текстового комплекса, детерминирующую смыслопорождение.

Наибольшую трудность представляет адекватный перевод метафоры текста оригинала. Полагаем, что это связано с тем, что «метафора способна дискретно представлять смысловой континуум, не устраняя его» [Пищальникова, Сорокин, 1993, с. 35]. Таким образом, не устраняя континуальности смысла, метафора означает его, делает смысловой поток дискретным. Как и всякое глубокое явление, метафора объединяет в себе, по крайней мере, два взаимоисключающих и взаимодополняющих понятия: **континуальность – дискретность**. Налицо уникальное преломление и реализация экстраполированного на речевую деятельность принципа дополнительности Нильса Бора. Такая дихотомия в метафоре и вызывает наибольшую трудность при переводе. Отсюда: 1) *внешняя форма* фиксации смысла (звуковая оболочка иностранного слова) на первом этапе осмысления является единственным *стабилизатором поиска* установления значения лексем/лексем. Звуковая оболочка слова способна воспроизвести в концептуальной системе реципиента не только определенные образы восприятия окружающей действительности, но и, что более важно, **предсказуемые направления ассоциативных цепочек**; 2) как только произошла предзаданная текстом оригинала *актуализация стабильного компонента значения* – вся концептуальная система под его воздействием приходит в состояние самоорганизации. Стабильное значение ускоряет процесс понимания. Отталкиваясь от значений лексем,

входящих в метафорический комплекс, как относительно стабильных элементов функциональной системы, необходимо 3) выйти на метафорическое значение как нестабильный элемент, т.е. авторский смысл. Таким образом происходит «запуск» процесса поиска сходных образов, представленных метафорически в тексте оригинала автором, в концептуальной системе воспринимающего. Затем, обнаружив точки схождения, пересечения образов, 4) **необходимо представить вербально тот единый слитный, синкретичный, компрессированный образ, заложенный в тексте оригинала, предопределяющий возможность построения инвариантного, т.е. встречного компрессированного смыслового образования.**

3.3. Обоснование адекватности исследовательской версии перевода и интерпретация результатов первого этапа эксперимента

Рассмотрим опубликованные и экспериментальные варианты перевода фрагментов текста, сопоставим их с исследовательской версией перевода и обоснуем собственную позицию.

1. «She sat at the window watching the evening **invade** the avenue» [Joyce, 1991, p. 20].

«Она сидела у окна, глядя, как вечер завоевывает улицу» [Джойс, 1982, с. 50].

Она сидела у окна, глядя, как вечер вторгается на просторы улицы.

Компонентный анализ совместно с сопоставительным проводится с целью определения информационной емкости лексических единиц двух языков, выявления точек их сближения, пересечения, а также, что более важно, несоответствия. Такой анализ способствует нахождению оптимальной единицы языка перевода, а также позволит аргументировать неадекватный вариант опубликованной версии перевода и обосновать оптимальность версии перевода исследователя. Согласно толковым словарям английского языка лексема «invade» предполагает враждебное, губительное, пагубное вторжение на территорию или

какую-то часть чужого: «INVADE implies a hostile and injurious entry into the territory or sphere of another» [Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, 1995, p. 1259]. Толкование лексемы «завоевывает», выбранной переводчиком в опубликованном варианте, выявляет не только точки их пересечения, но и, что более важно, *несовмещения, расхождения*. А именно: слово «завоевать» предполагает «захватить войной, овладеть. *З. страну. ... доверие. ... общие симпатии*» [Ожегов, Шведова, 2001, с. 200], что несколько модифицирует авторский смысл. Лексема «вторгнуться», выбранная нами, предполагает вторжение насильственным путем не только на чужую территорию, но и *в чужую жизнь*. Это согласуется с дефиницией лексемы, данной в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «Войти силой. *В. на чью-н. территорию. В. в чужую жизнь*» [Там же, с. 107].

Следующий шаг – концептуальный и контекстуальный анализы. Если проанализировать более широкий контекст рассказа, то становится очевидной ассоциативная связь между *вторжением вечера* на просторы улицы и *вторжением Фрэнка* с его неумолимым желанием увезти героиню в чужую, далекую, незнакомую страну, в какой-то мере принуждая сменить привычный для нее образ жизни. Героине предстоит сделать нелегкий выбор между желанием возлюбленного уехать в чужой край и обещанием, данным ею ушедшей из жизни матери заботиться об отце, меньших братьях и сестрах, совершить выбор между ним и отцом, между Родиной и чужой страной, сулящей манящие перспективы. Однако время шло, но решение все еще не было принято, вероятно, она не была полностью уверена в том, действительно ли она хочет сбежать с этим молодым человеком из родного очага, из родной страны, где-то в глубинах подсознания что-то ее сдерживает. Полагаем, что начальное предложение вводного абзаца выполняет прогностическую функцию.

Гегелевская диалектическая триада «тезис – антитезис – синтез» используется нами в качестве основы для анализа трех первых предложений, составляющих вводный абзац рассказа: *She sat at the window watching the evening invade the*

avenue. Her head was leaned against the window curtains and in her nostrils was the odour of dusty cretonne. She was tired. Тезис: вечер вторгается на просторы авеню, а решение все еще не принято. Антитезис: Фрэнк, вторгшийся в ее жизнь с предложением и непоколебимым желанием увезти. Ее пугает неизвестность, хотя привычная жизнь в отцовском доме лишена радостей. Запах пропыленного кретона, запах той ткани на шторах, ткани темного цвета, которая используется для обшивки гробов, не дает забыть о смерти матери, о бедном существовании, о бесконечных побоях отца, в конечном счете, о тяжелом существовании. Синтез: Она просто устала, устала быть в подвешенном состоянии, устала думать о принятии решения, долгие размышления о всех «за» и «против» обессилили ее.

Обратимся к рассмотрению результатов эксперимента. Третья часть опрошенных (56 реципиентов из 167) заменила метафору исходного текста конвенциональными, нормированными (*опустился/опускается ...*), а иногда и клишированными (*сумерки сгущались..., ... как наступает вечер*) средствами. Полагаем, что такие замены ведут к разрушению специфики авторского смысла. Конвенциональные, стереотипные способы передачи метафорического представления смыслов текста оригинала влекут за собой утрату индивидуального мировидения автора. Конвенциональные способы передачи метафорического фрагмента текста на язык перевода, в том числе и клишированные, способны передать лишь стереотипное знание, в то время как метафора содержит личностный, нестереотипный смысл. Следовательно, в большинстве случаев она требует неконвенциональных средств передачи авторской специфики мировосприятия.

Большинству реципиентов (100) удалось частично/полно передать авторскую образность. Это такие варианты перевода, как *... вечер захватывает улицу, ... вечер вторгается на авеню, ... сумерки вторгаются на улицу, ... вечер/темнота овладевает просторами улицы*. На наш взгляд, лексемы «вторгнуться» и «овладеть» являются наиболее предпочтительными, поскольку в них актуализируется интегративный признак «вторжение», предопределенный текстом оригинала.

Таким образом, большинством респондентов используется стратегия адекватного выявления авторского смысла/встречной метафоризации. Переводы этих испытуемых, на наш взгляд, можно считать эквивалентными/адекватными, поскольку им удалось сохранить и воссоздать в переводных версиях смысловой инвариант фрагмента на основе *системных* значений слов. Именно конвенциональное значение лексемы в данном фрагменте *нестабильно преобладает*, воссоздавая *синкретичный образ ситуации*, в которой находится героиня. Компрессия смысла: состояние природы/вторжение вечерних сумерек и желание/вторжение молодого человека в судьбу героини; эмоциональная напряженность – привнесенное новое знание. С одной стороны, симметричное значение относительно стабильно, устойчиво, а с другой – *стремится к асимметрии*, поскольку именно в тенденции к асимметрии заложен рост информативности лексемы. Метафора художественного текста в высшей степени **эмоционально-информативна**. Это информативно-инновационный комплекс. В метафорическом контексте стабильность значения запускает процесс самоорганизации, следовательно, оно способно задавать путь адекватного распрямления авторского смысла, нацеливая реципиента на нестереотипный путь понимания метафорического фрагмента текста. Так, симметричное значение способно выходить за рамки стереотипии, стремясь к асимметрии. В.А. Пищальникова отмечает: «Симметрия слова, к которой стремится система, – это одновременно и **показатель перехода системы в иное состояние**» [Пищальникова, 2000, с. 76] (выделено мной. – Э.Г.). Симметричный компонент значения является индикатором того, что анализируемый контекст из состояния относительной стабильности переходит в иное, нестабильное, неустойчивое, пульсирующее состояние, т.е. *порождает неопределенность смысла, метафоричность*.

2. «The lawn mower. A wheel in a wheel. A simple machine which you held in your hands, which you sent on ahead with a rush and a clatter while you walked behind with your quiet philosophy. Racket followed by warm silence. Whirling wheel, then **soft football of thought**» [Bradbury, 2000, p. 183–184].

«Косилка. Колесо в колесе. Нехитрая машина, берешься за рукоять и ведешь ее вперед, колеса вертятся, стрекочут, а ты шагаешь сзади и спокойно раздумываешь о своем. Шум, треск, а над всем этим – покой и тишина. Кружение колеса – и неслышная поступь раздумья» [Брэдбери, 1985, с. 418–419].

Газонокосилка. Колесо в колесе. Незатейливый механизм, который берешь за рукоять и ведешь впереди с треском и скрежетом, а ты следуешь сзади, спокойно размышляя о своем. Грохот сменяется приятной тишиной. Кружение колеса – и легкий водоворот мыслей.

Компонентный анализ лексем русского языка «поступь», «водоворот» проводится с целью доказательства, обоснования и признания исследовательского варианта перевода наиболее оптимальным. Слово «поступь» определяется как: «1. Походка, манера ступать. ... 2. Движение, ход развития» [Ожегов, Шведова, 2001, с. 571]. Лексема «водоворот» – «Место в реке, море, в к-ром течения образуют *вращательное* движение» [Там же, 2001, с. 89] (курсив мой. – Э.Г.). В исследовательской версии перевода мы переводим метафорический фрагмент как *легкий водоворот мыслей*, поскольку выбранное нами слово «водоворот» находится в связи с выражениями *A wheel in a wheel, whirling wheel* текста оригинала. Интегративный признак «вращательность» лежит в основе такого объединения. Более того, введенный в метафорический фрагмент автором образ футбольного мяча, летящего и вращающегося в воздухе, синкретизирует все компоненты метафорического текстового комплекса в единое компрессированное смысловое целое на основе важного для продуцента интегративного признака.

Мысли, перемежаясь друг с другом, плавно перекатываются, вращаются, а не совершают поступательного движения, что предполагает опубликованный вариант перевода. Мысли могут быть отрывочными, однако нет сбивчивости, поскольку размышление идет в спокойной обстановке. И потом, лексема «раздумье» предполагает «Состояние сосредоточенности, задумчивости» [Там же, с. 646], в то время как лексема «thought» акцентирует результат процесса размышления: «THOUGHT is likely to suggest the result of reflecting, reasoning, or

meditating» [Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, 1995, p. 575], поэтому целесообразнее перевести как *мысли*. Мы признаем, что опубликованный вариант перевода имеет право считаться возможной интерпретацией, поскольку неотъемлемой характеристикой текста является его смыслопорождаемость. Нам представляется, что переводчик объединил лексемы «walked» и «football» интегративным признаком «поступальное движение», что и послужило рефлексивной основой предложенного перевода. В исследовательской версии перевода лежит иной, аргументируемый выше, интегративный признак, на наш взгляд, именно он актуализирован и другими компонентами текста.

Следующим шагом является контекстуальный и концептуальный анализы. *Акцентуация процесса спокойного размышления, отрешенно* проходящего от работы механизма, отражена в структуре текста лексемами «quiet», «philosophy», «warm», «soft», которые объединяются инвариантным признаком «спокойствие».

Анализируемый метафорический контекст построен на противопоставлениях: machine – you; rush, clatter – quiet philosophy; racket – warm silence. Однако, когда грохот механизма становится привычно-монотонным, когда уже не воспринимается этот шум, тогда возможно спокойное размышление о чем-то своем, остается лишь визуальный образ кружащегося колеса машины – whirling wheel – и легкий водоворот мыслей.

Некоторые опрошенные (30) отказались от перевода всего метафорического контекста, вероятно, не сумев установить какого-то ни было интегративного признака. Третья часть опрошенных (56), уловив метафоричность контекста, передает метафору soft football of thought как *легкий/мягкий футбол мыслей*, сохраняя исходную лексему «football» в переводах. Некоторые реципиенты предлагали другие версии: *мысленная игра в футбол, мысли играют в футбол, мягкий футбольный мяч мысли, мягкий мячик мысли, мягкий удар мысли*. Считаем, что степень адекватности перевода в этих вариантах снижена. Лексема «football» в тексте оригинала не употреблена в своем словарном значении. В этом примере область-источник метафоризации не совпадает в английском и русском

языках, поэтому сохранение словарного значения лексемы «football» на языке перевода не способно передать авторский смысл. Область-источник метафоризации (football) детерминируется национально-специфическими чертами американской нации. Для американцев спорт – это образ жизни, а потому является частью концептуальной системы носителя данной культуры. В связи с этим следует заметить, что в английском языке и в американском варианте английского языка так называемых спортивных метафор гораздо больше, чем в русском.

Степень адекватности перевода следующих информантов выше, поскольку выбранная ими переводческая стратегия встречной метафоризации является наиболее предпочтительной. Эти респонденты (67) уловили инвариантный признак «спокойствия, легкости», а следовательно, авторский оттенок смысла, предложив следующие переводы: 1) *спокойное вращение мыслей, неторопливое течение мыслей, медленное движение мысли, приятный поток мыслей, плавно перекатывающиеся мысли, легкий клубок мыслей*. Предложенные в переводах слова «вращение», «движение», «течение», «поток», «перекатывающиеся», «клубок» объединены интегративным когнитивным признаком «динамичность/движение»;

2) *мягкий каламбур мыслей, спокойная игра мыслей, непринужденная игра мысли, приятный переброс мыслями, приятный калейдоскоп мыслей*. Лексемы «каламбур», «игра», «переброс», «калейдоскоп» объединяются интегративным признаком «отрывочность»;

3) *неслышная поступь мысли, тишина мысли-шага, тишина мысленного шага*. Опубликованный вариант перевода *неслышная поступь раздумья* относится к этой группе переводных версий, поскольку для этих реципиентов оказались более значимыми такие противопоставления: работа механизма – мысли в процессе следования за ним, в процессе движения; машина/грохот – мысли/тишина, шаг – неслышен. Нам представляется, что эти варианты перевода объединяются интегративным признаком «неслышное шествие».

Один респондент производит полную замену авторского смысла, вероятно, в силу недостаточной языковой компетенции: ... *Колесо еще вращается, как и поток мыслей, останавливается не сразу.* Однако самоощущение этого респондента показывает, что успех процесса *понимания* определяется главным образом достижением *внутренней удовлетворенности реципиента*, какой бы неадекватной ни казалась переводная версия со стороны исследователя.

Таким образом, третья часть испытуемых, уловив метафоричность контекста, не поняла всей специфики авторского смысла и отразила в переводах только часть метафорического содержания – ощущение *легкости* мыслей. Метафора как ненормативное явление требует *нестереотипных путей интерпретации*. Однако эти реципиенты оказались неспособными найти новый, нетрадиционный путь интерпретации. Оставшаяся часть испытуемых, предложивших свои переводы, смогла адекватно передать авторский смысл, следовательно, эти реципиенты адекватно поняли авторский смысл данного метафорического фрагмента, используя при этом *стратегию встречной метафоризации*. Данный метафорический фрагмент наиболее убедительно демонстрирует, что адекватность перевода достигается только тогда, когда единый, слитный, синкретичный, компрессированный образ фрагмента мира, репрезентированный автором метафорически, передается языком перевода также метафорически, т.е. *сохраняя инвариантную когнитивную структуру, репрезентированную исходным языком, на переводящем языке*. Данный метафорический фрагмент наиболее эксплицитно демонстрирует такую настоятельную необходимость. Результаты этой группы реципиентов аргументированно доказывают то, что **метафора как авторская компрессия смысла не содержит в себе возможности для декомпрессии/разворачивания этой компрессированности**. Восприняв *эмоциональную энергию и нестереотипную информацию как познавательную структуру*, реципиент начинает собственный процесс смыслопорождения на базе присвоенного, происходит «запуск» рефлексивного процесса, стимулируемого метафорой. Этой группе респондентов для понимания метафорического контекста, содержа-

шего неконвенциональную информацию, оказалось *недостаточно устойчивых репрезентаций устойчивых же смыслов*. Переводы этих респондентов, условно распределенные по трем группам в зависимости от интегративного признака, **демонстрируют динамизм когнитивной метафорической структуры**. Именно в обнаружении *иных*, других, отличных от авторского, интегративных признаков разными реципиентами мы и видим *динамику* метафоры. Однако все эти переводы, а также переводные версии информантов, в которых снижена степень адекватности перевода, эксплицитно демонстрируют то, что в метафоре есть *стабильное «ядро»*, *инвариантный признак «спокойствия, легкости»*, который практически во всех переводах сохраняется. Таким образом, при переводе реципиенты выделяют *иные*, отличные от авторского оттенки смысла, *важные для их концептуальных систем при понимании инвариантного признака/доминанты всего контекста*. В этом и заключена специфика метафорической когниции: в возможности обнаружения читателями смысла метафоры *различными путями*, при устойчивости доминантного признака, выделяемого большинством. Задача же профессионального переводчика заключается в реконструкции авторского смысла, авторского личностного, а потому специфического, видения фрагмента реальности, представленного метафорически. Для достижения этой цели **важно отразить структурно-смысловые связи всех компонентов смысла** текста оригинала **и необходимо воссоздать их** в переводном варианте. Для переводчика-профессионала важно обнаружение *не некоего иного интегрального признака, а признака, который неоднократно зафиксировал автор в структуре исходного текста*.

3. «He saw the skin peel from **the rocket beehive**, men, thus revealed, running, running, running, mouths shrieking, soundless» [Bradbury, 2000, p. 150] .

«Он видел, как шелушится покров корабля, видел, как люди, лишённые защиты, бегают, мечутся с распахнутыми в немом крике ртами» [Брэдбери, 1985, с. 281].

Он видел, как разрушается внешний покров космического корабля, расстроенного улея, как люди, обнаружив опасность, бегают, мечутся, с распахнутыми в немом крике ртами.

Степень адекватности опубликованной версии перевода снижена вследствие опущения одного очень значимого компонента метафорического фрагмента текста – лексемы «beehive». Именно она несет основную смысловую нагрузку. Если обратиться к определению лексемы «beehive», данному в толковых словарях английского языка, то можно обнаружить, что она обозначает не только пчелиный рой, улей или нечто, что его напоминает, но и, что более важно, сцену деятельности множества людей, суматошность, суетность их действий: «a scene of crowded activity» [Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, 1995, p. 102]. В то время как в русском толковом словаре «улей» определяется не более как «специальный ящик (или выдолбленная колода) для содержания пчел» [Ожегов, Шведова, 2001, с. 831]. Видимо, по этой причине переводчик пропустил/лакунизировал метафорический фрагмент текста, посчитав его незначимым в смысловом отношении компонентом текста. В то время как для автора представляется единственно возможным передать континуальное смысловое поле, его специфический способ познания фрагмента реальности только посредством метафоры *the skin peel from the rocket beehive*. *Метафора* – единственная языковая форма, которая *отвечает интенции продуцента*, удовлетворяет его неудовлетворенность языковыми знаками, знаками ограниченными, лишь дискретизирующими континуальность смысла. Словарная, стертая метафическая составляющая «beehive» в авторском текстовом комплексе «оживает», наполняясь инновативной смысловоемкостью.

В процессе восприятия метафорического контекста реципиент начинает собственный процесс смыслопроизводства на базе исходного. И тогда *rocket beehive* связывается с замкнутым пространством космического корабля, внутри которого находятся люди; хоть их и немного, но они в опасности, поэтому «улей» приходит в волнение. Люди мечутся, пытаются устранить неисправность и таким

образом спастись. Космический корабль – *живой организм*, на борту которого находятся члены экипажа, а потому в структуре текста оригинала покров корабля – это *skin*. Угрозу для жизни людей представляет *peel* – шелушение покрова корабля. Трехкратный повтор лексемы *gunning* подчеркивает напряженную суетность, царящую в корпусе космического корабля. Метонимия (*mouths shrieking*) и оксюморон (*shrieking soundless*) акцентируют беспомощность людей перед космической стихией. Космическое пространство не приветствует присутствия посторонних. Если люди окажутся лишенными защиты корпуса ракеты, то космос поглотит их, не щадя никого и ничего, поглотит жизнь кричащих, но никем не слышимых, незваных пришельцев.

Обратимся к рассмотрению результатов эксперимента. Отметим, что данный метафорический контекст отказались переводить около третьей части реципиентов (55). Считаем, что отказ от перевода является свидетельством того, что эти респонденты оказались неспособными обнаружить какой бы то ни было интегральный признак метафорического контекста. Это, как нам представляется, демонстрирует ригидность/негибкость концептуальных структур реципиента. В результате авторский смысл этими участниками эксперимента не понят.

Известно, что метафора, представляя нестереотипную информацию, вызывает в концептуальной системе реципиента состояние дестабилизации. Однако концептуальная система стремится к самосохранению, к состоянию относительной стабильности, поэтому пытается избавиться от энтропии смысла, привнесенного метафорическим компонентом художественного текста. Это становится возможным, если реципиент постигнет связи между компонентами метафоры, постигнет ее смысловое содержание. В такой среде обитания индивиду станет комфортно. Метафора становится «блуждающей» структурой, стремящейся найти сходные концепты. Симметричность значений компонентов метафорического фрагмента является стабилизатором такого рода поиска. Большинство реципиентов, обнаружив стабильный компонент и переведя его одним из системных значений, именно таким образом достигли комфортного для себя

состояния, однако не достигли при этом понимания авторского смысла. Приведем экспериментальные переводы такого рода: ... *сошла кожа с ракетного уля* (6), ... *кожа сходила с реактивного уля* (4), ... *кожищу, оторванную от уля ракеты* (4), ... *кожу, падающую с ракеты* (3), ... *кожную шелуху от ракетного уля* (3), ... *шелуху этого уля ракет* (2), ... *сошла пленка с ракетного уля* (1). Такие переводные версии наиболее убедительно демонстрируют невозможность получения смысла фрагмента речевого произведения путем сложения значений входящих в него единиц языка. «The meaning of an expression is never «right there in the words»», – пишут М. Тернер и Дж. Фоконье [Turner, Fauconnier, 1999, p. 7]. Такое положение вещей признается и в традиционной отечественной системно-центристской лингвистике. Так, А.В. Бондарко в своей монографии «Грамматическое значение и смысл» утверждает, что «... возможность выражения в актах речи бесконечного количества новых смыслов связана с такими факторами, как нетождественность содержания, выражаемого сочетаниями языковых единиц, простой сумме их значений» [Бондарко, 1978, с. 51].

В следующих (19) версиях перевода лексемы «ракета», «ракетный» вообще не присутствуют, например: ... *оболочку, снятую с гудящего уля* (4), ... *снятую кожуру с шумного уля* (4), ... *кожищу от взмывающего уля* (3), ... *кожищу с ночной фиалки уля* (2), ... *оболочку от уля* (1), ... *оболочку, снятую с уля* (1), ... *шелушающуюся кожу из уля* (1), ... *кожа шелушится от поднявшегося уля* (1). Опускание одного из компонентов метафоры неизбежно влечет за собой нарушение авторского понимания, его смысла.

Некоторые информанты (28) отдали предпочтение стратегии замены авторского смысла личными ассоциациями и представлениями. Приведем наиболее любопытные, на взгляд исследователя, переводы:

1. *Он видел из ракетной установки фрагменты кожи, людей, разоблаченных таким образом, бегущих, бегущих, бегущих, кричащих, но неслышимых.*

2. *Он увидел людей, внезапно появляющихся из ниоткуда и исчезающих так же быстро и бесшумно, как пролетает время.*

3. Он увидел всю шелуху этого мира ...

4. Он видел, как люди показывали себя, не таясь, они бежали, бежали, беззвучно открывая рты, пытаясь что-то крикнуть, все это было похоже на гудящий улей, из которого летели пух и перья.

5. Он увидел, как оголился вооруженный улей, и люди, незащищенные, бегут, бегут, бегут, беззвучно крича.

Именно переводческая стратегия замены авторского смысла личными ассоциациями и представлениями эксплицитно демонстрирует **смысловую динамику метафорического компонента**. Метафора принципиально допускает возможность выбора стратегий понимания, возможность установления собственных путей распрямления метафорического смысла. Следовательно, в **когнитивной метафорической структуре заложена динамика, эволюция смысла**.

Четыре реципиента передали метафорический компонент с помощью сравнений: ... *обшивку, слазившую, точно кожа, с космического корабля, похожего на пчелиный улей* (2), ... *с ракеты, похожей на улей, облетает обшивка* (2). Перевод метафоры сравнением мы относим к стратегии понимания, условно обозначенной как стратегия буквального тождества наглядно изображаемому. Поскольку это одна из стратегий понимания метафорического текстового компонента, то правомерно считать, что понимание и интерпретация метафоры этими реципиентами осуществлены, и это очень важно. Другое дело, что в переводных версиях такого рода, т.е. при замене метафоры исходного текста сравнением на языке перевода, акцентируются по преимуществу *жесткие/стабильные* компоненты метафорической структуры, при этом затеняются *гибкие/нестабильные* связи. *Сравнение меняет исходное метафорическое соотношение стабильного и нестабильного*, а потому нарушает инвариантность структуры текста оригинала, структуры метафорической, «дрейфующей» нестабильно-стабильной смысловости. Однако нам важно то, что содержание

метафоры исходного текста проинтерпретировано, и понятий смысл передан в переводных версиях.

Авторский оттенок смысла передают реципиенты (26), которые, отчасти или полностью поняв его, перевели текст таким образом: *шелушится покров космического корабля (4), обшивка отслаивается от корпуса ракеты (4), покров корабля отрывается (3), обшивка снята с ракеты (3), снятую внешнюю оболочку ракеты (3), кожух с гладкой поверхностью ракеты (2), с ракетного уля спала обшивка (2), отставшую внешнюю оболочку от уля ракеты (1), отщепившуюся от корпуса ракетного уля внешнюю оболочку (1), шелуху покрытия от уля ракеты (1), отделившуюся внешнюю оболочку от ракетного корпуса-уля (1), обшивка отделилась от уля ракеты (1).*

Итак, переводческие версии испытуемых демонстрируют *различную степень погружения* реципиентов в авторскую метафорическую структуру, от чего напрямую *зависит достижение адекватности перевода*. Адекватная интерпретация авторского смысла, а значит, и оптимальность перевода, предопределяется многими переменными факторами.

Таким образом, большинством информантов авторский смысл, заключенный в предложенном для перевода метафорическом контексте, адекватно не интерпретирован и не передан в переводных вариантах, поскольку ими выбрана при переводе стратегия буквального тождества, которая способна лишь к частичному отражению специфики авторского смысла. Возможно, такие результаты демонстрируют то, что информативность начала анализируемого контекста превышает порог восприятия. По всей видимости, начало контекста не оптимально алгоритму активности индивида в процессе восприятия, поэтому контекст понимается неадекватно или не понимается. Зона подготовки к восприятию доминантного авторского смысла оказалась для большинства респондентов недостаточной.

4. «His own identity **was fading out** into a grey impalpable world: solid world itself, which these dead had one time reared and lived in, **was dissolving and dwindling**» [Joyce, 1991, p. 152].

«Его собственное «я» растворялось в их сером неосязаемом мире; материальный мир, который эти мертвецы когда-то созидали и в котором жили, таял и исчезал» [Джойс, 1982, с. 231].

Его собственная индивидуальность тускнела, растворяясь в сером неосязаемом мире: материальный мир, который эти мертвецы когда-то созидали и в котором жили, таял, уменьшаясь с каждым мгновением.

Компонентный анализ является первым этапом интерпретации данного предложения. Глагол «fade» в англо-английских словарях означает: 1) терять яркость, утрачивать силу или подвижность/живость; 2) терять яркость и насыщенность; 3) *растворяться*; 4) неуклонно снижаться в громкости, утрачивать силу или *визуально становиться меньше в размерах*: «**1:** to lose freshness, strength, or vitality: **WITHER 2:** to lose freshness or brilliance of color **3:** to sink away: **VANISH 4:** to change gradually in ...visibility» [Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, 1995, p. 416] (курсив мой. – Э.Г.). Глагол «dwindle» предполагает *наблюдаемое прогрессивное уменьшение*: «**DWINDLE** implies progressive lessening and is applied to things *growing visibly smaller*» [Там же, p. 300] (курсив мой. – Э.Г.). Нельзя не заметить точку пересечения дефиниций этих лексем, а именно: объединяющий компонент значений «**становится зрительно меньше в размерах**». В словарях дается следующее определение глагола «dissolve»: 1) вызывать рассеивание (disperse), разрушение (destroy), 2) разъединять, прерывать, аннулировать, 3) таять, превращаться в жидкость, 4) *to cause to fade out in a dissolve* [Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, 1995, p. 337] (курсив мой. – Э.Г.). В дефиниции этого глагола есть определенная корреляция с лексемой «fade», а именно: интегративный признак «**исчезновения, таяния, растворения**». Лексема «растворялась» в зафиксированном в словаре переносном значении обозначает: «стала незаметной, исчезла» [Ожегов, Шведова, 2001, с.

665]. Глагол «исчезнуть», выбранный переводчиком опубликованной версии, определяется, как «1. ... Прекратить существовать окончательно ... 2. Сразу или незаметно *перестать быть видимым*. ... 3. Удалиться» [Там же, с. 256] (курсив мой. – Э.Г.). В опубликованной версии перевода *не эксплицируется* смысловая связь компонентов текста оригинала «fading out» и «dwindling», которые объединены инвариантным признаком «наблюдаемое уменьшение в размерах». В исследовательском варианте перевода: *таял, уменьшаясь с каждым мгновением* – сохраняется и *актуализируется* такой интегральный признак. Такой перевод способствует адекватной передаче момента угасания, обезличивания, стирания индивидуальности героя в том потустороннем, бесплотном мире. Лексема «тускнела» избрана нами в переводе потому, что в ней еще раз, наряду с лексемой «растворяясь», актуализируется смысловой компонент неинтенсивности. Хотя это и нарушает лаконичность идиостиля автора, но позволяет эксплицировать компонент смысла, значимый для автора текста оригинала. В исследовательской версии перевода все эксплицированные в метафорическом контексте *пути становления, эволюции смысла, которые связаны с выделенным интегративным признаком-аттрактором*, зафиксированы и в переводе.

Для продолжения анализа представим данный метафорический контекст следующим образом:

His own identity	was fading out	into a grey impalpable world:
solid world it self		which these dead had one time
		reared and lived in,
	was dissolving and dwindling.	

Интегративный признак неинтенсивности, постепенности задан и грамматической структурой исходного текста. Автор использует повтор глагольных форм в Past Continuous (was fading out, was dissolving and dwindling) для акцентуации процессуальности. Лексемой «grey» также подчеркнут интегративный признак малой интенсивности, малой насыщенности. Общий цветовой облик текста – серый, тусклый, приглушенный, угасающий – также является компонен-

том смысловой доминанты текста. Слово «grey» репрезентирует в тексте не только цвет – серый. Считаем, что оно актуализирует эмоциональное состояние героя – смиренное, тоскливое. Его собственное «Я», так значимое в реальном мире, становится незначительным в мире потустороннем. Этот факт, может, и удручает героя, но вместе с тем он понимает безысходность ситуации, понимает то, что ему необходимо с этим смириться.

В анализируемом метафорическом контексте актуализируется дихотомия «единичное – общее»: his own identity – a grey impalpable world/solid world itself. И это не случайно. Его собственное «я» становится частью потустороннего мира, того общего, неизбежно общего, которое объединяет всех.

В данном метафорическом контексте очевидна «запараллеленность» авторских смыслов, или, в терминах традиционной лингвистики, «приращение смысла». Такая *комплексная* интерпретация лексических и грамматических компонентов смысловой структуры текста оригинала, а также актуализация субъективных неконвенциональных ассоциаций и т.д. свидетельствуют об ином, вторичном процессе смыслопорождения, адекватном исходному. И в этом процессе порожденная иная авторская метафорическая когниция, овеществленная формой исходного языка, начинает детерминировать деятельность переводчика по речесмыслопорождению. Метафорический компрессированный смысл, порожденный чужим мышлением и существующий в языковой форме, мобилизует концептуальную систему реципиента-переводчика и управляет его мышлением. Такая интегрированная рефлексия представляет **«другое измерение смысла, сигнализирует об ином процессе смыслопорождения, синхронизируемым с авторским структурой текста»** [Герман, Пищальникова, 1999, с. 90]. Именно в переводных вариантах метафорического контекста, дискретизируясь, эксплицируется вторичное континуальное смыслопорождение. В связи с изложенным логично обращение к рассмотрению переводных версий информантов.

Метафорический комплекс *was fading out* адекватно воспринят абсолютным большинством (160) участников эксперимента:

1) (*постепенно*) *растворялась* (56), *исчезать, растворяясь* (21), *размывалась* (4), *таяло* (1), *сливалось* (1). Эти лексемы объединяет интегративный признак «размывание», «растворение»;

2) (*постепенно*) *исчезала* (35), *стиралась* (1). Глаголы «исчезать» и «стираться» интегрируются признаком «исчезновение»;

3) *блекла* (16), *теряла яркость* (4), *увядала* (5) – обобщены связью «затускывания»;

4) *ослабевала* (4), *угасала* (4), *уменьшалась* (4) – «убывание»;

5) *затерялась* (2), *уносилась* (1), *переходила* (1). Эти лексемы объединены интегративным признаком «движение».

Доминантный смысловой признак «малая интенсивность» сохранен в большинстве предложенных вариантов. Абсолютное большинство опрошенных, уловив метафоричность контекста, его эмоциональный тон, адекватно передали авторскую смысловую доминанту на языке перевода. При этом переводные варианты испытуемых эксплицируют динамичное функционирование когнитивной метафорической структуры в концептуальной системе реципиента-переводчика. Таким образом, специфика метафорической когниции заключается в принципиальной *возможности* *распредмечивания емкого компрессированного смыслового содержания метафоры разными способами благодаря динамическому функционированию этой когнитивной структуры в концептуальной системе реципиента, при этом доминантный смысл как «стабильное ядро» понимается большинством.* Именно в этом и проявляется, реализуется **универсальность** метафорической когниции, ее **синергетическая, компрессированная природа.**

Компоненты метафорического текстового комплекса *was dissolving and dwindling* реципиенты часто меняли местами, переставляли, а подчас соединяли в одну лексему. Как и в вышеописанном случае, переводные варианты участников эксперимента эксплицируют раскрытие специфики метафорического смысла путем установления **разных, но вероятностных, интегративных признаков,**

при синхронном понимании доминанты метафорического комплекса. Так, информанты перевели метафорический фрагмент как: 1) *исчезал* (49), *растворялся* (40), *таял* (6), *терял очертания/границы* (2), *размываясь в границах* (1). Лексемы объединяет интегративный признак «растворение»;

2) *уменьшался* (7), *мельчал* (1) интегрируются связующим признаком «снижение, уменьшение»;

3) *терял значение* (6), *утрачивал былую силу* (1). Эти переводные варианты можно обобщить признаком «потеря»;

4) *вырождался* (20), *истощался* (15), *приходил в упадок* (9), *разлагался* (7), *распадался (на части)* (2), *разрушался* (1). Интегративный признак «разрушение» лежит в основе переводных лексем в этих версиях. Лексемы «вырождался», «истощался», «приходил в упадок», «разлагался» описывают экономический уклад мира, в то время как автор делает акцент на другом. Графический знак двоеточие показывает, что следующая часть предложения является смысловой разверткой предыдущей. Вторая часть предложения является дополнением, распространением мысли, представленной в первой части. Его идентичность погружалась в иной мир, и одновременно прежний бранный материальный мир в эти мгновения исчезал, растворялся. В процессе растворения его индивидуальности в потустороннем мире привычный мир становится мельче, размытее. Поэтому авторский смысл заключен в следующем: собственная индивидуальность героя растворялась в бесплотном мире, и бранный мир в эти мгновения терял свои очертания, размывался, таял, уменьшаясь с каждым мгновением. В связи с изложенными аргументами считаем, что первые три условно выделенные нами по интегративным признакам группы переводных вариантов являются более предпочтительными по сравнению с последней.

Итак, большинством реципиентов доминанта метафорического контекста понята, интерпретирована и воссоздана в переводах адекватно. Большинство участников эксперимента авторский смысл данного метафорического отрывка передан на языке перевода благодаря переводческой стратегии адекватного

выявления авторского смысла/встречной метафоризации. В переводных версиях испытываемых эксплицируется активизация *нестабильных, вероятностных* отношений когнитивных признаков, интегрирующих метафорический контекст в *единое целостное метафорическое пространство смысла*. Доминанта метафорического текстового комплекса проявляет способность **регулировать протекание синергетических процессов встречного речесмыслопорождения** в концептуальной системе переводчика-реципиента, **лимитируя множественность путей их развертывания и обуславливая тем самым адекватность перевода**.

5. «His soul **swooned slowly** as he heard the snow falling faintly through the universe and faintly falling, like the descent of their last end, upon all the living and the dead» [Joyce, 1991, p. 152].

«Его душа медленно меркла под шелест снега, и снег легко ложился по всему миру, приближая последний час, ложился легко на живых и мертвых» [Джойс, 1982, с. 231].

Его душа медленно меркла под тихо падающий снег по всей вселенной, снег падал тихо, как предвестник их последнего часа, на живых и мертвых.

В опубликованной версии перевода авторский смысл метафорического фрагмента *swooned slowly* передан адекватно на языке перевода, однако словосочетание *falling faintly*, переведенное как *ложился легко*, на наш взгляд, не совсем верно отражает смысл. Мы осознаем намерение переводчика передать звуковые соответствия текста оригинала на переводящий язык, однако, во-первых, лексему «*falling*» адекватнее все же перевести как «падает», а не «ложится», во-вторых, выделяемый переводчиком интегративный признак «легкости», который эксплицируется дважды в переводной версии словом «легко», не находит корреляций в исходном. Как нам представляется, в тексте оригинала преобладание лексем со смычно-щелевыми согласными [s], [f] выражает эмоцию покоя, умиротворенности, а потому акцентирует этот интегративный признак, а не признак «легкости», обнаруженный переводчиком.

В выбранном для анализа предложении налицо *реализация синкретизма всех гетерогенных компонентов текста в порождении гомоморфного авторского пространства метафорического смысла*. Фоносемантические, синтаксические, лексические характеристики языкового знака способствуют созданию смыслового гомоморфизма. Доминирующие фоносемантические и синтаксические характеристики текста, наряду с лексическими компонентами, формируют **открытое функционально-динамическое синергетическое метафорическое пространство смысла**.

Обратимся к анализу фоносемантических характеристик языковых знаков текста. Исследования А.П. Журавлева, С.В. Воронина и многих других в области фоносемантики доказывают наличие *общего психологического пространства восприятия звуков у носителей разных языков*. Исследования барнаульской психолингвистической школы, осуществленные под руководством В.А. Пищальниковой (см. работы М.А. Балаш, И.Н. Шадринной и др.), аргументированно доказывают, что до определенного момента **звуковая организация текста является единственной смыслоформирующей основой**. Звуки обладают фонетической значимостью, они воспринимаются как *содержательные*. Игнорирование «межъязыкового фоносемантического пространства» (термин В.А. Пищальниковой, И.Н. Шадринной) в переводе существенно замедляет процесс смыслообразования у читателя переводного варианта. Переводчик-профессионал не должен создавать такого рода преграду.

Положение о **существовании универсальных законов эмоционально-оценочной значимости звуков** также является доказанным и неопровержимым в области фоносемантики. Реципиент на основе воспринятого иноязычного метафорического контекста начинает процесс встречного смыслопорождения, опираясь, в том числе, и на присвоенную *звуковую материю, материю, несущую смысл*. Таким образом, *наиболее частотные звуки репрезентируют доминантный смысл благодаря созданию определенного звукового тона и, что важнее, эмоционального фона метафорического контекста*, который и направляет в

нужное русло деятельности переводчика, нацеленную на реконструкцию авторского смысла, на его адекватную передачу на языке перевода. Полагаем, что продуцентом определенный звуковой комплекс используется, вероятнее всего, неосознанно, но мотивировано адекватной репрезентацией личностного смысла, а следовательно, системой доминантных и производных эмоций. Смычно-целевые согласные звуки [s], [f] в лексемах «soul», «swooned», «slowly», «snow», «falling», «faintly», «faintly», «falling», «descent», «last», «his», «as», «universe», а также гласный звук [u:] в лексемах «swooned», «through», «universe», дифтонг [ou] – «soul», «slowly», «snow», доминирующие в метафорическом контексте, создают эмоциональный фон речевого произведения – спокойно-умиротворенный. Эмоция покоя, умиротворенности является частью авторского смысла. На наш взгляд, это предложение мелодично. Оно напоминает мелодию в минорной тональности в медленном темпе (LARGO).

Рассмотрим особенности синтаксической организации фрагмента речевого произведения. Для наглядности представим фрагменты текста следующим образом:

His soul swooned slowly		as he heard the snow
falling faintly	through the universe	and
faintly falling		like the descent of
		their last end
upon all the living and the dead.		

Трехкратный повтор глагольно-адвербиальной конструкции (swooned slowly, falling faintly, faintly falling) с преобладанием в лексемах согласных звуков [s], [f] в начальной позиции способствует акцентуации эстетизированной эмоции умиротворения. Повтор фраз с предлогами в препозиции (through the universe, upon all the living and the dead) создает образ вселенной, человечества, порождая при этом противопоставление «общее – единичное»: the universe (все человечество) – the living and the dead (в том числе и отдельные/конкретные лица). Как отмечает W. Nash, «... antiphon of ‘all’ and ‘each’ is heard again in the phrases

through the universe and upon all the living and dead» [Nash, 1971, p. 182]. Такой контраст эксплицирован и в начале предложения: *the snow – His soul, he*. Однако в середине предложения происходит соединение общего и единичного благодаря связующему звену – сравнительному обороту *like the descent of their last end* (как предвестник их последнего часа).

Единение «общее – единичное», представленное в тексте оригинала, выводит на философский уровень восприятия мира, на спокойное принятие мысли о неизбежности кончины. Заключительное предложение рассказа Дж. Джойса «The Dead»/«Мертвые» становится отправной точкой размышлений читателя над поднятыми автором философскими вопросами. В этом и «высвечивается» одна из сторон специфики понимания внутренней формы слова по А.А. Потебне, именно в этом, отчасти, и заключается расшифровка его термина «сгущение мысли». Вышеизложенные аргументы содержат в себе объяснение того, почему многие испытуемые отдали предпочтение стратегии замены авторского смысла личными ассоциациями и представлениями, при этом неизбежно заменяя/модифицируя специфику авторского смысла. Например:

1. Его душа слегка замерла, когда он услышал едва уловимое падение снега через призму человеческих жизней, едва заметное падение, как мелодия последнего конца, на грани жизни и смерти.

2. Его душа медленно теряла силы, так как он слышал бесшумное падение снега, вселенную и бесшумное падение как приближение конца всего живого и мертвого.

3. ... как последнее поколение надвигалось на живых и мертвых.

4. ... падал незаметно, как падение последней минуты.

5. ... несмотря на тихо падающую вселенную, ожидая приближения конца всего живого и неживого.

6. Он затаил дыхание, услышав, как падает снег на все живое и неживое.

7. Его душа медленно впадала в восторг....

Анализируя переводные версии испытуемых, мы установили, что преобладающее число респондентов адекватно поняли данный метафорический контекст. Большинство информантов перевели метафорический фрагмент *swooned slowly* как *медленно замирала/замерла*. Считаем такие переводные версии приемлемыми для передачи авторского смысла. Предлагались и такие переводы, как *отходила* (6), *покидала его* (5), *приостановилась* (1), *теряла сознание* (1), *теряла силы* (1), *угасала* (1). Именно эти переводные версии **эксплицируют динамику когнитивной метафорической структуры в концептуальной системе переводчика**, поскольку реципиентами выделяются *разные* интегративные признаки при интерпретации смыслового комплекса. Однако и эти испытуемые уловили метафоричность текстового фрагмента, но передали лишь часть метафорического содержания в переводных вариантах.

Следовательно, смысловая доминанта авторского текста в большинстве случаев понята реципиентами, и это очень существенно. Однако при этом ни один реципиент не отразил в переводе звуковые соответствия, имеющие принципиальное значение для понимания смысловой доминанты. Кроме того, большинство испытуемых не воспроизвело особенности синтаксической организации текста оригинала, а также опустило вариативный повтор словосочетания *faintly falling*. Мы отдаем себе отчет в том, что не вправе требовать от испытуемых высококачественных литературных переводов. Нам важно другое, а именно то, что **доминантный авторский смысл, заключенный в метафорическом текстовом комплексе, понимается абсолютным большинством участников эксперимента. Исходная компрессия порождает встречную компрессию метафорического смысла.** Другое дело, что к профессиональному переводу предъявляются такие высокие требования, как адекватная реконструкция авторской специфики мировосприятия, сохранение инвариантной когнитивной структуры и т.д. Особенности звуковой и синтаксической организаций, формы исходного высказывания необходимо передавать на переводящий язык с учетом особенностей последнего.

6. «They waited for him **to gather** all the **coolness** and the **whiteness** and the **welcome** and **refreshing climate of the word** in his mind, and they saw him settle the word, like a bit of ice-cream, in his mouth, rolling it gently» [Bradbury, 2000, p. 155].

«Они ждали, когда он мысленно соберет воедино всю прохладу и белизну, свежесть и бодрящий воздух, заключенный в заветном слове; и они увидели, как слово рождается у него во рту и перекачивается на языке, будто кусочек мороженого» [Брэдбери, 1985, с. 284].

Они ждали, когда он мысленно соберет воедино всю прохладу и белизну, бодрящую свежесть и приветливый климат, заключенные в заветном слове; и они увидели, как он артикулирует это слово, нежно перекачивая его во рту, как кусочек мороженого.

По-видимому, большое количество отказов (47) от перевода данного метафорического контекста можно объяснить тем, что для более адекватного понимания отрывка требуется расширенный контекст. А именно, члены экипажа космического корабля, побывав на Солнце и успешно выполнив поставленную задачу, ждут приказа капитана о возвращении домой, на планету Земля. Солнце – враждебное, немилостивое к пришельцам, посягнувшим вторгнуться в его владения; жгучее, беспощадно палящее, сжигающее всех и все. Планета Земля – это их Дом, где ждут родные и близкие. Это слово значимо и особо дорого каждому из них. В тексте этот авторский смысл акцентируется образным сравнением *like a bit of ice-cream*, а также причастной конструкцией *rolling it gently*. Планета Земля ассоциируется с доброжелательной атмосферой (*welcome*), прохладой (*coolness*), с чистым снегом (*whiteness*), зимним бодрящим воздухом/свежестью (*refreshing*). На наш взгляд, этот доминантный авторский смысл адекватно передан в одном, предложенном нами для перевода реципиентам предложении. Смысловые отношения, актуальные для автора, требуют метафорической формы фиксации. Именно метафора позволяет наиболее адекватно представить континуальное поле смысла.

Наиболее приближенными к раскрытию полноты авторской специфики метафорического смысла считаем версии реципиентов (64), которые предлагают, например, такие переводы: ... *в уме соберет всю прохладу и чистоту/белизну, приятный и освежающий/бодрящий климат этого слова* (9); *прохладу и чистоту, гостеприимство и освежающий климат слова* (8); *прохладу, белизну, приветливость и свежесть слова* (7); *прохладу и белизну, свежий и бодрящий воздух, содержащийся в слове* (5); *прохладу, белизну, доброжелательность и освежающую атмосферу слова* (5); *объединит всю холодность и белоснежность, наслаждение и освежающее действие в одном слове* (4); *мысленно соберет прохладу, белизну, гостеприимную и освежающую атмосферу, заключенную в этом слове* (4).

Авторская смысловая доминанта частично понята реципиентами (20), которые перевели данный метафорический контекст, например, как *собрать прохладу, и белизну, и раздумие, и освежающее влияние слова в его мыслях* (4), *соединил прохладу, и незапятнанность, и гостеприимство, и новые свойства слова* (4), *соберет всю свежесть, чистоту, радушие, оживленную атмосферу мысли в своих словах* (3).

Закономерно, что этот метафорический контекст в процессе переводческой деятельности породил большое количество переводов респондентов (36), демонстрирующих выбор стратегии замены авторского смысла собственными представлениями и ассоциациями. При этом неизбежны модификации исходного, авторского смысла, а потому наглядно представлена **функциональная динамика метафорической структуры** в переводных вариантах. Представим лишь некоторые переводные версии подобного рода, созданные участниками эксперимента:

1. *Они ждали, когда он возьмет себя в руки и его сознание прояснится, и ясная и четкая мысль придет к нему в голову, а затем они наблюдали, как он облакал свою мысль в слова.*

2. Они ждали его, собирая все хладнокровие и бледность, а освежающий и приветливый климат произнесенных слов царил у него в голове. Потом они увидели его, аккуратно и нежно водворяющего слово, как будто бы он ел мороженое.

3. Они ждали его и увидели на суше, как бы с мороженым во рту.

4. Они ждали его, чтобы покончить с равнодушием и бледностью, чтобы мысли приобрели стройный вид в его сознании, и они стали свидетелями того, как он неуверенно пытался подобрать нужные слова, как будто у него во рту вращался кусочек мороженого.

5. Они ждали его, чтобы собрать все спокойствие, чистоту, приятную и освежающую атмосферу мира в его уме, а увидели, что он устраивает мир, словно кусочек мороженого, который он нежно пережевывает во рту.

6. Они ждали, пока он совладеет с собой, со своей бледностью, приветственной речью и подберет в уме нужную интонацию, и тут они увидели, как он, словно кусочек мороженого, ворочает во рту слово.

Таким образом, переводные варианты данного метафорического контекста наглядно демонстрируют **динамизм компрессированной метафорической структуры** в концептуальных системах реципиентов-переводчиков. Участниками эксперимента в процессе переводческой деятельности обнаруживались **нестабильные, латентные, вероятностные связи** между компонентами метафорического текстового комплекса, которые и фиксировались в переводах.

Больше третьей части респондентов **адекватно** передали авторский смысл данного метафорического фрагмента в переводах с помощью стабильной системы значений лексем, которые содержат *потенцию развития, стремления к асимметрии*. «Тенденция симметрии обеспечивает движение «как бы по кругу», но только асимметрия обуславливает поступательное движение, превращая каждый момент движения из кругового в спиральное» [Депенчук, 1963, с. 25]. Таким образом, конвенциональные значения, вступая в деятельность по порождению авторского, а потому специфического, смысла, реализуют один из способов развития языка, его

самогенезиса. **Конвенциональные значения обуславливают переход к самоорганизации становящейся системы смысла.**

7. «The beautiful hand outside the ship trembled, a tremendous image of his own gesture, sank with **oiled** silence into the ship body. The Cup, lid shut, dripped yellow flowers and white stars, slid deep» [Bradbury, 2000, p. 153].

«Прекрасная рука за стеной дрогнула, повторив в исполинском масштабе жест командира, и бесшумно скользнула на свое место. Плотная закрытая чаша, рассыпая желтые цветы и белые звезды, исчезла в чреве корабля» [Брэдбери, 1985, с. 283].

Прекрасная рука за бортом корабля дрогнула, повторив в исполинском масштабе его жест, и погрузилась в вязкую тишину корпуса корабля. Плотная закрытая Чаша, рассыпав желтые цветы и белые звезды, скрылась глубоко внутри.

По всей видимости, в опубликованной версии перевода метафорический эпитет «oiled» входит в смысловое наполнение лексемы «бесшумно». Переводчик посчитал возможным перевести исходный метафорический фрагмент *sank with oiled silence* словосочетанием «бесшумно скользнула». По нашему убеждению, такой перевод не ведет к воссозданию всей специфики авторского компрессированного смысла, уникальности метафорической когниции автора, а потому не может претендовать на статус наиболее приемлемого/адекватного. В опубликованной версии перевода произошло сужение исходной емкости авторского смысла, что обеднило переводной текст в смысловом отношении.

На наш взгляд, специфика авторского смысла данного метафорического контекста заключается в следующем: замкнутое пространство ассоциируется с давящей тишиной, в то время как открытое пространство – с тишиной звенящей. В данном случае тишина, царящая внутри корпуса космического корабля, гнетущая. Это акцентировано актуализацией смыслового компонента гнетущей атмосферы в ряде лексем: «lid», «shut», «sank», «deep». Адекватный выбор языковых средств, обусловленный эмоциональной напряженностью продуцента,

эксплицирует доминантные эмоции. Полагаем, что противопоставление предлогов *outside* и *into* также акцентирует смену пространства, обстановки, а точнее, атмосферы в этом новом пространстве – гнетущей, давящей. В очередной раз эксплицирована *синхронизация* гетерогенных (*лексических и грамматических*) смыслов в синергетическом процессе, направленная на более адекватную передачу доминантного авторского личностного смысла, а потому на акцентуацию авторской значимой эмоции. Очевидно проявление *смыслового изоморфизма характеристик единиц языка*. **Отрефлексирующая когерентность как синхронное взаимодействие гетерогенных элементов текста является необходимым условием для порождения встречного смыслопостроения, адекватного исходному.**

Приближенными к авторскому смыслу считаем следующие переводные варианты реципиентов (30), которые сохранили метафорический эпитет и интерпретировали его, как в/с *тягучей* тишине/ой (7), в *вязкую* тишину (7), с *давящей* тишиной (5), в *засасывающей* тишине (4), в *тяжелой* тишине (4), с *гулкой* тишиной (1), в *густую* тишину (1). Эти переводные варианты можно объединить интегративным признаком «гнетущей атмосферы».

Однако около половины реципиентов, не отказавшихся от выполнения предложенного задания, переводили метафорический эпитет, например, как в *пропитанную маслом тишину* (9), в *масляном молчании* (8), с/в *масляной/масленной тишиной/е* (7), с *промасленным молчанием* (5), с *нефтяной тишиной* (4), в *мягкую, как масло, тишину* (3), в *смазанную тишину* (3), что свидетельствует об обнаружении этими реципиентами *устойчивого* компонента смыслового поля, т.е. компонента симметричного. Симметричным компонентом формирующегося смыслового поля выступает стабильность системы значения слова. Словарные значения лексемы «oiled» – «пропитанный маслом, промасленный» [Мюллер, 1977, с. 513] – довлеют в процессе встречного порождения смысла. Эти реципиенты не произвели необходимой корреляции, отношений между стабильным и новым/нестабильным/метафорическим авторским смыслом,

что и привело к неадекватной передаче исходного смысла в переводах информантов. Нам же представляется, что смысловые отношения компонентов контекста эксплицитно демонстрируют метафоричность, а потому требуют метафорического способа воссоздания исходного смысла на языке перевода.

Эти результаты эксперимента в очередной раз демонстрируют факт *невозможности* извлечения смысла речевого произведения путем сложения значений входящих в него единиц, что коррелирует с нейрофизиологическими структурами, где при сопоставлении свойств одного нейрона и их сообщества «функционально объединенное сообщество **приобретает новое качество**, которое не является результатом простого суммирования свойств отдельных единиц» [Бехтерева, 1988, с. 6] (выделено мной. – Э.Г.).

Неадекватно проинтерпретирована авторская смысловая доминанта и теми информантами, которые перевели метафорический эпитет текста оригинала как *с настороженной тишиной, со скользкой тишиной, с ледяным молчанием*, а также теми, кто пропустил метафорический эпитет и перевел: *в тишину/е* (6), *тихо погрузилась/тонуло* (3), *погружалась бесшумно* (3), *неслышно спряталось* (2), *медленно утонула* (2). Лексемы «настороженный», «скользкий», «ледяной» эксплицируют тот факт, что испытуемые уловили эмоцию тревоги, закодированную в метафорической комбинации словесных знаков. Поскольку специфика авторского смысла этими участниками эксперимента понята лишь отчасти, то и в переводных версиях этих информантов передана только часть исходного метафорического содержания.

Третья часть (56) опрошенных выразила отказ от перевода этого предложения. Несколько реципиентов (4), отдавая предпочтение стратегии замены авторского смысла личными ассоциациями и представлениями, перевели следующим образом:

1. На корабле было сильное молчание. Желтые цветы и белые звезды незаметно проходили там.

2. *Словно от прикосновения корабль вздрогнул, неуловимый, в густой тишине; незримая рука проникла в тело корабля.*

3. *Красивая рука трепетала вслед кораблю, ужасный образ его собственного жеста исчез в тягучей тишине корпуса. Судьба – закрытая крышка, увядшие цветы и глубоко впалые звезды.*

4. *Божественная, невидимая рука над кораблем вздрогнула – то было странное подобие собственного его движения, затем она погрузилась с неприятной тишиной в тело корабля, навеки закрыв глаза, роняя желтые цветы и светящиеся звезды, скользнула вглубь.*

Таким образом, в переводных версиях большинство реципиентов не отразило адекватно авторский смысл, отчасти заключенный в метафорическом эпитете, при этом частично поняв метафоричность содержания. По результатам эксперимента доминантная эмоция текста адекватно воспринимается большинством реципиентов. Однако воссоздать всю полноту специфики авторского смысла удалось немногим. Нам представляется, что адекватность отражения метафорической когниции художника слова достигается путем использования неконвенционального, асимметричного, метафорического способа передачи смысла. Для достижения адекватности в переводе необходимо учитывать, что метафора организована таким образом, что при попытке понять ее стабильные компоненты и нестабильные связи между ними концептуальная система реципиента приходит в противоречие, заставляя субъекта для постижения смысла и создания встречно порожденного высказывания (перевода) искать нестереотипные пути интеграции поступающей в виде метафоры информации. Однако, как показывает эксперимент, большинство испытуемых предпочло перевести этот метафорический фрагмент с помощью стабильных значений слова или не включили его в перевод.

8. «A **dull** anger began to gather again at the back of his mind and the **dull** fires of his lust began **to glow angrily** in his veins» [Joyce, 1991, p. 149].

«Глухой гнев начал скопляться в глубине его сердца, и глухое пламя желания начало злобно тлеть в жилах» [Джойс, 1982, с. 227].

мента показывают, что доминантная эмоция, фиксирующаяся в метафорических текстовых комплексах, адекватно понимается большинством испытуемых. Респонденты отмечают эмоцию злости/злобы (18), гнева (13), негодования (5), затаенной ярости (4), угнетения (3), тревоги, ожидания плохого (3), мести (3), раздражения (3). Эмоция, которая «высвечивается» в комбинациях языковых единиц, не только адекватно воспринимается, а потому понимается, но и регулирует, детерминирует выбор таких вербальных кодировок языка перевода, которые способны адекватно передать исходный эмоциональный фон иноязычного метафорического отрывка художественного произведения.

Автор актуализирует смысловой компонент «неинтенсивность, завуалированность» с помощью повтора метафорического эпитета «dull», а также словосочетания *at the back of his mind* и предлога *in*.

Артикли, наряду с другими компонентами текста, несут смысловую нагрузку. Неопределенный артикль свидетельствует о новом оттенке чувства гнева, которого до этого момента герой не испытывал, в то время как определенный артикль акцентирует ранее испытанное чувство вождления. Именно поэтому, на наш взгляд, целесообразнее начать перевод как *Он почувствовал, как какой-то ...*, а не начинать предложение с ремы высказывания, как предлагается в опубликованной переводной версии. Из более широкого контекста рассказа можно узнать о том, что на протяжении всей совместной жизни жена скрывала от супруга некоторые факты из ее девичества, а именно те моменты, когда она испытывала нежные чувства к юноше, который, в свою очередь, также романтично относился в ней. Однако обстоятельства сложились так, что им не суждено было быть вместе. Влюбленный юноша во время серьезной болезни, вопреки запретам врачей, пришел попрощаться с девушкой накануне ее отъезда из городка, а вскоре скончался, не сумев и даже не захотев оправиться от болезни. Любящий муж, спустя многие годы услышав впервые от жены об этом молодом человеке, образ которого свято хранился все это время в ее памяти, испытал незнакомое ранее чувство приглушенного гнева именно в тот момент, когда он почувствовал

прилив желания к любимой жене. Но затаенное пламя вожделения начало болезненно накаляться в венах героя, не сумевшего побороть приглушенную ревность.

Обратимся к рассмотрению результатов эксперимента. Лексему «anger» респонденты переводили как гнев/злоба/злость/ярость/раздражение. Метафорический эпитет *dull* к лексеме «anger» переводили как *тупой/ая/ое* (56), *притупленная* (20), *неясная* (20), *глухой* (9), *приглушенный* (8), *неясное* (6), *смутный* (6), *неопределенный* (5), *затаенный* (5). Такие переводные версии приемлемы, поскольку в них воссоздан признак завуалированности, неинтенсивности, предопределенный текстом оригинала.

Некоторые респонденты (25) только частично отразили авторский смысл этого метафорического фрагмента в переводных вариантах, например, *глупая* (7), *слепая* (6), *немая* (5), *неотступное* (2). Этими испытуемыми специфика авторского смысла выявлена не полностью, а следовательно, не достигнута адекватность передачи авторского смысла в переводе.

Метафору *dull fires* респонденты перевели как *тусклые огоньки/огни/вспышки/пламя* (50), *неясный/ые огонь/порывы/вспышки страсти* (20), *притупленный пыл/огонь* (18), *тупое пламя вожделения/вспышки похоти* (10), *приглушенный огонь/вспышки* (10), *глухие вспышки* (8), *мрачное пламя* (8), *темное пламя* (6), *затухшие огоньки* (6), *слабые искорки* (3). Полагаем, что такие переводы приемлемы, поскольку инвариантный интегративный признак завуалированности, неоднократно акцентируемый исходным текстом, передан на языке перевода.

Авторский смысл адекватно не интерпретирован несколькими респондентами (20), предложившими следующие переводные версии этого метафорического фрагмента: *глупый пыл/вспышка/огонь/страсть* (10), *унылый* (5), *монотонный* (3), *странный* (2). В переводах этих испытуемых эксплицированы оттенки смысла, важные только для их концептуальных систем. Очевидно давление внутреннего содержания концептуальных систем информантов при переводче-

ском процессе, а не влияние внешнего возбудителя. Для этих участников эксперимента оказалось более важным отразить не специфику авторского смысла, а некое собственное, значащее переживание, важное сугубо для них.

Анализируя переводы испытуемых данного метафорического фрагмента и устанавливая наиболее оптимальные варианты передачи авторского смысла, мы столкнулись с поразительным явлением, а именно: в одних случаях стабильные значения лексемы «dull» *тупой, притупленный, тусклый, неясный, приглушенный* адекватно способны отразить авторский смысл, в других – системные значения той же лексемы *глупый, монотонный, унылый* приводят к искажению смысла исходного текста. Полагаем, что при переводе метафоры исходного текста на языке перевода необходимо, отталкиваясь от стабильных компонентов значений составляющих метафорический фрагмент лексем, *выйти на нестабильное, динамичное, пульсирующее смысловое целое всего метафорического фрагмента и, шире, на совокупный смысл всего метафорического контекста*. Метафорический фрагмент и метафорический контекст в целом существуют как некая смысловая цельность, интегрирующаяся и управляемая доминантным личностным смыслом. Переводчику-профессионалу для достижения адекватности перевода важно «... связать части между собой так, чтобы они представляли некоторое законченное целое» [Марутаев, 1990, с. 135]. Представляется, что это возможно сделать «только за счет сходства самих частей, иначе говоря, за счет того общего, что содержится в каждой части» [Там же, с. 135]. Следовательно, если стабильное значение лексемы метафорического фрагмента способно быть обязательной составляющей при порождении цельного смысла, то переводчику, несомненно, следует сохранить словарное значение лексемы при переводе. В этом случае этот относительно стабильный компонент начинает нестабильно доминировать, запуская процессы самоорганизации в концептуальной системе переводчика, создавая *функциональные отношения нестереотипного порядка* между другими компонентами метафоры. Если же симметричное значение лексемы не имеет «сходства» с другими частями метафорического контекста, не

«вписывается» в создание смысловой цельности и не способно адекватно репрезентировать авторский смысл, то переводчику необходимо установить связь между стабильным значением лексемы и новым, нестабильным значением, способным адекватно передать содержание метафорического фрагмента.

Пять испытуемых опустили метафорический эпитет в переводных версиях, что, на наш взгляд, недопустимо, поскольку неизбежно приводит к искажению специфики авторского мировидения.

Трое респондентов перевели метафорический фрагмент с помощью сравнений: *страсть, как углями; похоть, как жидкий, мрачный огонь; страсть, словно угли*. При переводе метафоры иноязычного текста сравнением на язык перевода, как отмечалось выше, происходит смещение соотношения нестабильного-стабильного в сторону последнего. Этими респондентами замечен и акцентирован в переводе рациональный/стабильный когнитивный признак между составляющими метафорический текстовый комплекс.

Метафору *glow angrily* меньше половины испытуемых (52) перевели, опираясь на системные значения слов: *злобно/злостно/гневно пылать* (11), *(начали) злобно сверкать/засверкали* (10), *сердито/ожесточенно разгораться* (10), *злобно/яростно загораться/разгораться* (5), *(начали) сердито пылать/запылали* (5), *свирепо пылали* (5), *гневно вспыхивали* (3), *злобно засияли* (2), *свирепо замерцали* (1). Глаголы «пылать», «сверкать», «загораться», «сиять», «мерцать» акцентируют зрительное восприятие. Однако это чувство испытал сам герой, за ним никто не наблюдал в этот момент. Он почувствовал внутренние, температурные ощущения. Именно поэтому этот метафорический фрагмент адекватнее перевести, используя лексему «тлеть».

Тридцать четыре реципиента используют стратегию встречной метафоризации при понимании этого метафорического фрагмента, например: *настойчиво разгораться* (5), *неистово жечь* (5), *болезненно накаляться* (4), *зло заиграл* (3), *стремительно разгораться* (2), *начали/стали зло накапливаться* (2), *злобно чувствовался* (1), *гневно накаляться* (1), *гневно колыхать* (1), *ожесточенно*

нарастали (1), разливаться, вызывая злость (1), горячо зажегся (1), разжигали злобу (1), разлилось жгучим огнем (1).

Как нам кажется, такие переводные версии, в которых информанты используют стратегию встречной метафоризации, являются наиболее приемлемыми, поскольку в них частично/полностью адекватно воссоздана специфика чувств и ощущений героя.

Третья часть информантов (56) пропустила лексему «angrily», входящую в метафорический фрагмент, в переводных версиях. Такое опущение ведет к снижению степени адекватности перевода, поскольку не воссоздается вся специфика метафорического/компрессированного способа концептуализации фрагмента окружающей действительности.

Пятнадцать реципиентов предлагают переводческую стратегию замены авторского смысла личными ассоциациями и представлениями, например:

1. В глубине его сознания возникло чувство гнева, и его глаза загорелись неясной огненной страстью.

2. В нем пробуждалась тупая злость, такая, что кровь закипала.

3. Какая-то тупость посещала его мысли и тем самым наводила пасмурное, тусклое настроение.

4. ... кровь от страсти закипела в жилах.

5. Тупая боль снова появилась в его голове, и чувство похоти начало возрастать в венах.

Такого рода переводы, в которых демонстрируется выбор в пользу стратегии замены авторского смысла личными представлениями и ассоциациями реципиента, вряд ли могут претендовать на статус адекватных.

Таким образом, первый метафорический фрагмент *dull anger* преобладающее число участников эксперимента (148) перевели адекватно авторскому смыслу. Переводы доминирующего большинства испытуемых (143) адекватно представляют авторский смысл второго метафорического фрагмента *dull fires*. Тридцать четыре респондента смогли предложить в смысловом отношении

эквивалентные переводы третьего метафорического фрагмента текста to glow angrily. Третья часть опрошенных (56) неправомочно опустила лексему angrily в переводных версиях, по-видимому, посчитав этот компонент незначимым. По нашему убеждению, такое опущение ведет к искажению авторского смысла, а следовательно, к снижению степени адекватности перевода.

Анализ экспериментальных переводов метафорического контекста дает основания аргументировать/доказать выносимое на защиту положение о том, что в большинстве случаев **исходная авторская метафорическая компрессированная модель познания** фрагмента окружающей действительности *инициирует и предопределяет* порождение вторичной переводческой/встречной модели, *инвариантной* исходной. На основе метафорической компрессированной познавательной структуры совершается *не только понимание*, но и *фиксация* процессов встречного речесмыслопорождения, построение вторичной смысловой структуры, инвариантной исходной.

3.4. Выделение наиболее частотных способов (моделей) перевода метафорических фрагментов респондентами

Исходя из поставленных задач первого этапа эксперимента, решение которых достигнуто в результате организованной рефлексии исследователя над апробированными переводными версиями испытуемых, делаем следующие выводы.

Нами установлено, что существуют *определенные способы перевода* метафорических компонентов художественного текста реципиентами, а именно: 1) используются средства языка перевода, которые адекватно передают метафорический смысл текстового комплекса оригинала; 2) производятся замены авторского смысла собственными интерпретациями испытуемых, исходя из того, что значимо для их концептуальных систем; 3) применяются конвенциональные, в том числе и клишированные, средства языка при переводе метафорических фрагментов текста, а также сравнительные конструкции. Способы перевода метафорических

конструкций располагаются в порядке уменьшения частотности их использования респондентами. Предпочтения, отданные тем или иным способам перевода метафорических конструкций, эксплицируют **степень понимания реципиентом смысловой доминанты текста**. Отказ реципиентов от интерпретации, а следовательно, и от перевода метафорического текстового комплекса как компонента переводческой деятельности объясняется тем, что этими респондентами не был установлен какой бы то ни было интегральный признак входящих в состав метафоры лексем.

Прокомментируем изложенное:

1. Наиболее оптимальное, а потому адекватное встречное понимание и интерпретация метафорического смысла достижимы в результате использования средств переводящего языка, наиболее адекватно репрезентирующих емкое смысловое содержание метафорического фрагмента исходного текста. Предпочтение отдано таким языковым средствам, в которых *«высвечиваются»* **нестабильные компоненты** в переводном метафорическом фрагменте. Именно такие составляющие начинают образовывать новую пульсирующую смысловую структуру-основу, в которой наличествуют ядерные и периферийные компоненты. При интерпретации и переводе метафоры иноязычного текста такого рода происходит синхронная **активация не только и не столько стабильных ее компонентов, сколько нестабильных, латентных/скрытых когнитивных признаков, признаков нетипичных, но существующих, а потому вероятностных**. Именно этим и аргументируется важность и обращенность исследования к выявлению соотношения стабильного и нестабильного в когнитивной метафорической модели в теоретической главе нашей диссертации. В концептуальной системе переводчика активизируются *вероятностные структурные связи между совокупностью всех компонентов метафорического контекста*, предложенного для перевода. Тогда переводной метафорический контекст, оптимальный в смысловом отношении исходному, воссоздает максимально точно все (стабильные и нестабильные) структурно-смысловые связи, отношения, акцентируемые

между компонентами текста оригинала. Именно такой перевод эксплицирует наивысшую степень вхождения в авторскую модель познания фрагмента реальности, максимально приближенного к авторскому фрагменту картины мира, его компрессии смысла. В свою очередь, переводной метафорический контекст начинает существовать как нестабильная, встречно порожденная смысловая компрессированная цельность, в которой стабильным компонентом становится внешняя форма (вещественная оболочка) представления мыслительного содержания, задающая читателю переводного текста направление пути эволюции авторского смысла исходного текста. В этом случае компетентный перевод не осознается и не опознается читателем в качестве вторичного/инокультурного.

Таким образом, наиболее частотными участниками эксперимента адекватно воссоздают авторский смысл метафорического фрагмента текста языковыми средствами языка перевода. Следовательно, **большинством реципиентов смысловая доминанта большинства метафорических контекстов *понята и переведена адекватно***. Адекватное восприятие и интерпретация метафоры как компрессированного компонента перевода художественного текста большинством испытуемых **доказывает ее способность *регулировать* протекание синергетических процессов в концептуальной системе реципиента, *ограничивая* множественность путей их развертывания и *обуславливая* тем самым адекватность перевода**. Результаты первого этапа эксперимента аргументированно доказывают, что метафора как вербальная/материальная репрезентация специфической познавательной структуры, метафора как авербально-вербальная компрессия является средством, способствующим и благоприятствующим осуществлению успешного «диалога сознаний» реципиента-переводчика и автора.

Адекватность перевода иноязычного метафорического фрагмента текста достигается при сохранении и воссоздании специфики авторской компрессии в одних случаях тогда, когда переводчик отдал предпочтение устоявшемуся, а потому стабильному значению лексемы метафорического комплекса, а в других – стабильное значение не способно воссоздать исходную смысловую метафориче-

скую компрессию, а потому требует нахождения языковых средств, в которых преобладают нестабильные компоненты в метафорическом фрагменте. Прокомментируем такую двойственность. При переводе некоторых метафорических фрагментов реципиенты сохраняли стабильное значение лексем, входящих в метафорический комплекс. Такие переводы, как мы указывали выше, адекватно репрезентируют авторский смысл (например, ... вечер вторгается). В случаях с другими метафорическими комплексами, как мы отмечали, стабильное значение языковой единицы/единиц не способно адекватно представить авторский смысл, вербализованный метафорой, а следовательно, требует метафорической формы его репрезентации в переводных версиях (например, ... легкий водоворот мыслей). Считаем, что в тех и других случаях метафора предстает как *функциональная система*, сущностными характеристиками которой являются **динамизм и открытость**. Поскольку мы придерживаемся синергетического подхода в исследовании метафоры, то такую двойственность при переводе попытаемся объяснить исходя из положений лингвосинергетики. Мы рассматриваем метафорический контекст как нестабильно-равновесную организацию текста оригинала, в процесс его «самоорганизации включаются диссипативные системы, находящиеся в состоянии неустойчивого равновесия, в которых на определенных этапах эволюции **стабильные элементы могут нестабильно преобладать, не исключая при этом открытость системы** как свойство ее включать в самое себя все новые и новые случайные элементы и порождать на основе такого включения процессы самоорганизации» [Пищальникова, Герман, 2000, с. 12] (выделено мной. – Э.Г.). Таким образом, метафора находится в состоянии относительной устойчивости в тексте оригинала. В определенных случаях ее осмысления **устоявшееся значение** как стабильный элемент системы **начинает нестабильно преобладать**, при этом оно способно не только воспроизвести образ восприятия действительности, задаваемый текстом оригинала, но и, что значительно, **породить направление векторов ассоциативных цепочек, ведущих к адекватному пониманию авторского смысла**. Стабильное в значении не

исключает открытости системы смыслов метафорического контекста, напротив, оно предполагает включение новых смыслов, представленных гетерогенными (лексическими, грамматическими, фонетическими) компонентами текста, запускающими процессы самоорганизации, направленные на адекватное понимание метафорического смысла автора. Итак, стабильный компонент системы способен породить вероятность и случайность развития смыслопроизводства. А если это так, то стабильный компонент значения способен становиться нестабильным/метафоричным, т.е. какой-то признак/компонент системного значения сохраняется как стабильный, а сама структура значения начинает эволюционировать, самоорганизуясь, приобретать метафоричность. Стабильное способно *запустить процесс создания, организации метафорического пространства смысла открытого типа*, т.е. ему под силу создать, представить, репрезентировать нетрадиционность авторского мышления. Стабильное обретает способность *включения* в себя нового, неустоявшегося, нестабильного содержания, что приводит к установлению ранее не созданных или не осознаваемых связей, сцепок между словарно-закрепленными значениями лексем, составляющих метафорические фрагменты. Метафора как способ реализации универсального ментального механизма компрессирования смысла способна породить смысловую емкость, соединять ранее номинированное, создавая при этом *качественно новое смысловое образование*.

В других случаях устоявшееся, словарно-закрепленное значение лексемы/лексем является стабилизирующим началом поиска метафорического значения, авторского смысла. Тогда нормированное, известное реципиенту значение слова иностранного языка **запускает процесс самоорганизации** в его концептуальной системе, **создавая функциональные отношения**. *Стереотипное, устоявшееся значение лексемы и его функционирование в среде обитания (тексте или концептуальной системе реципиента) представляют динамическое со-действие*, такой **синкретичный процесс**, который направлен на адекватное понимание и представление авторского личностного смысла на языке перевода.

Таким образом, авторский смысл, вербализованный метафорически, представляет собой **целое**, в которое входят стабильное значение конвенционального знака как устоявшегося знания и содержание, выявляемое в ходе создания функционально-гибких отношений между концептами в концептуальной системе реципиента, т.е. метафорическое значение. Тогда налицо реализация одного из основных положений синергетики, согласно которому она «открывает новые принципы суперпозиции, сборки сложного эволюционного целого из частей, построение сложных развивающихся структур из простых. **Объединение структур не сводится к их простому сложению ... Целое не равно сумме частей.** Вообще говоря, оно не больше и не меньше суммы частей, **оно качественно иное**» [Князева, Курдюмов, 1992, с. 5] (выделено мной. – Э.Г.). Полагаем, что **стабильное значение и новое, нестабильное, точнее стабильно-нестабильное, метафорическое значение функционируют в единой системе**, суть которой заключается в реконструкции авторского метафорического смысла, во встречном порождении высказывания, адекватного исходному, во встречном речесмыслопорождении. В этом и заключается сущность механизма компрессии, составляющего основу структуры синкретичной, компрессированной когнитивной модели – метафоры. Идет лабильный/гибкий процесс компрессирования смысла путем «сворачивания» отношений между стабильным и нестабильным. **Нестабильные, периферийные компоненты в структуре значения со стабильным центром, ядром начинают «высвечиваться»** для реципиента-переводчика в процессе интерпретации метафорического содержания. Маргинальные нестабильные компоненты метафоры становятся центральными. Именно благодаря этому осуществляется адекватный встречный компрессированный процесс смыслопроизводства, встречная метафоризация.

Метафора, являясь доминантой метафорического контекста, порождает *функциональную систему смысла открытого типа*. Смысловая доминанта текста акцентируется также и другими компонентами текста, в частности, грамматическими, лексическими, фонетическими, что приводит к возникновению синергети-

ческой системы, где все компоненты текста работают на представление авторского смысла, который адекватно понимается большинством респондентов.

2. Замена авторского смысла собственными интерпретациями испытуемых (как проявление так называемого вольного перевода), или стратегия замены авторского смысла личными ассоциациями и представлениями, выбранная некоторыми респондентами, свидетельствует о том, что в конфигурации смыслов, представленной в тексте оригинала, «сохраняется некоторая *неопределенность* системы, принципиально допускающая *вероятность* и *случайность* развития системы» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 36]. Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов пишут: «Нелинейная ситуация, ситуация бифуркации путей эволюции или состояние неустойчивости нелинейной среды, чувствительности ее к малым воздействиям, связана с *неопределенностью* и *возможностью выбора*. Осуществляя выбор дальнейшего пути, субъект ориентируется на один из собственных, определяемых *внутренними свойствами* среды путей эволюции и вместе с тем на свои ценностные предпочтения. Он выбирает наиболее благоприятный для себя путь, который в то же время является одним из реализуемых в данной среде» [Князева, Курдюмов, 1997, с. 70] (курсив мой. – Э.Г.). Мы позволили себе такую обширную цитату, так как для нашего исследования принципиальны следующие моменты. Метафора, являясь элементом неопределенности, вызывает состояние неустойчивости нелинейной среды (концептуальной системы реципиента), предполагает **возможность** выбора путей ее интерпретации, первоначально порождая момент неопределенности. Стратегия замены авторского смысла личными ассоциациями и представлениями как раз и демонстрирует реализацию данного постулата синергетики. Реципиент-переводчик выбирает свой собственный путь понимания поступающей в виде метафоры информации, строит собственную интерпретационную схему вхождения в авторскую модель познания действительности. Осуществляя выбор способа интерпретации сообщения, переводчик опирается в первую очередь на то, что значимо для него, а потому переживаемо. Данная стратегия понимания демонстрирует как раз то, что

внутренние свойства когнитивной среды переводчика превалируют над внешним воздействием – метафорой текста оригинала. Выбранная стратегия понимания является наиболее благоприятной для реципиента, однако мотив деятельности реципиента не нацелен на понимание чужого осознания фрагмента реальности, на реконструкцию и репрезентацию авторского смысла, заключенного в метафорическом контексте.

Полагаем, что стратегия замены авторского смысла личными ассоциациями и представлениями неприемлема для *адекватной* передачи доминантного личностного смысла автора текста оригинала на языке перевода, поскольку в ней *нарушено исходное соотношение стабильного и нестабильного в метафорическом комплексе в пользу последнего*. Такого рода замены ведут к смысловому искажению метафорического контекста, а потому такой перевод является неэквивалентным. По сути, та *уникальная авторская компрессия смысла, воплощенная в метафоре, не воссоздается при этой стратегии перевода*, переводчик предлагает взамен авторского метафорического смысла, представленного в знаках языка, видение того, что важно для его концептуальной системы, а не для автора, авторской картины мира. Если претендовать на адекватность перевода оригинальной метафоры, то тогда и нужно воссоздать компрессию метафорического смысла, ту емкость, полноту, воплощенную и сконцентрированную в метафоре как оптимальной репрезентации метафорической когниции автора, того сугубо личностного, а потому уникального, единения образов восприятия окружающей действительности, значимого *для автора*.

Однако исследователь может зафиксировать и оценить качество перевода, но не повлиять на него. **Успех переводческой деятельности определяется прежде всего достижением внутренней удовлетворенности переводящего.** Какой бы неадекватной ни казалась версия перевода со стороны, она, компрессируясь, «встроилась» в концептуальную систему реципиента-переводчика в зависимости от того, что значимо для него, и уже этот факт является показательным.

3. Клишированные средства языка, используемые некоторыми информантами в переводных версиях для передачи метафорического фрагмента текста на языке перевода, как проявление дословного перевода не способны адекватно передать авторский неконвенциональный, индивидуальный способ познания фрагмента реальности. Метафора, как аргументировалось выше, – это прежде всего сугубо личностный, а потому уникальный способ моделирования окружающей действительности, требующий, соответственно, *неклишированных* способов его передачи в переводном варианте. В результате такой стратегии перевода передается не специфика авторского мышления, его метафоричность, уникальная интегральная компрессируемость нестабильно-стабильного, а стереотипное содержание, конвенциональное знание конвенциональными/стабильными же, в том числе и клишированными, средствами языка перевода.

Некоторые респонденты переводят метафорические фрагменты, используя сравнение как одно из проявлений стратегии понимания, условно обозначенной как стратегия буквального тождества наглядно изображаемому. Процесс понимания осуществлен этими респондентами, и это очень важно. Однако такой перевод, как и в вышеописанном случае, эксплицирует и то, что *для этих испытуемых важным в смысловом отношении оказался стабильный компонент метафоры*. Такого рода замены являются, на наш взгляд, ошибками переводчика-профессионала, поскольку, во-первых, сравнение предполагает *соположение* двух познавательных моделей, а метафора – *наложение, соединение, слияние, компрессию* когнитивных моделей на основе актуального для ее продуцента интегративного признака. Метафора – это *синкретичная когнитивная модель*, нерасторжимое *гибкое единство* стабильного и нестабильного, **в сравнении же изменено соотношение нестабильных и стабильных компонентов с преобладанием последних**. Уникальная сцепка разрозненных, на поверхностный взгляд, образов восприятия, синкретичность образа, *специфика метафорической когниции может быть адекватно вербализована лишь метафорически*. Во-вторых, специфика метафоры заключается в том, что она «задает **возможную**

совокупность путей развития смысловой неустойчивой системы ... до заданных структурой аналогии *возможных* аттракторов» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 61] (выделено мной. – Э.Г.). Мы считаем метафору сложной динамической системой, для которой «существует несколько **альтернативных** путей развития» [Князева, Курдюмов, 1992, с. 5] (выделено мной. – Э.Г.). Сравнение же, напротив, предполагает более однозначное толкование смысла, жесткую предопределенность пути его развития. Процессуальность, становление синкретичного образа, достигаемое благодаря метафоре и только «в ней», нарушается в переводных вариантах, предпочтение в которых отдано сравнительным конструкциям. В силу вышеизложенных аргументов считаем неадекватным перевод метафоры текста оригинала сравнением на язык перевода, поскольку происходит нарушение специфики авторского мировосприятия, его индивидуально-личностного способа концептуализации действительности. Для профессиональной переводной версии важно **сохранение инвариантности когнитивной метафорической структуры**, *поскольку читатель переводного варианта через качественный перевод метафорического фрагмента получает доступ к когниции автора оригинала, а не только переводчика. Благодаря высококачественному переводу читатель «входит» в исходный метафорический модельный мир художника слова.*

На основании трех установленных способов перевода метафорического текстового комплекса испытываемыми мы выделяем соответственно три **модели перевода**:

- 1) **адекватно воссоздающую** специфику метафорической когниции автора;
- 2) с доминантным **нестабильным** компонентом;
- 3) с доминантным **стабильным** компонентом.

В первой модели перевода *сохранено* исходное/инвариантное соотношение стабильно-нестабильного метафорического текстового комплекса и адекватно воссоздана уникальность специфики авторской компрессии смысла. Во второй модели перевода *нарушено* исходное соотношение стабильного и нестабильного

метафорического смысла с доминированием последнего. В третьей модели также *нарушено* такое соотношение, приоритет отдан стабильному компоненту метафорического комплекса при переводе. Таким образом, первая модель перевода в большей мере коррелирует с исходной, две последующие модифицируют авторскую метафорическую модель познания окружающей действительности, а потому не воссоздают всю исходную полноту, смысловую компрессию метафорической модели художника слова.

Как показал эксперимент, *наиболее предпочтительной* моделью перевода является *модель, при которой воссоздается инвариантная «дрейфующая» компрессия стабильного и нестабильного метафорического смысла*, синкретичная совокупность ментальных признаков. Это доказывает, что **метафора как авторская/исходная модель фрагмента познания мира инициирует порождение встречной/вторичной модели, инвариантной исходной.**

Отказ от перевода метафорических контекстов, представленных в анкете, является в большинстве случаев показателем того, что респонденты не обнаружили какой-либо интегративный признак, объединяющий гетерогенные языковые репрезентанты текста в единое смысловое целое. Концептуальная система, пришедшая в состояние неустойчивости вследствие энтропии смысла, не может выйти на авторский личностный смысл либо обнаружить какой бы то ни было. Поскольку в таком состоянии реципиенту некомфортно, «они сохраняют неравновесную устойчивость ... за счет вытеснения ее в сферу неосознаваемого, причем позже возможно включение этой информации в синергетическое движение» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 67]. Вероятно, не только недостаточное владение иностранным языком, невысокий уровень языковой компетенции, но и уровень общей компетенции, эрудированности этих респондентов не позволяет им внедриться в авторскую модель и осознать содержание метафорического компонента текста, выйти на метафорический смысл автора. Высокий уровень гибкой интеграции, требующийся для соединения компонентов метафоры в единое компрессируемое смысловое образование, пока не доступен этим

участникам эксперимента. В результате они не смогли подняться на качественно новый уровень познания фрагмента реальности, на иное мировосприятие познанного, в силу того что не сумели совершить распрямляющее понимание авторской метафоры. Отказ респондента интерпретировать информацию, а именно – метафору иноязычного художественного текста, в психологии называют *психологической защитой*, которая как раз и фиксирует негибкость, ригидность смысловых структур личности. Перевод метафоры, а следовательно, и порождение новой, хотя и вторичной, гибкой смысловой структуры, коррелирующей с исходной, требует прежде всего расширенного креативного/гибкого поля интерпретации переводчика, а также его глубокой, всесторонней эрудиции и высокой языковой компетенции.

Итак, степень понимания метафоры художественного текста, которая обуславливает выбор определенных способов перевода метафоры, а следовательно, предопределяет и выбор переводческих моделей, **овнешняет динамику** психологической напряженности в процессе интерпретации метафорического смысла, а также поиска адекватной языковой формы для материализации понятого исходного смысла метафорического компонента. Реципиент-переводчик в процессе перевода пребывает в проблемной/конфликтной ситуации, для выхода из которой он вынужден создавать новые адаптирующие смысловые структуры либо, для сохранения состояния относительной стабильности концептуальной системы, отказаться интерпретировать информацию, поступающую в виде метафоры иноязычного художественного текста, которая приносит энтропию смысла. Другими словами, переводчик вынужден осуществить новое смыслопостроение на базе исходного или совершить отказ от него, т.е. совершить квазипереход (переход от интерпретации к порождению компрессированного образования в последнем случае не происходит). Следовательно, построение реципиентом-переводчиком встречной смысловой структуры на базе исходной является конструктивным способом разрешения проблемной/конфликтной ситуации, интерпретации метафорического содержания фрагмента текста. Это

возможно именно в силу *гибкости, динамичности* когнитивной метафорической структуры, способности ее к трансформации, адаптации, которая вызвана к жизни мотивировочным компонентом переводческой деятельности, метафорой художественного текста как внешнего условия воздействия.

Рефлексия над выделенными способами перевода метафоры иноязычного художественного произведения, а также отказы от осуществления переводческой деятельности позволили **представить механизм адаптивной и защитной речемыследеятельности реципиента-переводчика**. Функция адаптации и смысловой регуляции, коррекции взаимоотношений, взаимопересечений концептуальных систем автора и реципиента-переводчика как раз и обуславливает *динамичность когнитивной метафорической структуры*. Более того, теоретическая и практическая обоснованность динамичности когнитивной метафорической структуры в нашем диссертационном исследовании **позволила раскрыть механизм адаптивной и защитной речемыследеятельности переводчика**.

3.5. Переводческие стратегии понимания метафорического текстового комплекса оригинала

Экспериментально доказано, что понимание метафоры художественного текста осуществляется таким же образом, как и понимание любого другого текста.

О.А. Староселец, исследуя метафору, выделяет следующие стратегии понимания:

- стратегия смыслового тождества наглядно изображаемому;
- стратегия эмоционального реагирования и/или выявления эмоциональной доминанты;
- стратегия замены авторского смысла личными представлениями и ассоциациями;

- стратегия встречной метафоризации и стратегия выявления авторского смысла [Староселец, 1997].

Проанализировав выполненные задания анкеты первого этапа эксперимента, мы обнаружили, что значительное количество респондентов при переводе использует для понимания *не одну, а несколько вышеперечисленных стратегий*. Наиболее частотно участники эксперимента **сочетают** две стратегии понимания, такие как *стратегия адекватного выявления авторского смысла/встречной метафоризации и стратегия эмоционального реагирования*. Этот факт, как нам представляется, объясняется тем, что метафора как компрессированный компонент **не содержит в себе возможности для разворачивания этой компрессированности**. Выбор переводческих стратегий предопределяется концептуальной системой переводчика, тем, что он видит, замечает в тексте *в зависимости от того, что значимо для него*.

Мы уточнили результаты эксперимента, проведенного О.А. Староселец по метафорическому тексту на материале русскоязычных авторов, который аргументирует следующую расстановку стратегий понимания:

- место 1 – стратегия буквального тождества;
- место 2 – стратегия эмоционального реагирования;
- место 3 – стратегия «личные представления и ассоциации»;
- место 4 – стратегия встречной метафоризации и выявления авторского смысла.

Полагаем, что такая расстановка стратегий объясняется тем, что метафорические тексты, в основном отобранные из русскоязычной поэзии, предъявляются испытуемым – носителям русского языка. Именно в том, что русскоговорящим было предложено интерпретировать метафорический фрагмент поэтического текста на русском языке, видится объяснение того, что стратегия встречной метафоризации занимает последнюю позицию. Специфика *переводческой* деятельности заключается в том, что необходимое воссоздание в другой знаковой системе специфики метафорической когниции автора исходного текста **управля-**

ется языком перевода. Исходная компрессированная метафорическая модель познания фрагмента окружающей действительности **предопределяет** встречное компрессированное смыслопостроение, **адекватное исходному**.

Если сравнить полученные нами данные с результатами эксперимента О.А. Староселец, то можно увидеть *иное распределение предпочитаемых переводчиком стратегий*:

- место 1 – стратегия адекватного выявления авторского смысла/встречной метафоризации;
- место 2 – стратегия эмоционального реагирования;
- место 3 – стратегия замены авторского смысла личными ассоциациями и представлениями;
- место 4 – стратегия буквального тождества.

Следствием вышеизложенного является то, что наиболее предпочитаемая стратегия, используемая респондентами при переводе метафорического текста на английском языке, – это стратегия адекватного выявления авторского смысла/встречной метафоризации, а не стратегия буквального тождества, характерная для понимания русскоязычных поэтических метафорических текстов носителями русского языка. Компоненты метафоры организованы таким образом, что при попытке их понимания симметричные стереотипные компоненты (система стабильных значений слов) концептуальной системы как среды обитания приходят в противоречие, нарушая относительную стабильность последней. Метафора *дестабилизирует* концептуальную систему реципиента. Пытаясь избавиться от энтропии смысла и вновь обрести относительную устойчивость, т.е. достигнуть такого состояния, в котором человеку комфортно существовать, *концептуальная система реципиента для создания смысла ищет нестереотипный путь интеграции поступающей в виде метафорического текста информации*. На наш взгляд, это происходит потому, что **мотив деятельности переводчика смыслонаделен изначально**. Деятельность переводчика нацелена на поиск, установление и реконструкцию авторского смысла, в этом заключается

одна из ее специфических черт. А если это так, то *перевод – это соотношение и координация с помощью текста двух концептуальных систем – автора и переводчика*. Наивысшая степень адекватности перевода, а значит, его оптимальность, достигается тогда, когда в результате собственной рефлексии над структурно-смысловыми отношениями между компонентами текста, над интериоризованным нестереотипным знанием (когнитивной/познавательной структурой значения/метафоры – смысла) **переводчик репрезентирует встречно порожденное высказывание, адекватно передающее смысл исходного**. Так, деятельность переводчика рассматривается нами как функциональная система, стремящаяся к самосохранению, преодолению неопределенности привнесенной метафорой исходного текста. Для обретения вновь состояния относительной стабильности концептуальная система переводчика мобилизует силы, прибегает к «сочетанию сил» (термин А.А. Ухтомского), т.е. интеграции высшего порядка. Поясним эту мысль. С одной стороны, метафора требует интеллектуальных усилий, направленных на поиск нестереотипного пути интеграции поступающей в виде метафоры информации, стремясь найти сходные образы восприятия окружающей действительности и *точки их сопряжения/пересечения*. С другой стороны, «сочетание сил» означает то, что переводчик координирует мультидетерминированные структурно-смысловые отношения компонентов текста, выявляя их взаимодополняемость и взаимообусловленность.

Считаем, что оптимальность перевода достижима в том случае, если переводчик использовал три метода анализа переводимого текста: 1) компонентный анализ; 2) контекстуальный анализ; 3) концептуальный анализ языкового материала.

Безусловно, специфика переводческой деятельности как особого речемыслительного процесса не может не оказывать влияния на характер перевода метафоры как его компонента, уникальной характеристикой которого является компрессия смысла. *Метафора – смысловой информативно-инновативный/инновационный сгусток, в ограниченное знаками языка простран-*

ство которого в компрессированном виде «воплотилась» емкость континуальности смысла. Комбинация устойчивых языковых единиц репрезентирует **эмоционально значимую/нагруженную когнитивную/познавательную структуру нестереотипного порядка.** В этом и заключается *сущность метафорической компрессии, метафорической когниции.* Эмоциональная энергия языка и специфический способ познания, *эмоциональная энергичность и метафорическая когниция компрессируются в процессе метафоризации, метафора же – результат/вербальный репрезентант такой компрессии.* Таким образом, **метафора художественного текста – «дрейфующий» стабильно-нестабильный компрессированный смысловой комплекс.**

Мотив деятельности автора речевого произведения – сугубо личностное представление фрагмента понимания окружающей реальности, *репрезентация метафорической когниции* читателю. Мотив не осознается автором. Мотив деятельности переводчика – реконструкция авторского содержания, репрезентированного метафорой. Мотив осознается переводчиком. Мотив в том и другом случаях выражается эмоциями. Мотив и эмоция взаимосвязаны. А если это так, то: 1) в метафорической репрезентации смыслового содержания **наличествуют эмоции**, сопровождавшие/сопровождающие процесс метафорической когниции автора; 2) переводчик адекватно понимает текст **благодаря системе доминантных и производных эмоций**, представленной единицами языка (в этом сущность термина «эмоциональная энергия знака/энергичности»). В многогранный процесс переводческой деятельности, нацеленной на *распредмечивание* авторского смысла (термин Г.И. Богина), «в поисковую деятельность (переводчика) включаются только элементы, **взаимодействующие с эмоционально закрепленными**» (цит. по [Пищальникова, 1999, с. 67]) (выделено мной. – Э.Г.). *Восприятие эмоционального тона речевого произведения*, а значит, и его понимание *опережают переводческую рефлексию.* Можно предположить, что существует несколько стадий переводческой деятельности: 1) эмоционально адекватное восприятие текста как основа реализации понимания; 2) рефлексия

над прочитанным; 3) выбор оптимальной стратегии перевода; 4) собственно перевод как результат переводческой рефлексивной деятельности. Специфика перевода метафоры заключается в том, что выбор переводческой стратегии в этом случае обусловлен **степенью** вхождения в авторскую модель познания и **построением модели** в концептуальной системе переводчика, сопоставимой/коррелирующей с исходной.

Поскольку по результатам первого этапа эксперимента метафора исходного текста большинством респондентов в преобладающем количестве случаев не только понимается, но и переводится/интерпретируется адекватно, то логично предположить, что когнитивная структура метафоры *универсальна. Такая структура позволяет адекватно понимать фрагмент нестереотипного содержания мышления другого/чужого сознания.* Метафора – средство доступа к когниции носителя другого языка, но, **по сути, в метафоре (исходного и переводного текстов) пересекаются «чуждости» и осознается их схожесть/совместимость.** Следовательно, приоритетной стратегией перевода метафоры является стратегия встречной метафоризации или стратегия, способная оптимально в другой системе вербальных знаков репрезентировать специфику авторской метафорической когниции исходного языка, авторский смысл, сугубо личностный вначале, но становящийся доступным другому, чужому по мере вхождения в нее по интерпретационной схеме/стратегии понимания, построенной переводчиком.

Метафора – незаменимый инструмент для достижения взаимопонимания не только в ходе диалога культур, но и сознаний. Метафора выявляет схожесть сознаний носителей разных языков. Метафора, будучи гибким образованием, открывает реципиенту перспективные возможности подняться на качественно новый уровень осознания окружающего мира. Метафора инициирует предопределенный в ней путь ее адекватного осмысления.

В связи с этим закономерно вытекает необходимость проведения второго этапа эксперимента, который позволит максимально приблизиться к доказательству того, что *существуют сходные механизмы восприятия и порождения речи.*

3.6. Цель, задачи, материал исследования, характеристика испытуемых второго этапа эксперимента

Цель второго этапа эксперимента – установить, существуют ли сходные стратегии понимания метафоры как способа компрессии смыслов в исходном и переводном текстах. В случае достижения поставленной цели *становится возможным доказательство того, что метафора – универсальный когнитивный механизм, выявляющий сходные механизмы порождения и восприятия речи.* Достижение поставленной цели предусматривает решение следующих задач.

1. Выявить доминирующие стратегии понимания опубликованных переводных метафорических контекстов, которые предлагались для выполнения заданий реципиентам первого этапа эксперимента в аутентичном виде.

2. Сопоставить доминирующие стратегии понимания англоязычных метафорических контекстов, выявленных в ходе первого этапа эксперимента, с доминирующими стратегиями понимания опубликованных версий перевода этих же метафорических контекстов носителями русского языка, выявленных в ходе второго этапа эксперимента.

3. Установить, являются ли стратегии понимания оригинального метафорического контекста сходными со стратегиями понимания реципиентами, воспринимающими переводной метафорический контекст.

На втором этапе эксперимента группе испытуемых, не участвовавших в первом этапе эксперимента, была предложена анкета с опубликованными на русском языке переводами отрывков англоязычных произведений. В анкете реципиентам предлагалось: а) отметить подчеркиванием в предложенном фрагменте текста наиболее значимые, содержательно «нагруженные» сло-

ва/словосочетания; б) подчеркнуть двумя чертами во фрагменте текста метафорические слова/словосочетания; в) отметить знаком * наиболее эмоционально значимые слова/словосочетания из подчеркнутых и отмеченных ранее.

Постановка таких заданий анкеты второго этапа эксперимента обусловлена прежде всего тем, что в случае если большинством респондентов переводная метафора отмечена как таковая и как эмоционально значимый компонент текста, то это доказывает способность исходной метафорической компрессированной структуры порождать встречную/вторичную компрессию, инвариантную первичной, которая адекватно воспринимается реципиентом переводного текста.

Описание материала исследования

В качестве материала второго этапа эксперимента были выбраны опубликованные переводы метафорических контекстов (30) из рассказов Джеймса Джойса «Эвелин», «Мертвые», «Сестры», а также из рассказов Рэя Брэдбери «И грянул гром», «Золотые яблоки солнца», «Конец начальной поры», «Запах сарсапарели» (см. приложение 2).

Общая характеристика испытуемых второго этапа эксперимента

Количество респондентов, выполнявших задания, – **183**. По социальному и возрастному составу информанты характеризуются относительной однородностью: это студенты педагогического факультета БГПУ, факультета филологии и журналистики АГУ, в возрасте от 17 до 22 лет, учителя русского языка и литературы, истории города Барнаула и Алтайского края. Предпочтение отдавалось лицам с достаточно высокой языковой компетенцией.

3.7. Выявление доминирующих стратегий восприятия переводного метафорического текстового комплекса и сопоставление стратегий понимания и восприятия метафоры по результатам первого и второго этапов эксперимента

В ходе сопоставительного анализа результатов двух этапов эксперимента было установлено, что большинство респондентов в исходных и переводных

текстах, во-первых, отметили метафору как таковую, во-вторых, посчитали ее наиболее эмоционально «нагруженным», эмоционально значимым компонентом метафорического контекста, предложенного для выполнения заданий. Это позволяет предположить, что метафора исходного и переводного текстов большинством информантов воспринимается как наиболее эмоциональный компонент текста, а также как нетрадиционный способ представления мысли, более того, по результатам эксперимента половиной респондентов метафорический компонент отмечен как наиболее содержательно важный, значимый для понимания авторского смысла целого метафорического контекста. Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что две первые ведущие стратегии понимания метафорического фрагмента/смысла, а именно *стратегия встречной метафоризации и стратегия эмоционального реагирования, совпадают*. Это позволяет сделать важный вывод о том, что **метафора – универсальный когнитивный механизм**. Знаковая комбинация (метафора) *репрезентирует, моделирует универсальный ментальный механизм компрессии смысла*. Метафора, означивая сугубо индивидуальный авторский способ познания, позволяет адекватно понять содержание метафорического фрагмента текста реципиенту-переводчику, который в процессе переводческой деятельности способен породить встречную компрессию метафорического смысла. В свою очередь, читатель переводного текста, максимально точно передающего специфику мировидения автора текста оригинала, точнее, компрессию метафорической когниции автора, способен воспринять ее эмоциональную энергичность и обнаружить специфику/нетрадиционность авторского способа познания фрагмента окружающей действительности, т.е. также адекватно понять емкость смысловой метафорической компрессии.

В нашем исследовании экспериментально уточнено положение О.Д. Кузьменко-Наумовой о существовании сходного механизма порождения и восприятия речи: **сходный механизм встречного порождения и восприятия метафорического компонента имеет общую нейрофизиологическую основу,**

основу компрессирования установившихся связей. При осуществлении встречного порождения смысла, инвариантного исходному, т.е. компрессированному в метафоре первоначальному смыслу, в большинстве случаев идет сходный, вторичный компрессированный процесс речесмыслопроизводства (переводческий процесс). Стратегия встречной метафоризации и/или стратегия адекватного выявления авторского смысла демонстрируют принципиальную возможность порождения встречной компрессии смысла. *Адекватно обработав и интериоризовав информацию, поступившую в концептуальную систему реципиента-переводчика в виде метафорического фрагмента, этот новый, встречно порожденный концепт/смысл встраивается и хранится в новой среде обитания как относительно устойчивое образование, т.е. компрессируется.* В этом и проявляется деятельность универсального механизма смыслового компрессирования, одной из форм реализации которого является метафора художественного текста.

Более веская аргументация положения о том, что метафорическая компрессированная структура – форма/модель универсального механизма компрессирования смысла, достигается **при анализе результатов пилотажного эксперимента**, проведенного с носителями американского варианта английского языка (50). На этом этапе эксперимента участникам предлагались анкеты с аутентичными метафорическими контекстами (см. приложение 1) и заданиями, аналогичными первому этапу эксперимента. Предварительное диагностирование студенческой аудитории и преподавателей университета Северной Аризоны США также позволяет верифицировать выдвинутую нами гипотезу о том, что метафора является одной из форм реализации универсального ментального механизма компрессирования смысла, сущность которого заключается в способности «сворачивать» эмоциональную энергию языковых структур и структур ментальных в структуры метафорической когниции, а также положение о метафоре как вербальной компрессированной структуре, **на основе которой совершается понимание.** В перспективы работы входит детальная разработка и

проведение масштабного экспериментального исследования с носителями языка с высоким уровнем языковой и общей компетенции, а также с высоким уровнем эрудированности.

Выводы

В третьей главе нашего исследования экспериментально доказано, что когнитивная метафорическая модель – универсальное динамическое компрессированное образование, которое может рассматриваться в состоянии относительной стабильности при анализе.

Эксперимент показал, что метафора иноязычного художественного текста функционирует как динамичная когнитивная структура в концептуальной системе реципиента-переводчика.

Интеграция двух подходов при изучении метафорического текстового комплекса как целого, предпринятая в этой главе диссертационного исследования, оказалась продуктивной в выявлении реального функционирования этого феномена в концептуальной системе переводчика.

Результаты эксперимента подтверждают, что авторская метафорическая компрессия смысла не содержит в себе возможности для разворачивания ее в переводе. Именно в компрессированности метафоры отражена ее синергетическая природа. Специфика исходной метафорической когниции заключается в принципиальной раскрываемости смысла метафоры реципиентами разными путями.

Универсальность метафоры состоит в том, что ее стабильное «ядро» понимает большинство участников эксперимента, при этом выход на понимание совершается разными переводческими стратегиями.

В процессе перевода метафорического текстового комплекса актуализируются нестабильные, латентные, вероятностные связи между компонентами.

Метафорический контекст выявляет гомоморфизм всех уровней текста в процессе структурирования доминантного личностного смысла автора при переводе.

В переводческой деятельности метафора проявляет способность регулировать протекание синергетических процессов в концептуальной системе перево-

дчика, ограничивая множественность путей их порождения и обуславливая тем самым адекватность перевода.

Заключение

Исследование метафорической смысловой реальности, «овнешненной» в языке, требует применения комплексной исследовательской стратегии и разных взаимодополняющих подходов, обусловивших отбор методов исследования. Поэтому в работе была предпринята попытка синтезировать верифицированные данные нейрофизиологии о работе мозга, деятельностный подход, разработанный в психологии и психолингвистике, положения лингвосинергетики. Интегрированный подход предопределил выбор методов исследования – компонентный, контекстуальный, концептуальный анализ языкового материала.

Изучение метафорической компрессированной смысловой структуры проводилось в деятельностном аспекте. Предметом исследования выступали способы представления метафоры иноязычного художественного текста в тексте перевода. В рамках нашего диссертационного исследования предприняты *содержательное* объяснение и описание **метафорической компрессированной структуры как модели механизма смысловой компрессии**. Выделение и описание стабильных компонентов метафоры осуществлялись на материале русских и английских толковых словарей, нестабильные компоненты выявлялись при анализе опубликованных вариантов перевода и переводных версий испытуемых.

В процессе анализа функционирования метафоры в концептуальной системе реципиента, эксплицированного в переводных версиях, проявлялось свойство *динамичности* когнитивных структур. Это обусловлено, во-первых, метафорой как динамичным компонентом переводческой деятельности, во-вторых, мотивом переводческой деятельности – понять и реконструировать в вербальных знаках другого языка специфику авторского смысла, а значит, адаптировать когнитивные структуры.

Исследование метафоры как необходимой репрезентации метафорической когниции позволило сделать важный вывод о том, что метафорические структуры являются когнитивно-динамичными образованиями. Метафорическая компресси-

рованная структура способна эксплицировать динамику процессов встречного речесмыслопорождения.

Первоначальная неопределенность метафорического смысла, вызывая дестабилизацию концептуальной системы переводчика, «запускает» процессы самоорганизации, мобилизует гибкость когнитивных структур реципиента, благодаря которой становится возможным порождение встречного смысла, адекватного исходному, принципиально возможна встречная метафорическая компрессия. Наиболее частотные переводческие стратегии понимания, а именно стратегия встречной метафоризации/адекватного выявления авторского смысла и стратегия эмоционального реагирования, доказывают то, что исходная метафора как компрессированная смыслоемкая структура не содержит в себе возможности для ее разворачивания при переводе.

Перевод метафоры художественного текста, как показал анализ и эксперимент, основывается на отступлении от стереотипных путей, способных обнаружить лишь стабильные компоненты, при интерпретации этого компонента переводческой деятельности. Большинство испытуемых замечены нестереотипные, случайные компоненты в метафорическом текстовом комплексе, которые и обуславливают адекватность перевода. Именно нестабильное проявляет себя в метафоре-феномене (онтологии объекта) и впоследствии необходимо «высвечивается» в метафоре-конструкте. Исследователь может зафиксировать и оценить качество перевода, но не повлиять на него.

Деятельность переводчика мотивирована построением новой смысловой структуры в его концептуальной системе, коррелирующей с исходной, и ее экспликацией вербальными знаками языка перевода. Результаты эксперимента демонстрируют, что доминанта метафорического текстового комплекса понимается и адекватно передается на языке перевода большинством информантов. Смысловая доминанта, сконцентрированная в метафоре, акцентируется также и другими ядерно-периферийными компонентами смысла, что и позволяет реципиенту адекватно переводить текст.

На материале переводных текстов нами экспериментально проверено существование сходных механизмов восприятия и встречного порождения высказывания, основанных на единых для всего организма человека нейрофизиологических процессах, а именно на реализации одного из универсальных механизмов смыслового компрессирования – метафоры.

Резюмируя итоги представленной работы, следует акцентировать в очередной раз, что метафора – «дрейфующее» стабильно-нестабильное компрессированное функциональное синергетичное образование. Метафоризация – способ концептуализации мира. Континуальность мышления и дискретность как свойство языка уникальным образом совмещаются в метафоре. Метафора – «овнешнение» специфики метафорической когниции автора, а потому очевидна необходимость сохранения специфики авторского способа концептуализации фрагмента окружающей действительности в переводе. Однако нами выявлены случаи, когда в опубликованных версиях перевода переводчик-профессионал производит непропорциональную подмену метафоры текста оригинала сравнением.

В перспективе работы входит изучение такого рода ошибок переводчика-профессионала, а также некоторых других переводческих «произволов». Приведем пример подобных явлений в опубликованном переводном варианте, предложим собственную версию перевода, в которой сохранена инвариантность когнитивной структуры.

Метафорический контекст взят из короткого рассказа Ray Bradbury «A Scent of Sarsaparilla».

«And the dust of the attic was **incense burning and all of time burning**, and all you need do was peer into the flames» [Bradbury, 2000, p. 227].

«А чердачная пыль горела и курилась, как ладан, это горело Время – и оставалось лишь взглянуть в огонь» [Брэдбери, 1983, с. 266].

А чердачная пыль – легкий дымок ладана, горел ладан и Время – и оставалось лишь взглядываться в искры пламени.

Ладан имеет способность дымиться, куриться, тлеть. Таким образом автором акцентируются отсутствие динамичного развития, замедленность происходящего процесса. Процессуальность создается грамматическим временем глагола, стоящим в форме Past Continuous. Ладан на похоронах ставится в подсвечник и медленно курится. Введение этого образа (ладана) предопределяет, прогнозирует трагический финал событий: герой покончил жизнь самоубийством, выбросившись из чердачного окна. Чердачная пыль ассоциируется в этом метафорическом контексте с куреньем/гореньем ладана, а ладан, в свою очередь, со временем, с прожитыми годами. Зевгматическая конструкция паратаксического типа (*was incense burning and all of time burning*) эксплицирует именно такое метафорическое соединение, наличествующее в концептуальной системе продуцента. Пыль, скопившаяся с давних лет, связана с прошедшими годами, воспоминания о которых всплывают и вереницей тянутся в памяти героя. Эти воспоминания о прожитом и пережитом лично значимы для него. Герой не может смириться с тем, что прошлое не вернуть. Он чувствует себя комфортно только здесь, на чердаке, где каждая вещь вызывает ностальгию о безвозвратно ушедшем времени. Однако ему так же, как и нам, принадлежит роль пассивного наблюдателя происходящего процесса – круженья пыли на чердаке, легкого дымка ладана.

Огонь традиционно ассоциируется с согревающим теплом. Это позволяет выстроить ассоциативную цепочку: чердачная пыль – куренье/горенье ладана – горенье времени (ушедших лет) – искры пламени. Таким образом, эмоциональная доминанта контекста – ностальгия об ушедшем, отсутствие динамики.

Полагаем неправомерным перевод метафоры сравнением, поскольку синкретизм образа, создаваемый метафорой текста оригинала, разрушается в опубликованной переводной версии. Сравнивая чердачную пыль с процессом горения ладана, переводчик тем самым задает два образа (пыль – ладан), связанные между собой, *но не сливающиеся в единое*. Уникальность же метафоры состоит как раз в том, что она предполагает **единую структуру** обычно разрозненных понятий/отдельных образов восприятия окружающей реальности. Эта

уникальная сцепка, произошедшая и существующая в концептуальной системе автора, может быть адекватно репрезентирована вербально лишь метафорой. За представленной комбинацией языковых единиц (метафорой) стоит **специфически пережитый цельный образ фрагмента действительности**. Это не разрозненные образы, а **взаимодействие, синтез, нерасчлененное единство, бессознательное единение – компрессия**.

Видимо, существуют **глубинные архетипические структуры, единые для людей с высоким уровнем языковой компетенции, с высоким уровнем общей компетенции**, благодаря которым возможно адекватное понимание авторского фрагмента мира, представленного в тексте. Возможно, это коррелирует с понятием архетипа (паттерна коллективной мысли) К. Юнга. Такое предположение требует веской аргументации. Полагаем, что архетип может быть соотнесен с *мотивом* деятельности. Архетип является мотивационным компонентом деятельности, цель которой заключается в речесмыслопорождении. Если мотив и эмоция – вещи взаимосвязанные, то архетип изначально несет эмоциональный заряд. Архетип – это потенция, предопределенность человека к созданию/порождению/воспроизводству смысла. Вероятно, мотивом деятельности по созданию метафорического текста является *глубинный бессознательный архетип*.

Мы утверждаем, что автор именно так, метафорически, представляет свое понимание фрагмента мира не потому, что он намеренно задает такую корреляцию образов восприятия, а потому, что это соединение может быть представлено только метафорически. Именно так автор концептуализирует реальность.

Тождественно понять другого мы не в состоянии. Но приблизиться к его адекватному пониманию возможно лишь тогда, когда мы приближаемся к бессознательным структурам. **Все в концептуальной системе индивида увязано между собой (сознательно/неосознанно/бессознательно)** благодаря интегративной функции мышления/мозга, находящей свое воплощение в когнитивном механизме аналогии, который задает возможную корреляцию, отношение, связь между двумя и более образами.

Метафора – это прежде всего модель, собственная проекция окружающей действительности, приобретенная в индивидуальном опыте. Если она сформирована у реципиента, то он в состоянии понять смысл метафоры текста. И тогда из **отдельно воспринятых разнородных/гетерогенных языковых репрезентантов необходимо воссоздается тот слитный, компрессированный образ, который представлен в тексте оригинала с помощью метафоры**, но уже на базе концептуальной системы реципиента. На первый поверхностный взгляд может показаться, что языковые знаки лишь соположены, следуют друг за другом. На самом же деле **все они выступают в функциональной единой системе, назначение которой – речесмыслопорождение.**

Так, метафора – это способ познания и вербализация познанного. Думается, что метафора – одна из универсальных стратегий восприятия, обработки и хранения информации, поступающей извне. Следовательно, если детально изучить метафору в когнитивном ракурсе, то можно приблизиться к пониманию процессов мышления, поскольку изучить этот процесс представляется возможным, главным образом, через его вербальные репрезентанты, кроме этого, возможно приблизиться к созданию универсального образа мира через метафору как универсальный ментальный механизм. Именно поэтому представляется перспективным и дальнейшее изучение метафорического текстового комплекса через переводческую деятельность, поскольку в переводе смысловая эквивалентность достигается благодаря сохранению смысловой инвариантности, сохранению авторского личностного смысла. Именно **в процессе переводческой деятельности порождается функциональная система смысла.** Адекватность встречно порожденного высказывания (перевод) исходному тексту достигается вследствие *динамичного когерентного взаимодействия всех компонентов текста*, постигающегося в процессе рецепции и рефлексии над смыслом речевого произведения. Это не механическая сумма всех компонентов метафорического контекста, а *смысловая целостность, «целость», возникающая в ходе эволюции смысла.*

Метафора рассматривается нами как компрессированный смысловой сгусток авторского смысла метафорического контекста, наиболее неустойчивый компонент – параметр порядка, подчиняющий себе функционирование остальных элементов и всей системы становящегося смысла. Метафора определяет ход развития смысла. Будучи гибким, нежестким, открытым образованием, метафора открывает реципиенту перспективные возможности подняться на **качественно новый уровень** познания окружающего мира. Метафора предопределяет открытый диалог, активный поиск пути встречного порождения смысла, адекватного исходному.

Библиографический список

1. Аветян Э.Г. Смысл и значение. – Ереван, 1979. – 412 с.
2. Алексеев К.И. Эскиз теории метафоры // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 68–76.
3. Алексеев К.И. Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопр. психологии. – 1996. – №2. – С. 73–85.
4. Алпатов В.М. Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходе к языку // Вопр. языкознания. – 1993. – №3. – С. 15–26.
5. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. – М., 1968. – 547 с.
6. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. – М., 1975. – 447 с.
7. Анохин П.К. Системные механизмы высшей нервной деятельности. – М., 1979. – 454 с.
8. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. – М., 1980. – 197 с.
9. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. – М., 1978. – 400 с.
10. Аристов С.А., Сусов И.П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс // Лингвистический вестник. – Вып. 12. – Ижевск, 1999. – С. 14–24.
11. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: В 4 т. – М., 1984. – Т. 4. – 830 с.
12. Аристотель. Риторика; Поэтика. – М., 2000. – 221 с.
13. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сб. пер. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 5–32.
14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – 895 с.

15. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Синергетическое движение в языке // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. – М., 1994. – С. 32–47.
16. Асмолов А.Г. Основные принципы психологической теории деятельности // А.Н. Леонтьев и современная психология: Сб. ст. / Под ред. А.В. Запорожца. – М., 1983. – С. 118–128.
17. Базылев В.Н. Семиодинамика русской народной сказки // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. ст. / Под общ. ред. Л.М. Босовой. – Барнаул, 2000. – С. 24–32.
18. Базылев В.Н. Синергетика языка: овнешнение в гадательных практиках. – М., 1998. – 180 с.
19. Балаш М.А. Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания (экспериментальное исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999. – 20 с.
20. Баранов А.Н. Когнитивный компонент высказывания как текста // Актуализация лингвистических единиц разного уровня. – Краснодар, 1985. – С. 21–28.
21. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – №1. – С. 11–21.
22. Бехтерева Н.П. Здоровый и больной мозг человека. – Л., 1988. – 262 с.
23. Бехтерева Н.П. Мозговые коды психической деятельности. – Л., 1977. – 65 с.
24. Бехтерева Н.П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. – М., 1974. – 151 с.
25. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сб. пер. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 153–172.
26. Богин Г.И. Значащее переживание как необходимая часть системы смыслов // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы-

- семинара 2 июля 2001 г. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2001. – С. 5–22.
27. Богин Г.И. Субстанциональная сторона понимания текста. – Тверь, 1993. – 137 с.
28. Богин Г.И. Схемы действий читателя при понимании текста. – Калинин, 1989. – 69 с.
29. Богин Г.И. Типология понимания текста // Психолингвистика: Хрестоматия / Сост. В.А. Пищальникова, И.А. Герман, Т.А. Голикова, Е.В. Лукашевич, Е.В. Нагайцева. – М.; Барнаул, 2002. – С. 29–74.
30. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. – Калинин, 1982. – 86 с.
31. Богин Г.И. Школа рефлексии и рефлексивности // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. ст. / Под общ. ред. Л.М. Босовой. – Барнаул, 2000. – С. 41–51.
32. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978. – 175 с.
33. Босова Л.М. Перевод как вид деятельности межкультурного общения // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. Вып. II. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2000. – С. 9–13.
34. Брудный А.А. Понимание как философская и психологическая проблема // Вопр. философии. – 1975. – №10. – С. 109–117.
35. Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2001. – 39 с.
36. Вартофский М. Модели. Репрезентации и научное понимание. – М., 1988. – 507 с.
37. Васильев Л.Г. Рефлексия, понимание, фреймы // Понимание и интерпретация текста. – Тверь, 1994. – С. 66–72.
38. Васильев Л.М. Методы современной лингвистики: Учеб. пособие. – Уфа, 1997. – 180 с.

39. Васильев С.В. Синтез смысла при создании и понимании текста. – Киев, 1988. – 237 с.
40. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997. – 411 с.
41. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. – М., 1982. – 336 с.
42. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М., 1990. – 285 с.
43. Вилюнас В.К. Терия деятельности и проблемы мотивации // А.Н. Леонтьев и современная психология: Сб. ст. / Под ред. А.В. Запорожца. – М., 1983. – С. 191–200.
44. Володина М.Н. Основные направления когнитивной лингвистики в Германии // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. – 1994. – №6. – С. 9–14.
45. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. – М., 1956. – 519 с.
46. Выготский Л.С. Проблемы развития психики // Собр. соч.: В 6 т. – М., 1983. – Т. 3. – 368 с.
47. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М., 1960. – 500 с.
48. Вышкин Е.Г. Принципы метатеоретического описания и их приложение к интерпретации проблем современного языкознания. – Самара, 1998. – 28 с.
49. Гадамер Г.Г. Язык и понимание // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991. – С. 43–46.
50. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. – Барнаул, 1999. – 130 с.
51. Герман И.А. Метафоризация как лингвосинергетический процесс: соотношение стабильных и нестабильных компонентов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. Вып. II. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2000. – С. 33–35.
52. Горелов И.Н. Феномен порождения разнокодowego текста в экстримальной ситуации // Мышление и текст. – Иваново, 1993. – С. 28–51.

53. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 1997. – 221 с.
54. Гудмен Н. Метафора – работа по совместительству // Теория метафоры: Сб. пер. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 194–200.
55. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. – М., 1984. – 397 с.
56. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры: Пер. с нем. – М., 1985. – 451 с.
57. Гусев С.С. Наука и метафора. – Л., 1984. – 152 с.
58. Дейк ван Т.А., Кинч К. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 155–211.
59. Дейк ван Т.А. Язык. Понимание. Коммуникация. – М., 1989. – 312 с.
60. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. / Под ред. Ю.С. Степанова. – М., 1995. – С. 144–238.
61. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний: Сб. науч.-аналит. обзоров. / Ред. – сост. Л.Г. Лузина, Г.Д. Стрельцова. – М., 1992. – С. 39–78.
62. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. – 1994. – №4. – С. 17–33.
63. Депенчук Н.П. Симметрия и асимметрия в живой и неживой природе. – Киев, 1963. – 192 с.
64. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивная лингвистика. – М., 1988. – С. 153–211.
65. Дмитриева Н.Л. Конвенциональный стереотип как средство регуляции восприятия вербализованного содержания. Дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1996. – 145 с.

66. Доминанта и условный рефлекс: Материалы конф., янв. 1985 г. / Отв. ред. П.В. Симонов. – М., 1987. – 175 с.
67. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры: Сб. пер. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 173–193.
68. Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М., 1958. – 370 с.
69. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопр. языкознания. – 1964. – №6. – С. 26–38.
70. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982. – 159 с.
71. Жоль К.К. Мысль, слово, метафора: Проблемы семантики в философском освещении. – Киев, 1984. – 303 с.
72. Журавлев А.П. Звук и смысл. – М., 1991. – 155 с.
73. Журавлев А.П. Диалог с компьютером. – М., 1987. – 207 с.
74. Загадка человеческого понимания: Сб. ст. / Сост. В.П. Филатов. – М., 1991. – 352 с.
75. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М., 1999а. – 382 с.
76. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 35–54.
77. Залевская А.А. Информационный тезаурус человека как основа речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985. – С. 150–171.
78. Залевская А.А. Проблемы психолингвистики. – Калинин, 1983. – 135 с.
79. Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопр. языкознания. – 1999б. – №6. – С. 31–42.
80. Залевская А.А., Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: Учеб. пособие. – Тверь, 2002. – 194 с.
81. Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.В. Поляков. – Новосибирск, 1990. – 158 с.

82. Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник ОмГУ. Тематика литература. – 1999. – Вып. 1. – С. 74–79.
83. Ирисханова О.К. О теории концептуальной интеграции // Известия АН серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60.– №3. – С. 44–49.
84. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М., 1999. – 180 с.
85. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 263 с.
86. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры: Сб. пер. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 33–43.
87. Канцельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопр. языкознания. – 1984. – №4. – С. 3–12.
88. Кинцель А.В. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: Дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1998. – 177 с.
89. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. – Тверь, 1998. – 99 с.
90. Кнебель М.И., Лурия А.Р. Пути и средства кодирования смысла // Вопр. психологии. – 1971. – №4. – С. 77–83.
91. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопр. философии. – 1992. – №12. – С. 3–21.
92. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопр. философии. – 1997. – №3. – С. 62–79.
93. Когнитивная и компьютерная лингвистика. – Казань, 1994. – 108 с.
94. Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия / Сост. В.А. Пищальникова, Е.В. Лукашевич, А.Г. Сонин. – Барнаул, 2001. – 200 с.
95. Козлова Л.А. Проблемы функционального сближения частей речи в современном английском языке. – Барнаул, 1997. – 200 с.

96. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990. – 107 с.
97. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М., 2001. – 421 с.
98. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М., 1969. – 192 с.
99. Кравченко А.В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // Вопр. языкознания. – 1999. – №6. – С. 3–12.
100. Кравченко А.В. Куда идет современная лингвистика? // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. ст. / Под общ. ред. Л.М. Босовой. – Барнаул, 2000. – С. 90–96.
101. Кравченко А.В. Познание языка: направление пути // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. Вып. II. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2000. – С. 48–58.
102. Краев В.Л. Интеграционные уровни репрезентации как способ осуществления знаковых операций по смысловому восприятию речевого сообщения // Функционирование текста в речевой деятельности. – М., 1989. – С. 80–90.
103. Красильникова В.Г. Психолингвистический анализ семантических трансформаций при переводе и литературном пересказе художественного текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1998. – 24 с.
104. Кривоносов А.Т. Мышление без языка? // Вопр. языкознания. – 1992. – №2. – С. 69–83.
105. Крюкова Н.Ф. Аналогическая и символическая метафоризации // Лингво-синергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы-семинара 2 июля 2001 г. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2001. – С. 38–41.
106. Крюкова Н.Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действия при продукции и рецепции текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 29 с.
107. Крюкова Н.Ф. Метафорика и смысловая организация текста. – Тверь, 2000а. – 160 с.

108. Крюкова Н.Ф. Метафоричность как критерий менталитета различных групп людей // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. Вып. III. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2001. – С. 90–99.
109. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопр. языкознания. – 1994. – №4. – С. 34–47.
110. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986. – 158 с.
111. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте КОНТЕЙНЕРА и формах его объективации в языке) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58. – №6. – С. 4–39.
112. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М., 1981. – 200 с.
113. Кузьменко-Наумова О.Д. Смысловое восприятие знаковой информации в процессе чтения. – Куйбышев, 1980. – 78 с.
114. Кузьмина Н.А. Энергия интертекста // Русский язык в контексте культуры. – Екатеринбург, 1999. – С. 211–223.
115. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. – М., 1981. – С. 350–368.
116. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 12–51.
117. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сб. пер. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 387–415.
118. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997. – 287 с.
119. Леонтьев А.А. Язык. Речь. Речевая деятельность. – М., 1969. – 214 с.
120. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1977. – 304 с.
121. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1981. – 584 с.

122. Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы первой школы-семинара 1–2 июля 2000 г. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2000. – 127 с.
123. Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы-семинара 2 июля 2001 г. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2001. – 136 с.
124. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1999. – 447 с.
125. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. – Барнаул, 2002. – 234 с.
126. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1979. – 319 с.
127. Маганов А.С. Переводческая интуиция и способы ее развития // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – №2. – С. 107–111.
128. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры: Сб. пер. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 358–386.
129. Марутаев М.А. Гармония как закономерность природы // Шевелев И.Ш., Шмелев И.П., Марутаев М.А. Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. – М., 1990. – С. 130–233.
130. Метафора в языке и тексте: Сб. ст. / Отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1988. – 176 с.
131. Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. ст. / Под общ. ред. Л.М. Босовой. – Барнаул, 2000. – 157 с.
132. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М., 1996. – 208 с.
133. Молчанова Г.Г. Когнитивная стилистика и стилистическая типология // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – №3. – С. 60–71.

134. Молчанова Г.Г. Некоторые языковые механизмы вариативной интерпретации действительности // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – №2. – С. 7–12.
135. Мохамед Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2000. – 40 с.
136. Мустафинова Э.Р. Аббревиация в русском языке: когнитивный аспект. Дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2001. – 150 с.
137. Мягкова Е.Ю. Проблемы исследования метафоры // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 123–128.
138. Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. – М., 1981. – 230 с.
139. Нестерова Н.М. Текст перевода – текст вторичный? (к постановке и обоснованию проблемы) // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001: Сб. ст. / Отв. ред. А.И. Новиков. – М., 2001. – С. 133–144.
140. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации: Пер. с англ. – М., – 512 с.
141. Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху: Пер. с нем. – М., 1994. – 416 с.
142. Нишанов В.К. Феномен понимания: когнитивный анализ. – Фрунзе, 1990. – 227 с.
143. Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001: Сб. ст. / Отв. ред. А.И. Новиков. – М., 2001. – С. 155–180.
144. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: Пер. с англ. – М., 1988. – 315 с.
145. Опарина Е.О. Исследование метафоры в последней трети XX в. // Лингвистические исследования в XX в.: Сб. обзоров. – М., 2000. – С. 186–204.

146. Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М., 1983. – 288 с.
147. Паршин П.Б. Теретические перевороты и методологический мятеж // Вопр. языкознания. – 1996. – №2. – С. 19–42.
148. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопр. языкознания. – 1990. – №3. – С. 135–146.
149. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ художественного текста: Учеб. пособие. – Барнаул, 1991. – 87 с.
150. Пищальникова В.А. Общее языкознание: Учеб. пособие. – Барнаул, 2001. – 240 с.
151. Пищальникова В.А. Психопэтика. – Барнаул, 1999. – 175 с.
152. Пищальникова В.А. Теория значения: синергетический аспект // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы-семинара 2 июля 2001 г. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2001а. – С. 71–84.
153. Пищальникова В.А. Языковая игра как лингвосинергетическое явление // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. Вып. II. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2000. – С. 105–116.
154. Пищальникова В.А., Герман И.А. Лингвосинергетика: тенденции развития // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы первой школы-семинара 1–2 июля 2000 г. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2000. – С. 5–33.
155. Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопэтику. – Барнаул, 1993. – 209 с.
156. Потебня А.А. Мысль и язык. – М., 1999. – 269 с.
157. Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989. – 623 с.
158. Потебня А.А. Слово и миф в народной культуре. – М., 2000. – 480 с.
159. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М., 1990. – 344 с.
160. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – 614 с.

161. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. – М., 1986. – 431 с.
162. Психолингвистика: Хрестоматия / Сост. В.А. Пищальникова, И.А. Герман, Т.А. Голикова, Е.В. Лукашевич, Е.В. Нагайцева – Москва; Барнаул, 2002. – 293 с.
163. Пшёнкина Т.Г. Основания переводческой ориентации при переводе культурно-специфического // Реальность, язык и сознание: Международный межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. / Отв. ред. Т.А. Фесенко. – Тамбов, 2002. – С. 165–172.
164. Пшёнкина Т.Г. Становление общей теории перевода: общелингвистический аспект // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. – 2001. – №1. – С. 22–29.
165. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М., 2000. – 416 с.
166. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры: Сб. пер. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 416–434.
167. Ричардс А. Философия Риторике // Теория метафоры: Сб. пер. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 44–67.
168. Рябцева Н.К. Лингвистическое моделирование естественного интеллекта и представление знаний // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001: Сб. ст. / Отв. ред. А.И. Новиков. – М., 2001. – С. 228–252.
169. Седов А.Е. Иерархические концепции и междисциплинарные связи генетики, запечатленные в ее метафорах: количественный и структурный анализ терминов и высказываний // Наукоедение. – 2001. – №1. – С. 135–154.
170. Солсо Р. Когнитивная психология: Пер. с англ. – М., 1996. – 598 с.

171. Сорокин Ю.А. Переводоведческий Триптих // *Scripta linguisticae applicatae*. Проблемы прикладной лингвистики – 2001: Сб. ст. / Отв. ред. А.И. Новиков. – М., 2001. – С. 261–275.
172. Староселец О.А. Экспериментальное исследование понимания метафоры текста: Дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1997. – 264 с.
173. Суровцев В.А., Сыров В.Н. Языковая игра и роль метафоры в научном познании // *Философия науки*. – 1999. – №1 (5). – С. 20–30.
174. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // *Метафора в языке и тексте: Сб. ст. / Отв. ред. В.Н. Телия*. – М., 1988. – С. 26–51.
175. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка: Статьи. – М., 1965. – 301 с.
176. Теория метафоры: Сб. пер. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990. – 512 с.
177. Ухтомский А.А. Доминанта. – М.; Л., 1966. – 273 с.
178. Ухтомский А.А. Избранные труды. – Л., 1978. – 358 с.
179. Фесенко Т.А. Принципы когнитивной транслятологии // *Реальность, язык и сознание: Международный межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. / Отв. ред. Т.А. Фесенко*. – Тамбов, 2002. – С. 15–28.
180. Филлмор И. Фреймы и семантика понимания // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка*. – М., 1988. – С. 52–92.
181. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам: Пер. с англ. – М., 1991. – 240 с.
182. Хакен Г. Принципы работы головного мозга: синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности: Пер. с нем. – М., 2001. – 351 с.
183. Хакен Г. Синергетика: Пер. с англ. – М., 1980. – 404 с.
184. Чейф У.Л. Значение и структура языка: Пер. с англ. – М., 1975. – 432 с.
185. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // *Вопр. языкознания*. – 1996. – №2. – С. 68–78.

186. Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. – 1995. – №4. – С. 73–83.
187. Чуприкова Н.И. Принципы дифференциации когнитивных структур в умственном развитии, обучение и интеллект // Вопр. психологии. – 1990. – №5. – С. 31–39.
188. Шадрина И.Н. Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент текста перевода: Дис. ... канд. филол. наук. – Горно-Алтайск, 2001. – 167 с.
189. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М., 1973. – 280 с.
190. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М., 1988. – 215 с.
191. Шитикова Е.В. Процесс формирования метафорического значения: когнитивный аспект. Дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2002. – 177 с.
192. Шкуропацкая М.Г. Категоризация и фреймовая семантика в словообразовании // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. Вып. II. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2000. – С. 135–139.
193. Шрагина Л.И. Конструирование метафор в контексте психологии способностей // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – №1. – С. 78–85.
194. Cienki A. Metaphors and cultural models as profiles and bases // Metaphor in Cognitive Linguistics. – Amsterdam/Philadelphia, 1997. – P. 189–203.
195. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Projection and Middle Spaces. – San Diego, 1994. // <http://cogsci.ucsd.edu>
196. Grady J. A typology of motivation for conceptual metaphor // Metaphor in Cognitive Linguistics. – Amsterdam/Philadelphia, 1997. – P. 79–100.
197. Grady J., Oakley T., Coulson S. Blending and Metaphor // Metaphor in Cognitive Linguistics. – Amsterdam/Philadelphia, 1997. – P. 101–124.
198. Jackendoff R. Semantics and Cognition. – Cambridge, Mass., 1983. – 283 p.

199. Jakel O. Some forgotten contributions to the cognitive theory of metaphor // *Metaphor in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam/Philadelphia, 1997. – P. 9–27.
200. Jonson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason*. – Chicago, 1987. – 277 p.
201. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago, 1980. – 242 p.
202. Lakoff G., Johnson M. Why cognitive linguistics requires embodied realism // *Cognitive Linguistics*. – 2002. – Vol. 13. – №3. – P. 245–263.
203. Lakoff G., Turner M. *More than Cool Reason: A Field guide to Poetic Metaphor*. – Chicago, 1989. – 230 p.
204. Langacker R. W. A view from cognitive linguistics // *Behavioral & Brain Sciences*. – 1999. – Vol. 22. – №4. – P. 625–626.
205. Langacker R. W. Discourse in Cognitive Grammar // *Cognitive Linguistics*. – 2001. – Vol. 12. – №2. – P. 143–188.
206. Nash W. *Our Experience of Language*. – New York, 1971. – 222 p.
207. Steen G. From linguistic to conceptual metaphor in five steps // *Metaphor in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam/Philadelphia, 1997. – P. 57–77.
208. Steen G., Gibbs R., JR. Introduction // *Metaphor in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam/Philadelphia, 1997. – P. 1–8.
209. Turner M. *Death is the mother of Beauty: Mind, Metaphor, Criticism*. – Chicago, 1987. – 208 p.
210. Turner M., Fauconnier G. A mechanism of creativity // *Poetics Today* – 1999. – Vol. 20 (3). – P. 397–418.
211. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // *Journal of Metaphor and Symbolic Activity*. – 1995. – Vol. 10 (3). – P. 183–204.

Источники фактического материала

1. Брэдбери Р. Сборник научно-фантастических произведений: Пер. с англ. – Кишинев, 1985. – 576 с.
2. Брэдбери Р. Холодный ветер, теплый ветер: Сборник научно-фантастических рассказов: Пер. с англ. – М., 1983. – 408 с.

3. Джойс Дж. Дублинцы: Пер. с англ. – М., 1982. – 256 с.
4. Bradbury R. Short stories. – Moscow, 2000. – 288 p.
5. Joyce J. Dubliners. – New York, 1991. – 153 p.

Словари

1. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. – 17-е изд. – М., 1977. – 888 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М., 2001. – 944 с.
3. Словарь русского языка: В 4 т. – 3-е изд., стереотип. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1985–1988. – 3084 с.
4. Словарь современного английского языка: В 2 т. – М., 1992. – 1229 с.
5. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. – 10th ed. – Springfield, MA, 1995. – 1660 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Метафорические контексты первого этапа эксперимента

1. «She sat at the window watching the evening invade the avenue» [Joyce, 1991, p. 20].
2. «The evening deepened in the avenue» [Joyce, 1991, p. 22].
3. «The Wellington Monument wore a gleaming cap of snow that flashed westward over the white field of Fifteen Acres» [Joyce, 1991, p. 137].
4. «A wave of yet more tender joy escaped from his heart and went coursing in warm flood along his arteries» [Joyce, 1991, p. 145].
5. «A dull anger began to gather again at the back of his mind and the dull fires of his lust began to glow angrily in his veins» [Joyce, 1991, p. 149].
6. «A vague terror seized Gabriel at this answer, as if, at that hour when he had hoped to triumph, some impalpable and vindictive being was coming against him, gathering forces against him in its vague world» [Joyce, 1991, p. 150].
7. «The tears gathered more thickly in his eyes and in the partial darkness he imagined he saw the form of a young man standing under a dripping tree. Other forms were near. His soul had approached that region where dwell the vast hosts of the dead» [Joyce, 1991, p. 152].
8. «His own identity was fading out into a grey impalpable world: solid world itself, which these dead had one time reared and lived in, was dissolving and dwindling» [Joyce, 1991, p. 152].
9. «His soul swooned slowly as he heard the snow falling faintly though the universe and faintly falling, like the descent of the last end, upon all the living and the dead» [Joyce, 1991, p. 152].
10. «It was after sunset; but the window-panes of the houses that looked to the west reflected the tawny gold of a great bank of clouds» [Joyce, 1991, p. 4].
11. «Out of chars and ashes, out of dust and coals, like golden salamanders, the old years, the green years, might leap; roses sweeten the air, white hair turn Irish-black, wrinkles vanish; all, everything fly back to seed, flee death, rush down to their

beginnings, suns rise in western skies and set in glorious easts, moons eat themselves opposite to the custom, all and everything cupping one in another like Chinese boxes, rabbits in hats, all and everything returning to the fresh death, the seed death, the green death, to the time before the beginning» [Bradbury, 2000, p. 119].

12. «It towered thirty feet above half of the trees, a great evil god, folding its delicate watchmakers claws close to its reptilian chest» [Bradbury, 2000, p. 128].

13. «Each lower leg was a piston, a thousand pounds of white bone, sunk in thick ropes of muscles, sheathed over in a gleam of pebbled skin like the mail of a terrible warrior» [Bradbury, 2000, p. 128].

14. «Its eyes rolled, ostrich eggs, empty of all expression save hunger» [Bradbury, 2000, p. 128].

15. «Eckels turned slowly to regard the primeval garbage dump, that hill of nightmares and terror» [Bradbury, 2000, p. 134].

16. «And there was a *feel*. His flesh twitched. His hands twitched. He stood drinking the oddness with the pores of his body» [Bradbury, 2000, p. 135].

17. «Spring mornings as a boy he found he had leaned from his bedroom window into the snow- smelling air to see the sun sparkle the last icicle of winter. A dripping of white wine, the blood of cool but warming. April fell from that clear crystal blade. Minute by minute, December's weapon grew less dangerous. And then at last the icicle fell with the sound of a single chime to the graveled walk below» [Bradbury, 2000, p. 149].

18. «He saw the skin peel from the rocket beehive, men, thus revealed, running, running, running, mouths shrieking, soundless» [Bradbury, 2000, p. 150].

19. «Space was a black mossed well where life drowned its roars and terrors» [Bradbury, 2000, p. 150].

20. «The beautiful hand outside the ship trembled, a tremendous image of his own gesture, sank with oiled silence into the ship body. The Cup, lid shut, dripped yellow flowers and white stars, slid deep» [Bradbury, 2000, p. 153].

21. «The ship's pulse ran. The heart of the ship rushed, beat, rushed, the Cup of gold in it. The cold blood raced around about down through, around about down through» [Bradbury, 2000, p. 153].
22. «They waited for him to gather all the coolness and the whiteness and the welcome and refreshing climate of the word in his mind, and they saw him settle the word, like a bit of ice-cream, in his mouth, rolling it gently» [Bradbury, 2000, p. 155].
23. «On the western sky they saw four crimson flares open out, float shimmering down the wind above the desert, then sink silently to the extinguishing earth» [Bradbury, 2000, p. 179].
24. «The lawn mower. A wheel in a wheel. A simple machine which you held in your hands, which you sent on ahead with a rush and a clatter while you walked behind with your quiet philosophy. Racket followed by warm silence. Whirling wheel, then soft football of thought» [Bradbury, 2000, p. 183–184].
25. «The grass showering up fell softly around him; he relished and savored it and felt that he was all mankind bathing at last in the fresh waters of the fountain of youth» [Bradbury, 2000, p. 184].
26. «For three days in late November, he stood alone, feeling the soft white flakes of Time falling out of the infinite cold steel sky, silently, softly, feathering the roof and powdering the eaves» [Bradbury, 2000, p. 220].
27. «Consider an attic. Its very atmosphere is Time. It deals in other years, the cocoons and chrysalises of another age. All the bureau drawers are little coffins where a thousand yesterdays lie in state» [Bradbury, 2000, p. 222].
28. «Mr. Finch lifted the attic trap door. But here, *here*. The dust of summer sprang up about him. The attic dust simmered with heat left over from other seasons» [Bradbury, 2000, p. 224].
29. «... attic... He closed the trap door down. The flashlight, snapped on, was company enough. Yes, here was all of Time compressed in a Japanese paper flower. At the touch of memory, everything would unfold into the clear water of the mind, in

beautiful blooms, in spring breezes, larger than life. Each of the bureau drawers slid forth, might contain aunts and cousins and grandmamas, ermined in dust. Yes, Time was here. You could feel it breathing, an atmospheric instead of a mechanical clock» [Bradbury, 2000, p. 227].

30. «Wintry November light glowed up through the trap in the attic floor behind her. Bent to it, she saw the snow whispering against the cold clear panes down in that November world where she would spend the next thirty years» [Bradbury, 2000, p. 229–230].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Опубликованные переводные метафорические контексты второго этапа эксперимента

1. «Она сидела у окна, глядя, как вечер завоевывает улицу» [Джойс, 1982, с. 50].
2. «Вечер на улице сгущался» [Джойс, 1982, с. 53].
3. «Памятник Веллингтону был в блестящей снежной шапке; снег кружился, летя на запад над белым пространством Пятнадцати Акров» [Джойс, 1982, с. 211].
4. «Волна еще более бурной радости накатила на него и разлилась по жилам горячим потоком» [Джойс, 1982, с. 222].
5. «Глухой гнев начал скопляться в глубине его сердца, и глухое пламя желания начало злобно тлеть в жилах» [Джойс, 1982, с. 227].
6. «Безотчетный страх вдруг охватил Габриела: в тот самый час, когда все было так близко, против него встало какое-то неосязаемое мстительное существо, в своем бесплотном мире черпавшее силы для борьбы с ним» [Джойс, 1982, с. 228].
7. «Слезы застилали ему глаза, и в полумраке ему казалось, что он видит юношу под деревом, с которого капает вода. Другие тени обступали его. Его душа погружалась в мир, где обитали сонмы умерших» [Джойс, 1982, с. 231].
8. «Его собственное «я» растворялось в их сером неосязаемом мире; материальный мир, который эти мертвецы когда-то создали и в котором жили, таял и исчезал» [Джойс, 1982, с. 231].
9. «Его душа медленно меркла под шелест снега, и снег легко ложился по всему миру, приближая последний час, ложился легко на живых и мертвых» [Джойс, 1982, с. 231].
10. «Солнце уже зашло, но оконные стекла домов, обращенные к западу, отражали багряное золото длинной гряды облаков» [Джойс, 1982, с. 29].
11. «Из пепла и праха, из пыли и золы восстанут, будто золотистые саламандры, старые годы, зеленые годы, розы усладят воздух, седые волосы станут

черными, исчезнут морщины и складки, все и вся повернет вспять и станет семенем, от смерти ринется к своему истоку, солнца будут всходить на западе и погружаться в зарево востока, луны будут убывать с другого конца, все и вся уподобится цыпленку, прячущемуся в яйцо, кроликам, ныряющим в шляпу фокусника, все и вся познает новую смерть, смерть семени, зеленую смерть, возвращение в пору, предшествующую зачатию» [Брэдбери, 1985, с. 248].

12. «Оно на тридцать футов возвышалось над лесом – великий бог зла, прижавший хрупкие руки часовщика к маслянистой груди рептилии» [Брэдбери, 1985, с. 252].

13. «Ноги – могучие поршни, тысяча фунтов белой кости, оплетенные тугими каналами мышц под блестящей морщинистой кожей, подобной кольчуге грозного воина» [Брэдбери, 1985, с. 252–253].

14. «Вращались глаза – страусовые яйца, не выражая ничего, кроме голода» [Брэдбери, 1985, с. 253].

15. «Экельс медленно повернулся и остановил взгляд на доисторической падали, горе кошмаров и ужасов» [Брэдбери, 1985, с. 255].

16. «А тут еще это ощущение. По коже бежали мурашки. Руки дергались. Всеми порами тела он улавливал нечто странное, чужеродное» [Брэдбери, 1985, с. 256].

17. «... Ранняя весна, утро. Мальчишка, вдыхая запах снега, высунул в окно посмотреть, как искрится на солнце последняя сосулька. С прозрачной хрустальной иголки капает, точно белое вино, прохладная, но с каждой минутой все более жаркая кровь апреля. Оружие декабря, что на миг становится все менее грозным. И вот уже сосулька падает на гравий. Дзинь! – будто пробили куранты...» [Брэдбери, 1985, с. 281].

18. «Он видел, как шелушится покров корабля, видел, как люди, лишённые защиты, бегают, мечутся с распахнутыми в немом крике ртами» [Брэдбери, 1985, с. 248].

19. «Космос – черный замшелый колодец, в котором жизнь топит свои крики и страх...» [Брэдбери, 1985, с. 281].
20. «Прекрасная рука за стеной дрогнула, повторив в исполинском масштабе жест командира, и бесшумно скользнула на свое место. Плотная закрытая чаша, рассыпая желтые цветы и белые звезды, исчезла в чреве корабля» [Брэдбери, 1985, с. 283].
21. «Гулко стучал пульс корабля, его сердце отчаянно колотилось. Чаша с золотом – на борту! Холодная кровь металась по жестким жилам: вверх-вниз, вправо-влево, вверх-вниз, вправо-влево...» [Брэдбери, 1985, с. 283].
22. «Они ждали, когда он мысленно соберет воедино всю прохладу и белизну, свежесть и бодрящий воздух, заключенный в заветном слове; и они увидели, как слово рождается у него во рту и перекачивается на языке, будто кусочек мороженого» [Брэдбери, 1985, с. 284].
23. «На западном небосклоне распустились четыре алых огненных цветка; подхваченные ветром, они поплыли, мерцая, над пустыней, беззвучно канули вниз и угасли» [Брэдбери, 1985, с. 416].
24. «Косилка. Колесо в колесе. Нехитрая машина, берешься за рукоять и ведешь ее вперед, колеса вертятся, стрекочут, а ты шагаешь сзади и спокойно раздумываешь о своем. Шум, треск, а над всем этим – покой и тишина. Круженье колеса – и неслышная поступь раздумья» [Брэдбери, 1985, с. 418–419].
25. «Срезанная трава брызгала из-под ножей и мягко падала вокруг; он вдыхал ее свежесть, упивался ею и чувствовал – не его одного, но все человечество наконец-то омывает животворный родник вечной молодости» [Брэдбери, 1985, с. 419].
26. «Ноябрь был на исходе, и три дня мистер Финч простоял так в одиночестве, чувствуя, что само Время тихо, безмолвно осыпается белыми хлопьями с бескрайнего свинцового неба, укрывает холодным пухом крышу и припудривает карнизы» [Брэдбери, 1983, с. 259].

27. «– Ведь что такое чердак? Тут дышит само Время. Тут все связано с прошедшими годами, все сплошь – куколки и коконы иного века. Каждый ящик и ящичек – словно крохотный саркофаг, где покоятся тысячи вчерашних дней» [Брэдбери, 1983, с. 261].

28. «Уильям Финч откинул крышку чердачного люка. Зато – вот оно! Вокруг него взвилась летняя пыль. Здесь, на чердаке, пыль кипела от жары, сохранив-шейся с давно прошедших знойных дней» [Брэдбери, 1983, с. 263].

29. «... чердак ... Он опустил крышку люка. Вспыхнул карманный фонарик – другого спутника ему не надо. Да, оно все здесь – Время, собранное, сжатое, точно японский бумажный цветок. Одно прикосновение памяти – и все раскроется, обернется прозрачной росой мысли, вешним ветерком, чудесными цветами – огромными, каких не бывает в жизни. Выдвинь любой ящик комода – и под горностаевой мантией пыли найдешь двоюродных сестриц, тетушек, бабушек. Да, конечно, здесь укрылось Время. Ощущаешь его дыхание – оно разлито в воздухе, это не просто бездушные колесики и пружинки» [Брэдбери, 1983, с. 265–266].

30. «Позади, через отверстие люка в полу, сочился снизу холодный зимний свет. Кора нагнулась – снег, шурша, лизал стекла окон там, внизу, в холодном ноябрьском мире, где ей суждено провести еще тридцать лет» [Брэдбери, 1983, с. 267].